

К-63

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
НАРОДОВ ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ**

Грозный — 1990

ЧЕЧЕНО-ИНГУШСКИЙ ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА»
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЭКОНОМИКИ,
СОЦИОЛОГИИ И ФИЛОЛОГИИ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ ЧИАССР

ПРЕДИСЛОВИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
НАРОДОВ ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ

250124

АВТОМЕНТ

Январь 1990 г.

Печатается по постановлению Ученого совета Чечено-Ингушского ордена «Знак Почета» научно-исследовательского института истории, экономики, социологии и филологии при Совете Министров ЧИАССР.

Редакционная коллегия.

Х. М. Мамаев, М. Б. Мужухоев (отв. редакторы)
З. И. Хасбулатова, Д. Ю. Чахкиев

Рецензент: межвузовская кафедра истории народов Северного Кавказа при Чечено-Ингушском госуниверситете имени Л. Н. Толстого.

Темплан 1990 г.
© Чечено-Ингушский ордена «Знак Почета» научно-исследовательский институт истории, экономики, социологии и филологии.
Грозный, 1990.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Очередной археолого-этнографический сборник Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, экономики, социологии и филологии содержит новые материалы, выявленные специалистами в результате археологических и этнографических изысканий последних лет в высокогорных, предгорных и плоскостных районах Чечено-Ингушетии. Он открывается статьей, которая вводит в научный оборот новые раскопочные материалы из Элистанжинского раннесредневекового каменнотеррацированного могильника в Юго-Восточной Чечне. Выясняется этническая принадлежность населения, оставившего памятник, даются обоснование датировки и подробное описание встреченного здесь инвентаря /М. Х. Багаев, Х. М. Мамаев/. Наши знания о поздне-средневековой материальной культуре горной Ингушетии пополняются результатами раскопок двух полуподземных склепов из Шуанского и Эгикальского могильников. Авторы устанавливают различные стороны погребального обряда и социально-имущественный статус мужских захоронений как воинов и ремесленников /Д. Ю. Чахкиев, Е. И. Нарожный/. В сборнике содержится детальное описание таких еще недостаточно изученных видов наступательного оружия поздне-средневековых вайнахов, как боевые ножи и кинжалы с выяснением их типологии, конструктивных особенностей, функциональной дифференциации, датировки, генезиса и эволюции /Д. Ю. Чахкиев/. Разбирается с определением генезиса, времени функционирования и возможного назначения сравнительно небольшая группа поздне-средневековых архитектурных памятников, получившая в специальной литературе название склепов с открытой поминальной камерой /Р. А. Даутова/. Рассматриваются праздники урожая русского и украинского населения Чечено-Ингушетии и связанные с ними различные календарные обычаи и обряды осеннего цикла. Все они восходят, по автору, к общеславянским традициям и испытывают на себе влияние соседних кавказских народов /Д. Б. Заседателева/. Исследуются магические представления вайнахов, занимавшие одно из ве-

душих мест в системе религиозных верований прошлого. Отмечается, что они неправомерно отождествляются с традициями и связываются с исламом /З. А. Мадаева/. Анализируются вопросы свободного времени и его формы современного сельского населения Чечено-Ингушетии, что должно способствовать разработке практических рекомендаций, направленных на дальнейшее совершенствование социалистического образа жизни /З. И. Хасбулатова/. Завершает сборник статья о традиционном скотоводстве вайнахов по этнографическим материалам. Дается историография вопроса, показано общее состояние животноводства /С. А. Хасиев/.

Таким образом, можно отметить, что вошедшие в тематический сборник статьи отличаются новизной, они достаточно актуальны и имеют практическую значимость. Публикуемые материалы, как можно надеяться, привлекут внимание специалистов, краеведов, учащейся молодежи и будут полезны при написании полной научной истории Чечено-Ингушской АССР. Вместе с тем они могут быть эффективно использованы в повседневной лекционной работе среди населения республики.

Редакционная коллегия и авторский коллектив выражают свои признательность рецензенту — кафедре истории народов Северного Кавказа Чечено-Ингушского государственного университета им. Л. Н. Толстого, сделавшей ряд ценных замечаний и рекомендаций, довавшей сборник в печать.

Сборник подготовлен сектором археологии и этнографии института (и. о. зав. сектором Хасбулатова З. И.).

Редакционная коллегия

М. Х. Багаев, Х. М. Мамаев

РАСКОПКИ ЭЛИСТАНЖИНСКОГО МОГИЛЬНИКА (ЮГО-ВОСТОЧНАЯ ЧЕЧНЯ) В 1979 ГОДУ

В 1972 г. у селения Элистанжи Веденского района ЧИАССР М. Х. Багаевым был открыт и частично исследован раннесредневековый могильник (1). Раскопки некрополя были продолжены в 1979 году (2).

Результаты работ в первом сезоне уже опубликованы (3). Данная статья имеет целью введение в оборот материалов второго года изучения одного из редких пока археологических объектов в восточной части Чечено-Ингушетии.

В ходе раскопок 1979 года на территории некрополя, расположенного на юго-восточной окраине селения Элистанжи¹, в трех раскопах общей площадью 452 м² было обнаружено 12 каменных ящиков, гробниц и грунтовых погребений² (рис. 1, 2).

Погребение 7(1)³ еще до начала работ было вскрыто местными жителями. В каменном ящике длиной 1,85, шириной 0,8 и глубиной 1,1 м, ориентированном по линии З-В с отклонением, сохранились остатки одного погребенного, сложенные в северо-восточном углу могилы. В перемешанной засыпи ящика обнаружены древесные угли и три стеклянных бусины (рис. 3, 1—4).

Погребение 8(2). На глубине 0,25 м зафиксированы разбитые плиты каменного перекрытия, вместе с грунтом заполнявшие каменный ящик, ориентированный по линии З-В. Стенки его составлены из вертикально поставленных плит, размеры: длина — 1,47, ширина 0,84, глубина 0,8. В перемешанном грунте обнаружены ос-

¹ При публикации материалов 1972 года было ошибочно указано, что могильник расположен на юго-западной окраине селения (3, с. 85).

² В соответствии с принятой в северокавказской медиевистике практикой под каменными ящиками понимаются погребения, стенки которых составлены из вертикально поставленных плит, под гробницами — погребения со стенками, сооруженными методом кладки из колотого камня (4, с. 88). При этом авторы отдают себе отчет в определенной условности критериев разделения типов погребальных сооружений (5).

³ Цифра в скобках соответствует нумерации погребений в полевом отчете 1979 г.

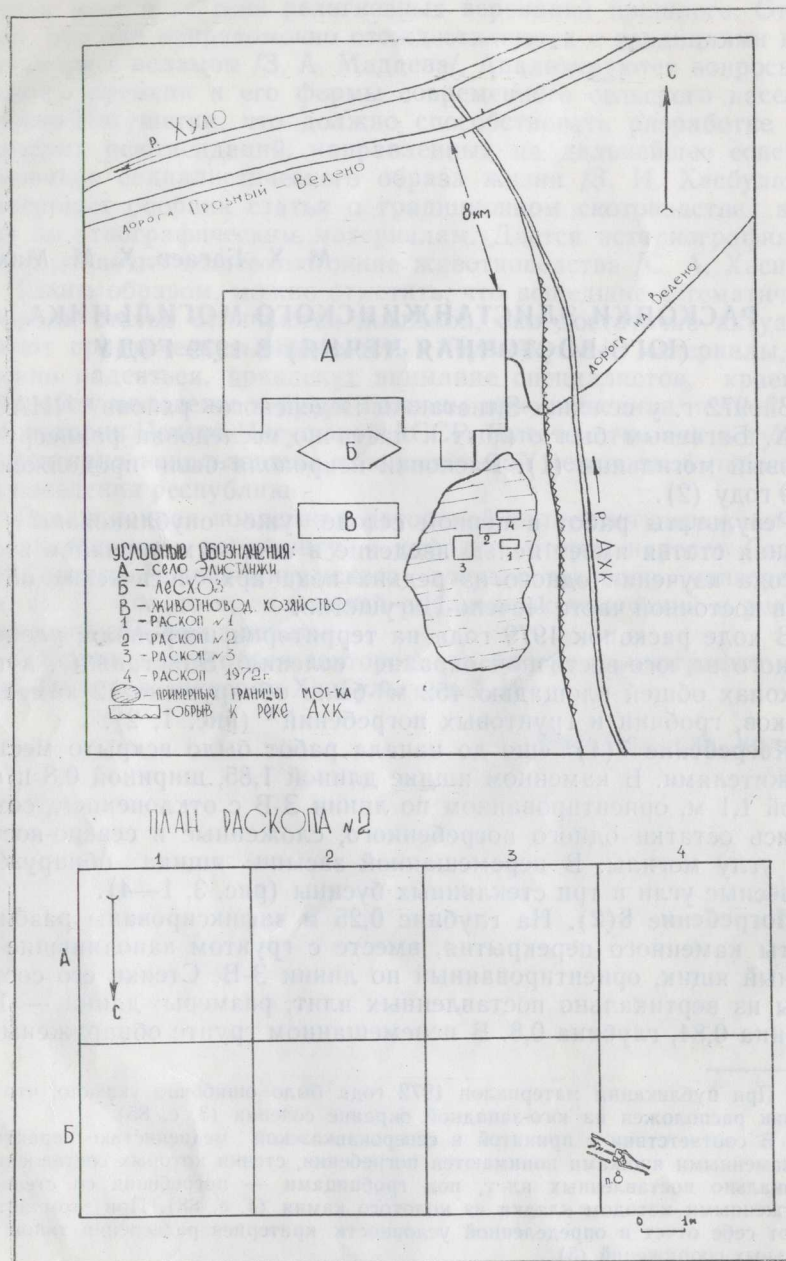

Рис. 1. План-схема Элистанжинского могильника, План раскопа № 2.

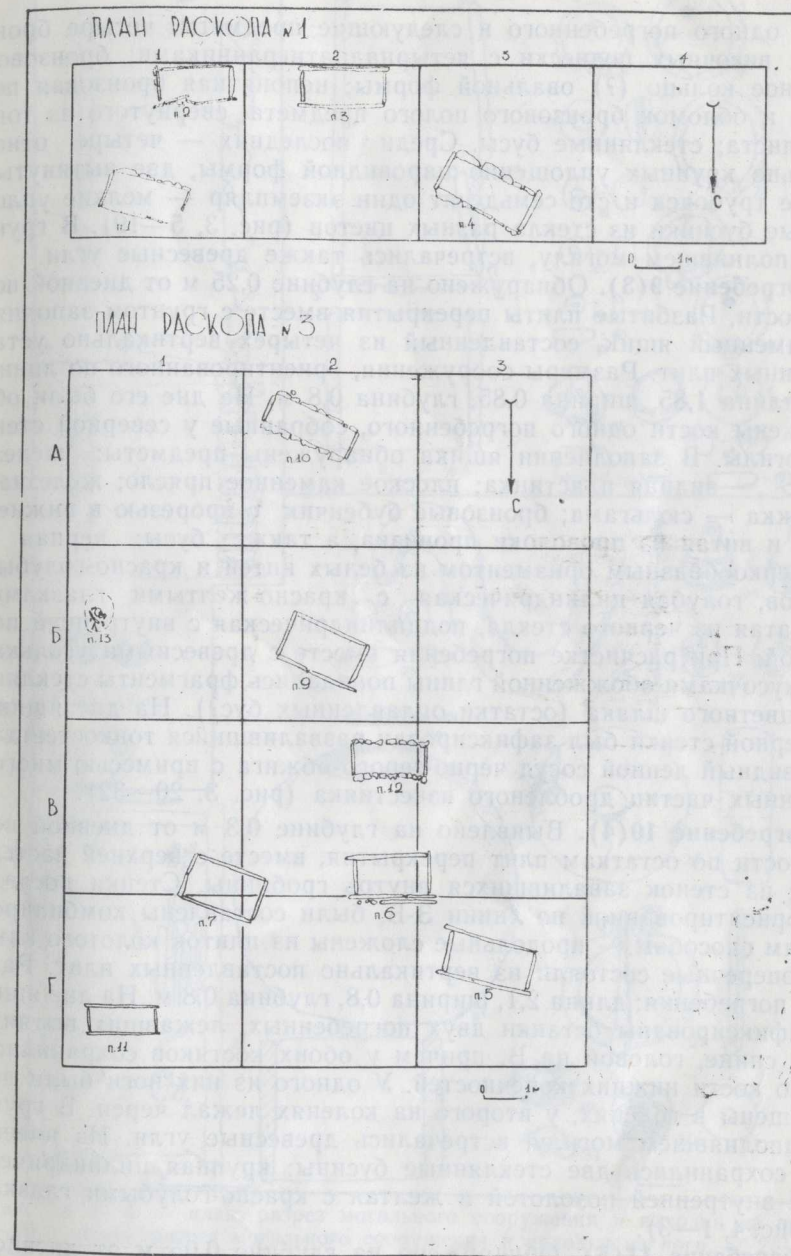

Рис. 2. Планы раскопов № 1, 3 Элистанжинского могильника.

татки одного погребенного и следующие предметы: четыре бронзовых височных подвески с четырнадцатигранниками; бронзовое височное кольцо (?) овальной формы; непонятная бронзовая подделка и обломок бронзового полого предмета, свернутого из тонкого листа; стеклянные бусы. Среди последних — четыре относительно крупных уплощенно-шаровидной формы, две вытянутые в виде трубочек и сто семьдесят один экземпляр — мелкие уплощенные бусинки из стекла разных цветов (рис. 3, 5—19). В грунте, заполнявшем могилу, встречались также древесные угли.

Погребение 9(3). Обнаружено на глубине 0,25 м от дневной поверхности. Разбитые плиты перекрытия вместе с грунтом заполняли каменный ящик, составленный из четырех вертикально установленных плит. Размеры сооружения, ориентированного по линии З-В: длина 1,85, ширина 0,85, глубина 0,8 м. На дне его были обнаружены кости одного погребенного, собранные у северной стенки могилы. В заполнении ящика обнаружены предметы: железная ∞ — видная пластинка; плоское каменное прясло; железная застежка — сюльгама; бронзовые бубенчик с прорезью в нижней части и витая из проволоки пронизка, а также бусы: черная с восьмеркообразным орнаментом из белых нитей и красно-голубых глазков, голубая цилиндрическая с красно-желтыми глазками, трубчатая из черного стекла, подцилиндрическая с внутренней позолотой. При расчистке погребения вместе с древесными угольками и кусочками обожженной глины попадались фрагменты стеклянного цветного шлака (остатки оплавленных бус?). На дне ящика у северной стенки был зафиксирован развалившийся тонкостенный шаровидный лепной сосуд черно-серого обжига с примесью многочисленных частиц дробленого известняка (рис. 3, 20—32).

Погребение 10(4). Выявлено на глубине 0,3 м от дневной поверхности по остаткам плит перекрытия, вместе с верхней частью одной из стенок завалившихся внутрь гробницы. Стенки последней, ориентированной по линии З-В, были составлены комбинированным способом — продольные сложены из плиток колотого камня, поперечные состояли из вертикально поставленных плит. Размеры погребения: длина 2,1, ширина 0,8, глубина 0,8 м. На дне ящика зафиксированы останки двух погребенных, лежавших вытянуто на спине, головой на В, причем у обоих костяков сохранились только кости нижних конечностей. У одного из них ноги были перекрещены в голенях, у второго на коленях лежал череп. В грунте, заполнявшем могилу, встречались древесные угли. Из инвентаря сохранились две стеклянные бусины: крупная цилиндрическая с внутренней позолотой и желтая с красно-голубыми глазками (рис. 4, 1—3).

Погребение 11(5). Обнаружено на глубине 0,05 м от дневной поверхности. Плиты перекрытия отсутствовали. Каменный ящик был составлен из массивных плит, поставленных на ребро. При

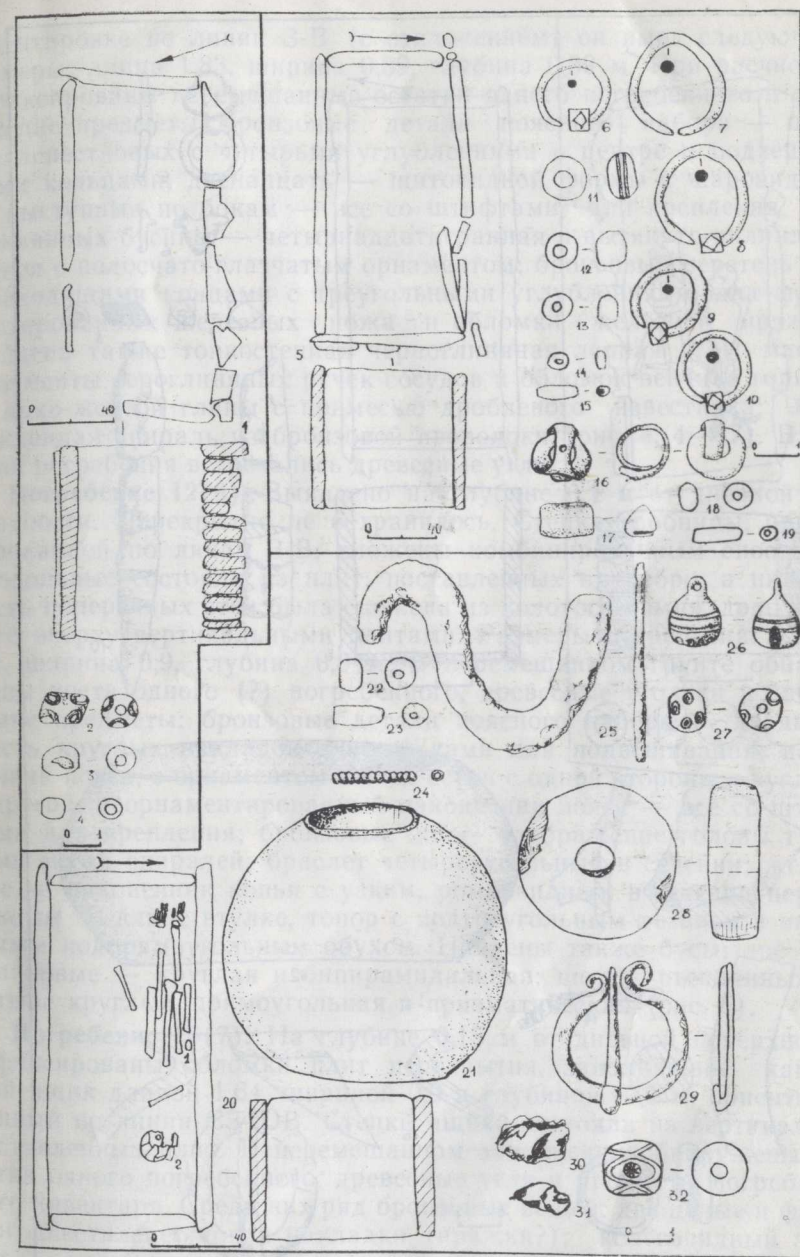

Рис. 3. 1—4 — план, разрез могильного сооружения и находки из погр. 7; 5—19 — план, разрез могильного сооружения и находки из погр. 8; 20—32 — план, разрез могильного сооружения и находки из погр. 9 (2—4, 11—15, 18, 19, 22, 23, 27, 30—32 — стекло; 6—10, 16, 17, 24, 26 — бронза; 21 — глина; 25, 29 — железо; 28 — камень).

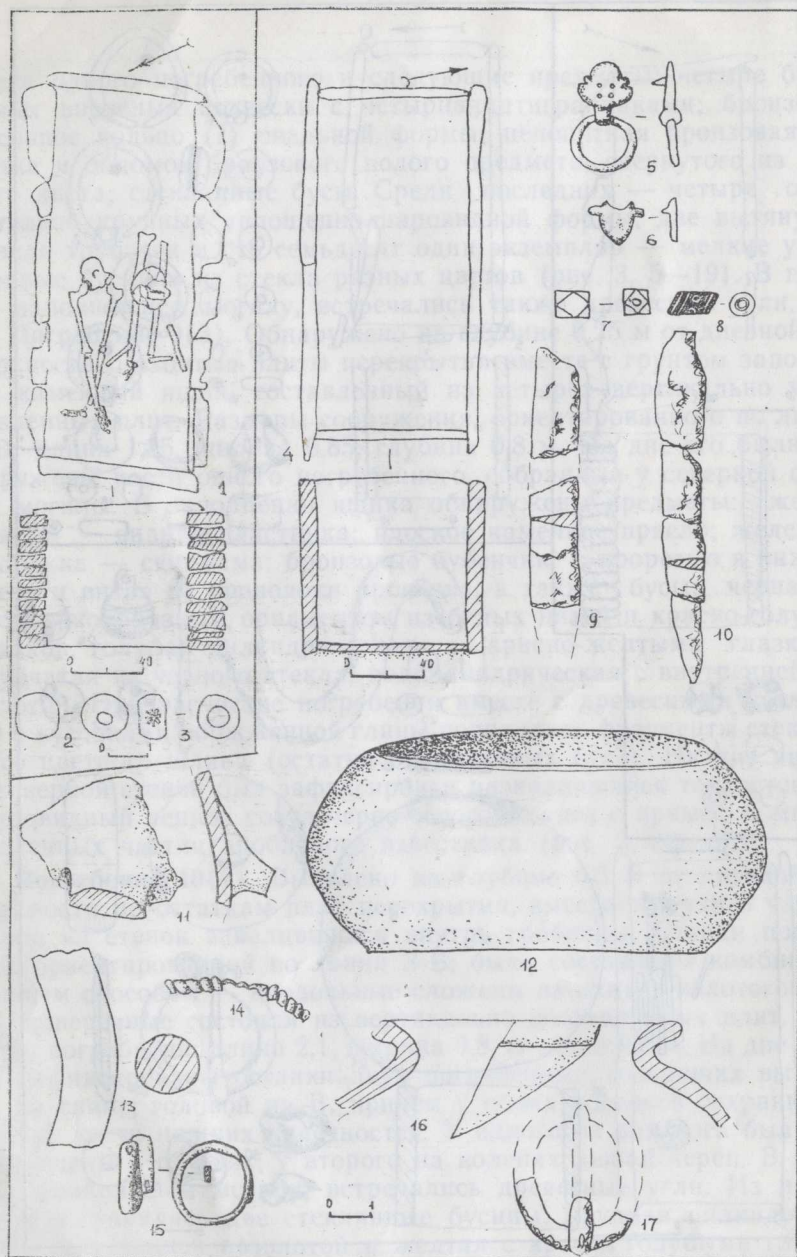

Рис. 4. 1—3 — план, разрез могильного сооружения и находки из погр. 10; 4—17 — план, разрез могильного сооружения и находки из погр. 11 (2, 3, 7, 8 — стекло; 5, 6, 14, 15 — бронза; 9, 10, 17 — железо; 11 — 13, 16 — глина).

ориентировке по линии 3-В (с отклонением) он имел следующие размеры: длина 1,83, ширина 0,89, глубина 0,89 м. При расчистке зафиксированы перемешанные остатки одного погребенного и следующие предметы: бронзовые детали поясного набора — пять трехлепестковых с четырьмя углублениями в центре и подвешенными кольцами, двенадцать — щитовидной формы с шаровидными выступами по бокам — все со штифтами для крепления; две стеклянных бусины — четырнадцатигранная и вытянуто-цилиндрическая с полосчато-глазчатый орнаментом; бронзовый перстень (?) с заходящими концами с треугольными углублениями; два фрагментированных железных ножа и обломки железной пряжки. Найдена также тонкостенная черноглиняная лепная (?) миска, фрагменты сероглиняных ручек сосудов и обломок венчика горшка из ярко-желтой глины с примесью дробленого известняка; поврежденная спираль из бронзовой проволоки (рис. 4, 4—17). В засыпи погребения встречались древесные угли.

Погребение 12(6). Выявлено на глубине 0,1 м от дневной поверхности. Перекрытие не сохранилось. Стенки гробницы, ориентированной по линии 3-В, сложены комбинированным способом: продольные состояли из плит, поставленных на ребро, а нижняя часть поперечных стен была сложена из колотого камня, дополненного сверху вертикальными плитами. Размеры погребения: длина 1,6, ширина 0,9, глубина 0,8 м. В перемешанном грунте обнаружены кости одного (?) погребенного, древесные угольки и следующие предметы: бронзовые детали поясного набора — двадцать шесть круглых накладок с петельками для подвешивания; наконечник пояса, с орнаментом в виде сетки с одной стороны и «углов» с другой; неорнаментированный наконечник пояса — все со штифтами для крепления; бронзовые же — изображение головы тура; семь витых спиралей; браслет четырехугольный в сечении; железные — наконечник копья с узким, ромбовидным в сечении пером, равным по длине втулке, топор с подтреугольным лезвием и вытянутым подпрямоугольным обухом. Найдены также бусы: две сердоликовые — круглая и бипирамидальная; шесть стеклянных — четыре круглые, прямоугольная и призматическая (рис. 5).

Погребение 13(7). На глубине 0,15 м от дневной поверхности зафиксированы обломки плит перекрытия, заполнявшие каменный ящик длиной 1,64, шириной 0,9 и глубиной 0,9 м, ориентированный по линии СЗ-ЮВ. Стенки ящика состояли из вертикально поставленных плит. В перемешанном заполнении обнаружены остатки одного погребенного, древесные угли и предметы погребального инвентаря. Среди них ряд бронзовых вещей: две целые и фрагмент шестилепестковой накладки (пряжки?); колесовидный амулет — подвеска; пряжка и две накладки месяцевиной формы с круглыми выступами по краям; С — видные скобки — детали поясного набора; обломки двух плоских бронзовых браслетов с треу-

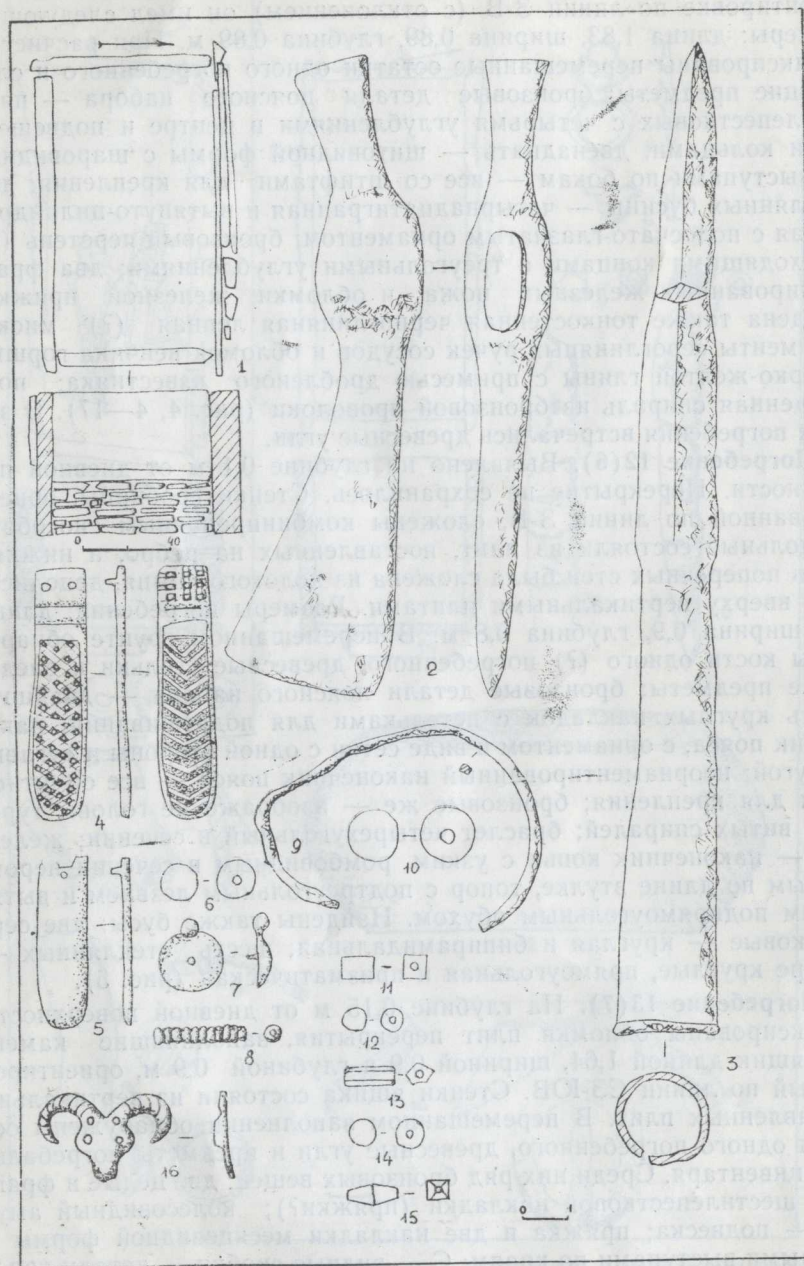

Рис. 5. План, разрез могильного сооружения и находки из погр. 12 (2, 3 — железо; 4, 5, 7, 9, 16 — бронза; 6, 10 — 13 — стекло; 14, 15 — камень).

ольшими углублениями на расширяющихся концах; литая серьга в виде пирамидки с ушком, в которую продета проволока, а вершина пирамидки завершается тремя последовательно расположенными шариками; фрагменты витой спирали; подвеска в виде головы быка. Из железа изготовлены крупная овалнорамчатая пряжка и плоский фрагментированный браслет. Найдены бусы: две уплощенные из голубого стекла, уплощенно-шаровидные из светло-желтого и темного непрозрачного стекла — по одной; две крупные подцилиндрические черные с восьмеркообразными белыми полосами и красно-голубыми глазками; сигаровидная красная с выпавшими глазками; две шаровидных сердоликовых; бипирамидальная халцедоновая (?); крупная многочастная с внутренним посеребрением. Среди находок также кремневая поделка; медвежий клык и фрагменты нескольких керамических сосудов: обломок дна сосуда желто-серого цвета, венчики двух горшков красно-желтого цвета; петлевидная ручка черноглиняного сосуда и обломки двух стенок желто-серого и серого цвета с орнаментом из оттисков зубчатого штампа и «волны» (рис. 6).

Погребение 14(8). Выявлено на глубине 0,2 м от дневной поверхности по краю вертикально стоявшей каменной плиты, рядом с которой на глубине 0,6 м расчищен скелет подростка, лежавший вытянуто на спине, головой на В (с небольшим отклонением), причем череп находился между бедренными костями. У колена правой ноги лежали две бусины — уплощенно-шаровидная из темного непрозрачного стекла и бутылковидная из синего. Выше, у бедра, найдена большая дольчатая халцедоновая бусина, на тазовой кости — бронзовая пряжка-сольгама. Железный нож лежал между колен. Вокруг погребенного и на костях встречались древесные угли (рис. 7,1—6).

Погребение 15(9). Выявлено на глубине 0,7 м от дневной поверхности. Перекрытие у ящика, ориентированного почти по линии 3-В, отсутствовало. Стенки могилы состояли из вертикально поставленных плит, ограждавших пространство длиной 1,7, шириной 1 и глубиной 0,95 м. В перемешанной земле обнаружены остатки одного погребенного и ряд предметов. Это бронзовые детали поясного набора — две сложнофигурные накладки со штифтами для крепления; фрагменты железного ножа; две шаровидные и бипирамидальная сердоликовые бусины; двухчастная бусина из голубого стекла; обломок миски черного обжига с примесью дробленого известняка в тесте. В заполнении могилы фиксировались древесные угольки (рис 7,7—14).

Погребение 16(10). Зафиксировано на глубине 0,05 м от дневной поверхности по обломкам плит перекрытия. Гробница, ориентированная по линии 3-В, имела длину 1,87, ширину 0,65, глубину 0,69 м. Продольные стенки могилы возведены из колотого камня,

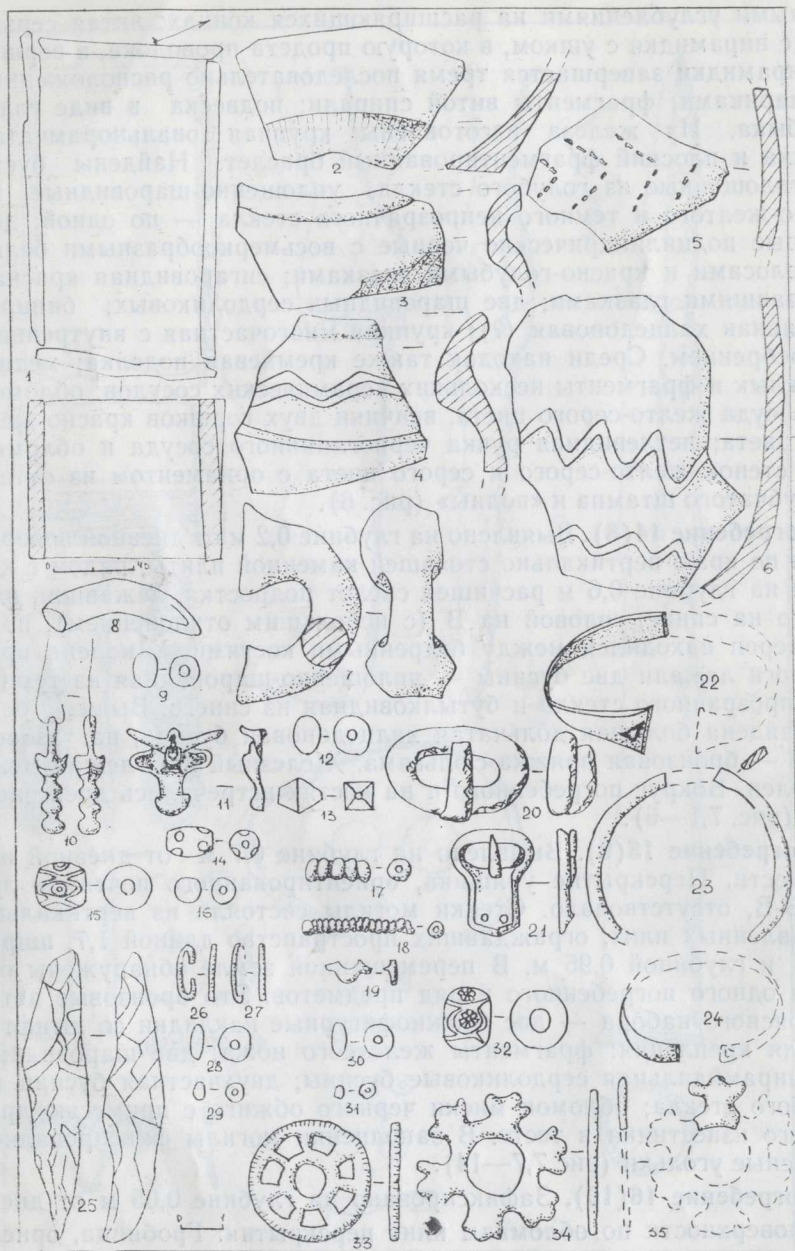

Рис. 6. План, разрез могильного сооружения и находки из погр. 13 (2—7 — глина; 8 — кость; 9, 12, 14—17, 28—32 — стекло; 10, 11, 18, 19, 21, 22, 24, 26, 27, 33—35 — бронза; 13, 25 — камень; 20, 23 — железо).

оперечные состояли из вертикально поставленных плит. Ни погребенного, ни находок нет (рис. 7, 16).

Погребение 17(11). Обнаружено на глубине 0,3 м от дневной поверхности. Перекрытие отсутствовало, стенки каменного ящика состояли из вертикально поставленных плит. Могила была ориентирована почти по линии 3-В и имела длину 1,59, ширину 0,56 и глубину 0,55 м. При расчистке выявлены остатки четырех погребенных, в том числе четыре черепа. Из погребального инвентаря сохранились уплощенно-шаровидная сердоликовая бусина; четырнадцатигранная бусина из агата (?); несколько стеклянных бусин: две ромбические, бочонковидная, подшаровидная из темно-голубого стекла, бочонковидная с внутренней позолотой (рис. 7, 17—23).

Погребение 18 (12). Выявлено на глубине 0,15 м от дневной поверхности. Перекрытие не сохранилось, несколько обломков плит обнаружено при расчистке внутри гробницы. Продольные стенки последней сложены из колотого камня, поперечные составлены из вертикальных плит. Размеры могилы, ориентированной по линии 3-В, длина 1,56, ширина 0,67, глубина 1,15 м. В перекопанном заполнении обнаружены остатки одного погребенного, древесные угли и ряд предметов. Это бронзовые височные подвески — одна с четырнадцатигранником, вторая в виде кольца с заходящими концами, а также бусы: мелкие уплощенно-шаровидные из голубого стекла — двенадцать экземпляров и цилиндрическая глазчатая (рис. 7, 24—29).

Погребение 19(13). На глубине 0,48 м от дневной поверхности зафиксированы три небольшие плиты, закрывавшие грунтовую яму размерами 1,05 x 0,75 м, ориентированную по линии С-Ю, в которой лежали собранные в кучу кости погребенного. Под костями оказался 30-сантиметровый слой обожженной земли, а под ним слой древесных углей и золы толщиной 3—4 см. При расчистке около черепа была найдена бронзовая височная подвеска в виде кольца с двумя полыми шариками, разделенными трубчатыми пронизками (рис. 7, 30—31).

В одном из раскопов (№ 3) на глубине 0,29 м был найден бронзовый браслет с расширяющимися концами, орнаментированными небольшими углублениями.

Отдельно следует отметить предметы, найденные на территории могильника местным жителем Р. Х. Хамзатовым в 1979 г. По словам последнего, вещи происходят из двух каменных ящиков: в одном вместе с железным наконечником копья были обнаружены позднее утерянные бронзовая дуговидная фибула и полукруглая бляшка с петелькой; в другом — железные наконечник дротика и серповидный нож (рис. 8). Детали обряда неизвестны, но судя по достаточно показательным культурно- и хронологически типам предметов и форме погребального сооружения, речь может идти о древностях VI—V вв. до н. э., обычных для зоны контакта кобан-

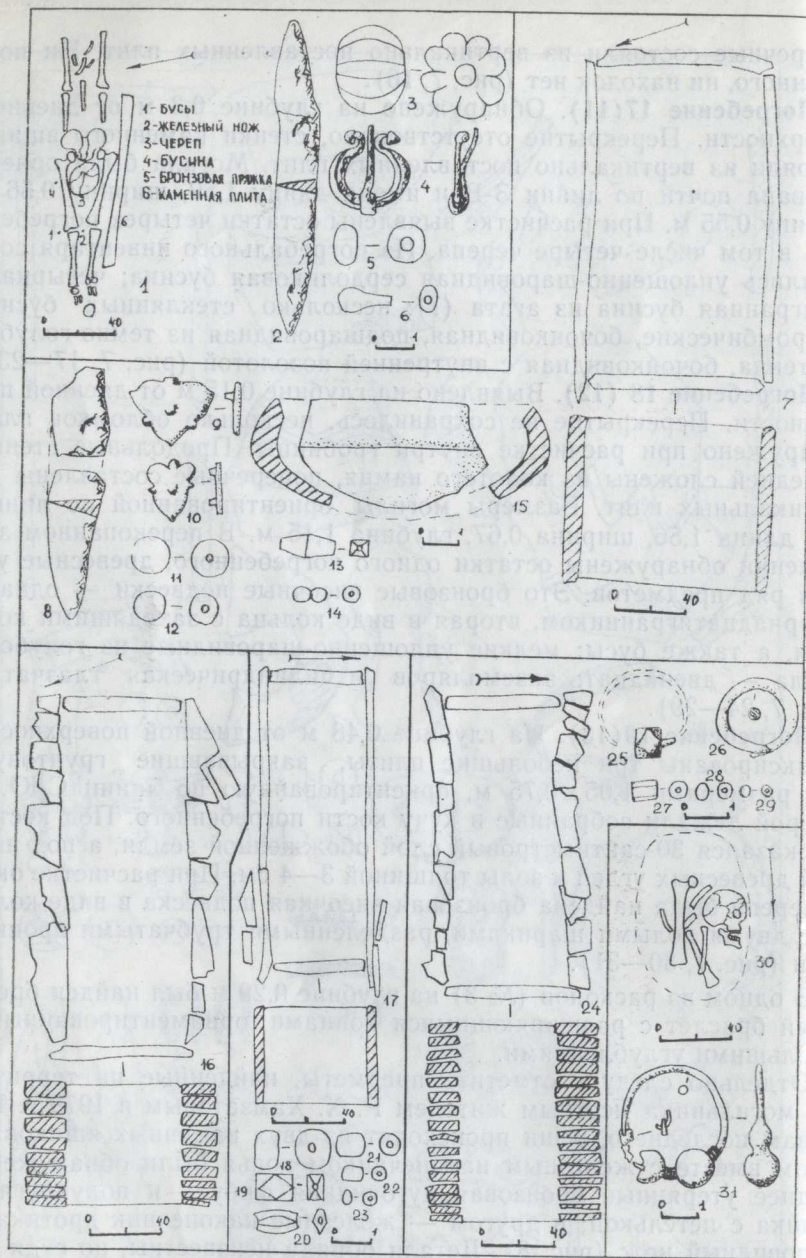

Рис. 7. 1—6 — план, разрез могильного сооружения и находки из погр. 11; 7—14 — план, разрез могильного сооружения и находки из погр. 15; 16 — план и разрез погр. 16; 17—23 — план, разрез могильного сооружения и находки из погр. 17; 24—29 — план, разрез могильного сооружения и находки из погр. 18; 30—31 — план погр. 19 и находки (2, 8 — железо; 3, 11—13, 18, 19 — камень; 4, 9, 10, 25, 26, 31 — бронза; 5, 6, 14, 20—23, 27—29 — стекло; 15 — глина)

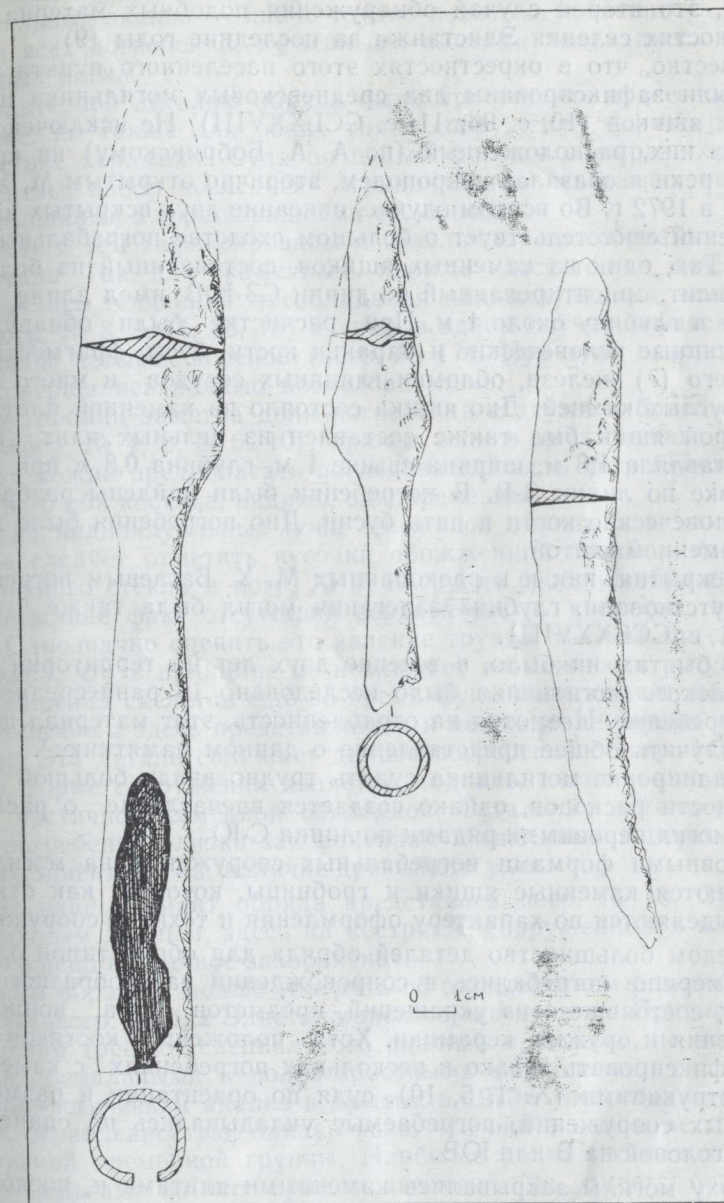

Рис. 8. Случайные находки на территории могильника в 1979 г.

ской и каякентско-харацоевской культур в скифское время (6; 7; 8). Кстати, это второй случай обнаружения подобных материалов в окрестностях селения Элистанжи за последние годы (9).

Известно, что в окрестностях этого населенного пункта ранее уже были зафиксированы два средневековых могильника из каменных ящиков (10, с. 96; 11, с. ССLXXVIII). Не исключено, что один из них, расположенный (по А. А. Бобринскому) на крутом обрыве реки и оказался некрополем, вторично открытым М. Х. Багаевым в 1972 г. Во всяком случае, описание двух вскрытых на нем погребений свидетельствует о большом сходстве погребальных обрядов. Так, один из каменных ящиков, составленный из больших целых плит, ориентированный по линии СЗ-ЮВ, имел длину 1,8 м, ширину и глубину около 1 м. При расчистке были обнаружены разбросанные человеческие и бараньи кости, бусы, фрагменты обгоревшего (?) железа, обломки глиняных сосудов и много больших круглых камней. Дно ящика состояло из каменной плиты.

Второй ящик был также составлен из цельных плит. Длина его составляла 1,8 м, ширина свыше 1 м, глубина 0,8 м при ориентировке по линии З-В. В погребении были найдены разбросанные человеческие кости и пять бусин. Дно погребения было выстлано каменной плитой.

Перекрытия, как и в раскопанных М. Х. Багаевым погребениях, отсутствовали, глубина залегания могил была также небольшой (11, с. ССLXXVIII).

Как бы там ни было, в течение двух лет на территории Элистанжинского могильника было исследовано 19 раннесредневековых погребений. Несмотря на ограбленность, этот материал позволяет получить общее представление о данном памятнике⁴.

О планировке могильника судить трудно ввиду большой разбросанности раскопов, однако создается впечатление о расположении могил неровными рядами по линии С-Ю.

Основными формами погребальных сооружений на могильнике являются каменные ящики и гробницы, которые, как отмечалось, выделяются по характеру оформления и технике сооружения.

В целом большинство деталей обряда для обоих типов одинаково. Умершие погребались в сопровождении разнообразного инвентаря, состоявшего из украшений, предметов быта, воинского снаряжения и оружия, керамики. Хотя положение костяков удалось зафиксировать только в нескольких погребениях с каменными конструкциями (№ 1, 5, 10), судя по ориентации и размерам остальных сооружений, погребаемые укладывались на спину вытянуто, головой на В или ЮВ.

Сверху могилы закрывались каменными плитами и, поскольку располагались на небольшой глубине (максимальное залегание верхних краев стенок составило 0,5 м, среднее — 0,2—0,3 м), бы-

⁴ При анализе погребального обряда рассматриваются и материалы 1972 г.

ли, видимо, заметны на поверхности. Нельзя исключать и наличие надмогильных знаков — иначе трудно понять ограбленность практически всех погребений. Каменными плитами выстилалось и дно некоторых могил.

Характерной деталью обряда было присутствие древесного угля, реже, но также для обоих типов сооружений зафиксировано присутствие керамики. Судя по целым формам и выразительным фрагментам, набор последней ограничивался мисками, небольшими горшками и горшковидными сосудиками.

Вместе с тем зафиксированы и отдельные своеобразные детали ритуала. Так, для каменных ящиков достаточно отчетливо обозначилась тенденция преобладания индивидуальных захоронений (погр. № 8, 9, 11, 13, 15) и лишь в одном случае зафиксировано наличие четырех черепов (погр. № 17). При этом захоронения здесь совершались, видимо, последовательно.

Для гробниц заметна доля погребений с двумя и более костяками (погр. № 1, 2, 5, 6, 10), причем если в двух случаях (погр. № 1, 5) можно предполагать последовательность погребения, то в погр. № 10 оба костяка, видимо, одновременны.

Среди индивидуальных пока признаков обряда для каменных ящиков следует отметить кусочки обожженной глины и цветного оплавленного стекла в погр. № 9. В группе гробниц обращает на себя внимание факт отсутствия верхней части костяков в погр. № 10. Однозначно оценить это явление трудно, так как могила потревожена, что в принципе не исключает возможности ритуального разрушения скелетов еще во время функционирования некрополя. Необычным здесь представляется и нахождение черепа на костях ног. Эта деталь сближает данное погребение с погр. 14, которое по форме сооружения является, однако, иным — грунтовой ямой с частичной каменной обкладкой. Остальные детали обряда этого погребения близки захоронениям в каменных ящиках — восточная ориентировка, наличие древесного угля.

Еще один вариант обряда представлен погр. № 19. Судя по раскопочным данным, здесь на кострище, сооруженном в яме, было совершено вторичное захоронение.

Таким образом, можно говорить об определенном разнообразии погребального обряда Элистанжинского могильника. Причины этого явления требуют специального анализа и, похоже, не исчерпываются социальными и половозрастными факторами.

Хронологический анализ вскрытых в 1979 г. погребений осложнен их ограбленностью, однако ясно, что они в целом не создают компактной временной группы. Наиболее ранним кажется погр. № 14. Сюльгама из него прямых аналогий не имеет, подобные предметы вообще редки в раннесредневековых могильниках Чечено-Ингушетии (Кенхи, Чааре — 12; 13), являясь характерными приметами сарматского периода (14, с. 36). Близка ситуация и в

Дагестане, но здесь сюльгамы представлены в комплексах V—VI вв. Большого Буйнакского кургана — могильника, функционировавшего с позднесарматского времени (15, с. 138—141; 16, с. 131—132). Халцедоновые дольчатые бусы, подобные находке из погр. 14, как и стеклянная бутылковидная из этого же комплекса, типичны для памятников античного времени (17). Исходя из сказанного, можно отнести рассматриваемое погребение ко времени не позднее середины I тыс. н. э.

В погр. № 8 и 18 среди остатков инвентаря сохранились височные подвески с четырнадцатигранными. Они считаются характерными для памятников V—VII вв. (15, с. 50 и сл.; 16, с. 137—139), доживая в катакомбных могильниках алан Центрального Кавказа до VIII — пер. пол. IX в., а в дагестанских древностях встречаясь и позже (15; 18; 19, рис. 7, 4). В плоскостной и предгорной зонах Чечено-Ингушетии вытеснение этого типа украшений другими формами происходит в основном в VIII в. (20, с. 61). Считаем возможным датировать указанные погребения временем не позднее этого столетия.

Следующий хронологический этап Элистанжинского могильника представлен погр. № 11 и 12. В первом из них показательные накладки поясного набора, находящие аналогии в салтово-маяцких памятниках VIII—IX вв. (21, рис. 44, 45) и щитовидные бляшки, параллели которым известны в южноуральских курганах IX—X вв. (22, рис. 15, 6; 26, 22 и др.). Перстень (?) из этого погребения по оформлению концов аналогичен браслетам с треугольными углублениями, распространенными в IX в. и позже (23; 13, с. 30).

В погр. 12 хронологически показателен топор — параллели ему широко представлены в материалах катакомбных могильников Чечено-Ингушетии IX—X вв. (типы 1 и 2 — 24, с. 56—57); амулет в виде головы тура — очень близкие есть среди дуба-юртовских находок IX—X вв. (25, рис. 4, 8; 8, 27), а также наконечник пояса. Орнамент последнего находит прямое сходство с декором салтовских поясов VIII—IX вв. с одной стороны и орнаментацией пряжки поясного набора из мартан-чуйской катакомбы № 6, датируемой не позднее рубежа IX—X вв. (21, рис. 45, 11; рис. 5, 10, 15) — с другой.

Заключительный хронологический пласт составляют погр. № 9, 13, 15. Погр. № 13 по составу находок во многом аналогично погр. № 6 из раскопок 1972 г., где датирующими представляются типичные поясные наборы с обычным для VIII—IX вв. орнаментом и большой набор бус, аналогичных мартан-чуйским из катакомбы № 29, относящейся ко времени не позднее рубежа IX—X вв. (27, с. 26). Однако в погр. № 13 найдены также характерные бусы с орнаментацией из восьмеркообразно перекрещивающихся нитей с глазками в центре, что позволяет говорить о времени не ранее начала X в. (24, с. 134). Эта дата подтверждается наличием С-образных

скобок, как в Дуба-Юрте (25, рис. 2, 15) и полулунных накладок с отроостками, часто встречающихся в южноуральских комплексах IX — начала X в. (22, рис. 26, 22). Близким во времени погр. № 13 представляется и погр. № 9.

Более поздним в этой серии кажется погр. № 15. Сохранившиеся в нем накладки поясного набора обычны в X—XI вв. (Мартан-Чу, Дуба-Юрт, Джалка и др.). Еще более близким современности является вторичное погр. № 19. Найденная в нем височная подвеска может быть сопоставлена с образцами украшений, распространенных в Юго-Восточной Европе и на Северном Кавказе не ранее XI в. (4, рис. 79, 14; 82, 38; 94, 172). Различного вида трехбусинные подвески были широко известны в славянской среде (28; 29), однако в данном случае заимствование представляется маловероятным. Мода на височные украшения с разнообразными бусинами из стекла, металла и др. охватывала в это время практически весь евразийский мир.

Что касается этнической принадлежности населения, оставившего Элистанжинский могильник, то оно может быть определено как автохтонное, говорившее на языке нахской группы. Судя по аналогиям погребальному обряду (инвентарь здесь менее показателен), тяготеющим в основном к памятникам предгорной зоны Чечни и Дагестана (Большой Буйнакский курган, Тарки, Байтарки, Кенхи и т. д.) в части каменных ящиков и гробниц, в целом продолжающих традиции сарматского времени (30, с. 64; 31), это население имело древние корни, генетически восходившие к этносу памятников типа Гатын-Кале — Билты (32), что представляется важным моментом для понимания процессов этногенеза вайнахов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Багаев М. Х. Элистанжинский раннесредневековый могильник//АО—1972. — М., 1973.
2. Багаев М. Х. Элистанжинский могильник//АО—1979. — М. 1980.
3. Багаев М. Х. Элистанжинский раннесредневековый могильник//АВЭИСК. — Грозный, 1979.
4. Степи Евразии в эпоху средневековья. — М., 1981.
5. Нечаева Л. Г. Осетинские погребальные склепы и этногенез осетин//Этническая история народов Азии. — М., 1972.
6. Виноградов В. Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. — Грозный, 1972.
7. Козенкова В. И. Кобанская культура. Восточный вариант. САИ. — М., 1977.
8. Козенкова В. И. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант. САИ. — М., 1982.
9. Дударев С. Л., Мамаев Х. М., Хасбулатова З. И. Новые находки скифского времени из селений Элистанжи и Майртуп//Новые материалы по археологии и этнографии Чечено-Ингушетии. — Грозный, 1987.
10. Виноградов В. Б., Марковин В. И. Археологические памятники Чечено-Ингушской АССР. — Грозный, 1966.

11. ОАК за 1882—1888 гг. — СПб, 1891.
12. Даутова Р. А., Мамаев Х. М. Новые данные о средневековых подземных склепах Чечено-Ингушетии//Средневековые погребальные памятники Чечено-Ингушетии. — Грозный, 1985.
13. Мамаев Х. М., Даутова Р. А. Кенхинский 1-й могильник в верховьях реки Шаро-Аргун//Памятники эпохи раннего железа и средневековья Чечено-Ингушетии. — Грозный, 1981.
14. Петренко В. А. Хронология погребального инвентаря сарматского времени (III в. до н. э. — IV в. н. э.) из могильников Юго-Восточной Чечни//Проблемы хронологии погребальных памятников Чечено-Ингушетии. — Грозный, 1986.
15. Атаев Д. М. Нагорный Дагестан в раннем средневековье. — Махачкала, 1963.
16. Абрамова М. П. Буйнакский курган//Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. — Махачкала, 1980.
17. Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. САИ. — М., 1982.
18. Амброз А. К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы//СА, 1971.
19. Пикуль М. И. Раскопки на Сулаке в 1955 г./МАД, I. — Махачкала, 1959.
20. Мамаев Х. М. Хронология катакомбных могильников Чечено-Ингушетии конца IV — первой половины VIII в./Проблемы хронологии погребальных памятников Чечено-Ингушетии. — Грозный, 1986.
21. Плетнева С. А. От кочевий к городам. — М., 1967.
22. Мажитов Н. А. Курганы Южного Урала VIII—XIII вв. — М., 1981.
23. Круглов А. П. Археологические раскопки в Чечено-Ингушетии летом 1936 г. — Грозный, 1938.
24. Мамаев Х. М. Население плоскостной зоны Среднего Притеречья в эпоху раннего средневековья. Дис... канд. ист. наук. Грозный, 1985.
25. Мамаев Х. М., Савенко С. Н. Дуба-Юртовские катакомбные могильники//Новые археолого-этнографические материалы по истории Чечено-Ингушетии. — Грозный, 1988.
26. Виноградов В. Б., Мамаев Х. М. Аланский могильник у сел. Мартан-Чу в Чечне (материалы 1970—1976 гг.)//Вопросы археологии и этнографии Северной Осетии. — Орджоникидзе, 1984.
27. Виноградов В. Б., Мамаев Х. М. Мартан-Чуйский I-й могильник в Чечне (материалы раскопок 1977—1978 гг.)//Средневековые погребальные памятники Чечено-Ингушетии. — Грозный, 1985.
28. Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв. — М., 1982.
29. Равдина Т. В. Погребения X—XI вв. с монетами на территории Древней Руси. — М., 1988.
30. Абрамова М. П. Особенности культуры населения Дагестана в албано-сарматскую эпоху//СА, 1987, 4.
31. Петренко В. А. Погребальный обряд населения Юго-Восточной Чечни в III в. до н. э. — IV в. н. э. как этнический показатель//АВЭИСК. — Грозный, 1979.
32. Виноградов В. Б., Хашегульгов Б. М. Бельтинский могильник эпохи бронзы (вопросы хронологии)//Проблемы хронологии погребальных памятников Чечено-Ингушетии. — Грозный, 1986.

Д. Ю. Чахкиев, Е. И. Нарожный

НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ ГОРНОЙ ИНГУШЕТИИ

До настоящего времени, к сожалению, многие важные вопросы позднесредневековой истории Чечено-Ингушетии остаются еще сравнительно слабо исследованными. И особенно это относится к напряженному золотоордынскому периоду /XIII—XV вв/, что во многом объясняется скудностью существовавшей источниковой базы /в том числе археологических материалов/. Однако в последние годы, в результате плодотворных стационарных изысканий на новостройках республики сотрудников археологической лаборатории ЧИГУ им. Л. Н. Толстого /руководитель — проф. В. Б. Виноградов/ и сектора археологии и этнографии ЧИНИИИЭСФ, весьма значительно пополнился фонд разнообразных археологических источников этого времени. В настоящей работе публикуются результаты охранно-спасательных раскопок двух полуподземных склепов Шуанского /«Мохде»/ и Эгикальского могильников горной Ингушетии /Назрановский р-он/, находившихся, под реальной угрозой полного уничтожения.

Отмеченные обширные склеповые некрополи уже исследовались В. Ф. Миллером, В. И. Долбежевым, Л. П. Семеновым, М. Х. Багаевым, М. Б. Мужухоевым, В. Б. Виноградовым, Д. Ю. Чахкиевым, Е. И. Нарожным, Р. А. Даутовой, Х. М. Мамаевым и другими учеными [см., например: 1—10].

Шуанский склеповый могильник. Полуподземный склеп № 28 /нумерация гробниц была произведена в 1982 г. [9, с. 15 и сл., рис. I] расположен на крутом склоне, в северо-восточной части крупного /в частности, состоящего из более 250 подземных, полуподземных и наземных коллективных усыпальниц/ Шуанского могильника в Джейраховском ущелье. К моменту исследования данный склеп, большей частью врытый в скальный склон, был сильно поврежден. Он ориентирован длинной осью с северо-запада на юго-восток /рис. 1, 5—8/. В центре полуразрушенной фасадной юго-восточной стены находился лаз /0,45 х 0,40 х 0,30 м/. Возведена усыпальница весьма тщательно, из частично обработанных, но хорошо подогнанных друг к другу песчаниковых камней на известковом связующем растворе. Наружная часть северо-восточной стены и стены погребальной камеры несут следы штукатурки желтого цвета. Северо-восточная и юго-западная стены сверху постепенно суживаются, образуя неполный ложный свод, который перекрывался крупными и толстыми каменными плитами. Размеры стен погребальной камеры у основания: северо-западная и юго-во-

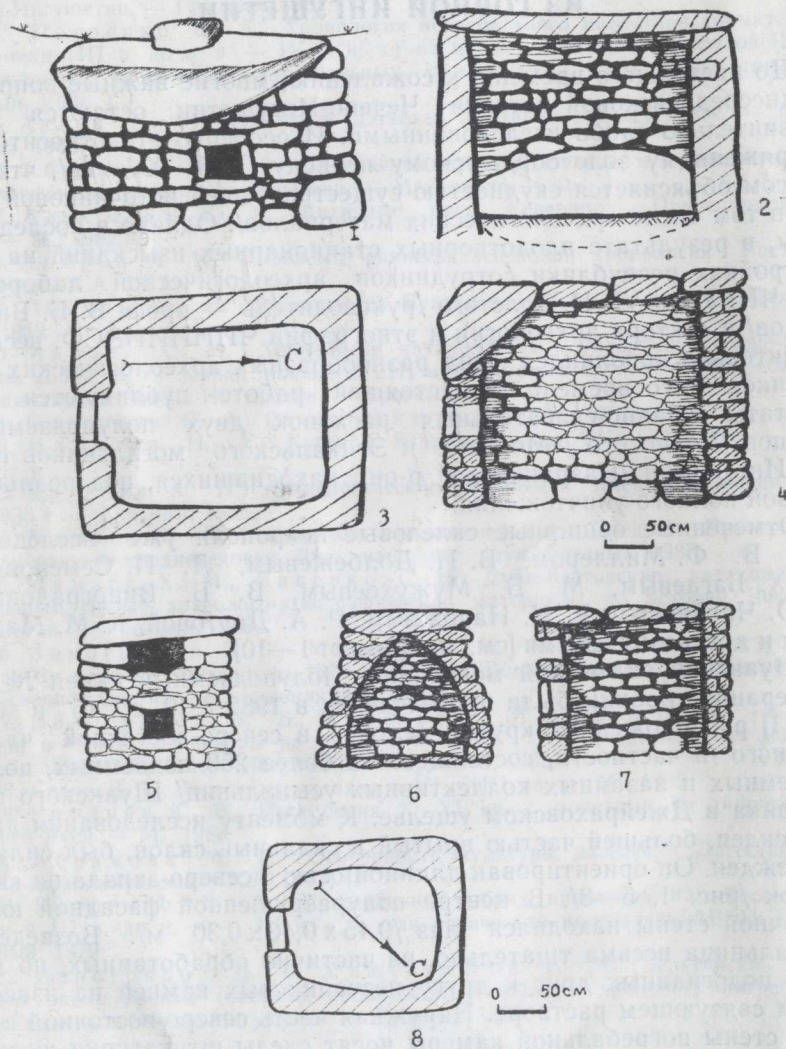

Рис. 1. Полуподземные склепы Шуанского и Эгикальского могильников
/1—4 — Эгикал, 5—8 — Шуан/

сточная 1, 20 м, северо-восточная и юго-западная 1,90 м. Углы камеры закруглены. Толщина стен у основания 0,40 м. Высота погребальной камеры 1,15 м, пол был выложен крупными сланцевыми плитами. Полки и ниши в камере отсутствовали.

Погребальная камера была большей частью завалена выпавшими из стен и перекрытия камнями, грунтом. В результате предпринятой расчистки внутреннего пространства камеры выяснилось, что в этом полуподземном склепе находились останки четырех взрослых погребенных — двух мужчин и двух женщин, причем погребальная камера была предназначена для совершения здесь именно небольшого количества захоронений. Усопших, по-видимому, укладывали вытянуто на спине, головой на северо-запад /т. е. ногами к лазу/. Однако костяки погребенных находились уже не в анатомическом порядке и значительной частью были раздавлены. Сопровождавший усопших погребальный инвентарь оказался также разрозненным и перемешанным, располагаясь по всей площади камеры. В итоге археологических раскопок здесь удалось обнаружить следующие предметы.

1. Бронзовые и серебряная подвески в виде незамкнутого кольца, на котором полая бусина удлиненно-сферокопической формы украшена сверху колонками шариков, а снизу — мелкой зернью — 5 экз. /рис. 2, 1—2, 5—6, 24/. Одна из них с литой бусиной /рис. 2, 5/. Высота сохранившихся экземпляров 4,5—5,8 см.

2. Фрагмент сабли с частью крестовины /рис. 2, 3/. Общая длина сохранившейся части сабли 38,5 см. Клинок сабли однолезвийный, шириной у перекрестья 3,9 см, толщина спинки 0,5 см. Железное перекрестье напускное, частью преднамеренно обломанное /т. е. прослеживается бытовавший обряд порчи оружия/. Перекрестье массивное, горизонтальные ее части были опущены в сторону клинка и имели на концах ромбовидные отростки. Обладка рукояти не сохранилась. Очевидно, она была цельной, деревянной и просто вгонялась до упора в черен. Поэтому на последнем не фиксируются заклепки и отверстия для них.

3. Железные черешковые наконечники стрел — 15 экз. /рис. 2, 4, 10—13, 16, 18, 20—23, 25—27, 36/. Из них 5 плоские, а остальные — граненые. По форме пера плоские наконечники подразделяются на типы: 1 /двуругий /рис. 2, 4/. Размеры: общая длина 142 мм, длина пера 50 мм, ширина развилки 34 мм; 2/ в виде лопаточки с тупоугольной ударной частью /рис. 2, 18/. Размеры: длина 101 мм, длина пера 50 мм, ширина пера 24 мм; 3/ вытянуто-ромбовидный /рис. 2, 21/. Размеры: длина 92 мм, длина пера 50 мм, ширина пера 18 мм; 4 /ромбически крупный /рис. 2, 22/. Размеры: длина 91 мм, длина пера 69 мм, ширина пера 42 мм. Черешок у этого наконечника обломан; 5 /фрагмент ромбовидного крупного /рис. 2, 16/. Граненые наконечники стрел представлены типами: 1 /весловидные, с четырехгранной головкой и шейкой — 2 экз. /рис.

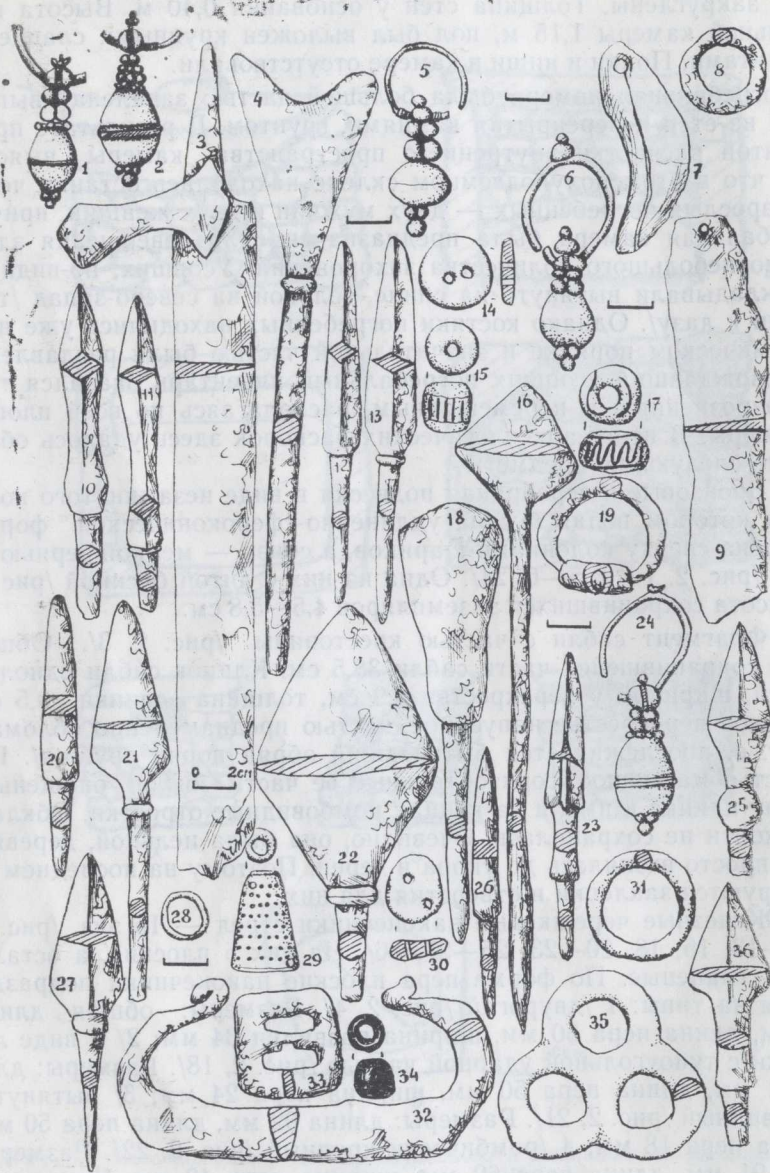

Рис. 2. Инвентарь из полуподземного склепа № 28 Шуанского могильника.

2, 10—11/. Размеры: общая длина соответственно 78 и 74 мм, длина головки 53 и 59 мм, ширина грани 6 и 5 мм; 2 /копьевидные, квадратного и ромбического сечения — 3 экз. /рис. 2, 20, 26/. Размеры: длина 63—83 мм, длина головки 41—49 мм, ширина грани 4—7 мм; 3 /вытянуто-ромбовидные, ромбического сечения — 2 экз. /рис. 2, 13, 27/. Размеры: длина соответственно 89 и 74 мм, длина головки 52 и 42 мм, ширина грани 6 и 8 мм; 4 /вытянуто-ромбовидный, ромбического сечения, с шейкой /рис. 2, 36/. Размеры: длина 60 мм, длина головки 48 мм, ширина грани 9 мм; 5 /вытянутый трехгранно-трехлопастной, с шейкой /рис. 2, 23/. Размеры: длина 71 мм, длина головки 57 мм, ширина лопасти 5 мм; 6 /вытянуто-ромбический, ромбического сечения /рис. 2, 25/. Размеры: длина 57 мм, длина головки 47 мм, ширина грани 7 мм.

4. Амулет из медвежьего когтя с отверстием для подвешивания /рис. 2, 7/.

5. Кашинные округлые пуговицы с голубой поливой и двумя отверстиями /рис. 2, 14, 30/.

6. Железное и бронзовое кольца — 2 экз. /рис. 2, 8, 31/. Диаметр соответственно 2,0 и 2,5 см.

7. Железное уплощенное колечко со сваренными концами /рис. 2, 28/. Возможно, от кольчатого доспеха.

8. Стекланные бусины округлой формы 3 экз. /рис. 2, 15, 17, 34/. Две из них непрозрачные, светло-серого /с желтоватым оттенком/ цвета, орнаментированные по внешней поверхности врезным узором. Третья бусина из темно-синего прозрачного стекла /рис. 2, 34/.

9. Бронзовый конусовидный наперсток с пробитыми маленькими отверстиями по всей внешней поверхности и сквозным верхом /рис. 2, 29/. В нижней части его /на ободке/ — отверстие для подвешивания. Высота наперстка 2,3 см.

10. Железное С-образное кресало /рис. 2, 32/. Размеры: 7,9 х 4,1 см.

11. Бронзовая литая пряжка с тремя отверстиями /рис. 2, 35/. Размеры: 4,8 х 4,2 см. По-видимому, деталь конской сбруи.

12. Фрагменты железных пряжек — 2 экз. /рис. 2, 19, 33/.

13. Фрагмент клинка ножа /?/ /рис. 2, 9/. Размеры: длина 10,5 см, ширина 2,2 см, толщина спинки 0,3 см. В его верхней части находится сквозное отверстие.

14. Железный сильно поврежденный шлем сфероконической формы /рис. 3, 1/. Склепан из двух отдельных, горизонтально соединенных, частей. По-видимому, шлем имел кольчатую бармицу, о чем свидетельствует наличие четырех сквозных отверстий, расположенных попарно с боков шлема, между которыми находятся небольшие выступающие округлые кольца. По краю шлема, с затылочной стороны, проходит железный ободок /ширина 1,5 см/.

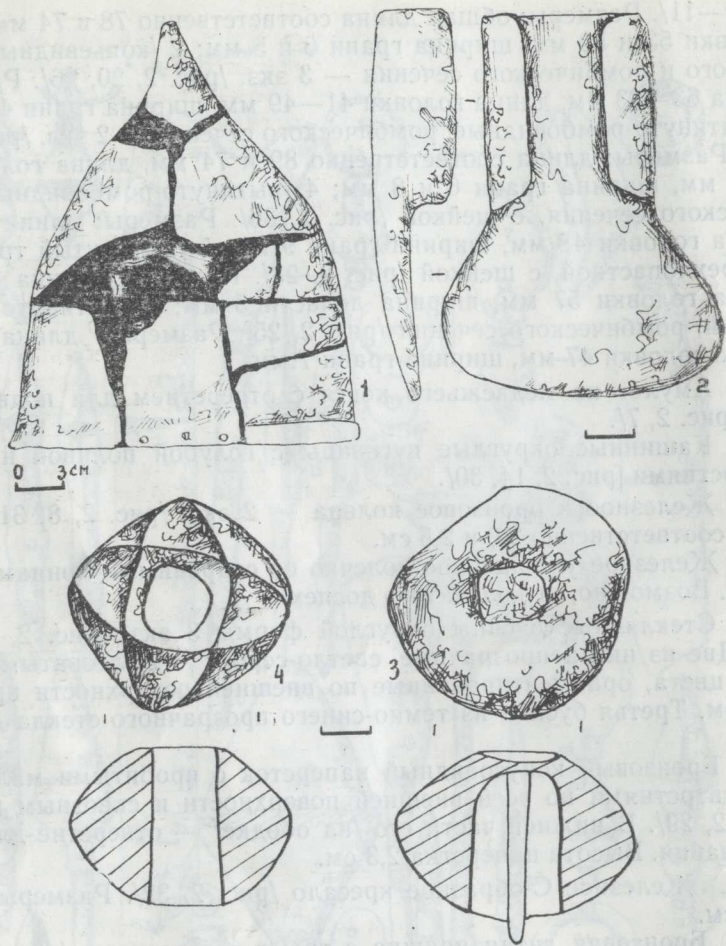

Рис. 3. Инвентарь из полуподземных склепов Шуанского и Эгикальского могильников /1—2 — Шуан, 3—4 — Эгикал/

Он сохранился не полностью. Высота шлема 26 см, диаметр его основания 22 см.

15. Железное втульчатое тесло /рис. 3, 2/. Размеры: 8,0 x 5,8 см. **Эгикальский склеповый могильник.** Исследованный полуподземный склеп находился в центральной части Эгикальского могильника, и сейчас непосредственно через него пролегает грунтовая дорога. Сам могильник, включающий 10 наземных и около 40 полуподземных склеповых усыпальниц, расположен у западной окраины крупнейшего ингушского средневекового башенного поселка

Эгикал в горной Ассинской котловине. Данный склеп ориентирован по линии С — Ю и практически полностью врыт в горный склон, на поверхности которого виднеется его фасадная южная часть с подквадратным лазом /0,50 x 0,40 x 0,40 м/. Возведена усыпальница из очень крупных, частично обработанных, но тщательно подогнанных друг к другу песчаниковых камней на связующем известковом растворе. Причем наиболее крупные камни можно видеть как в основании стен постройки, так и у ее перекрытия /рис. 1, 1—4/. На отдельных камнях стен погребальной камеры склепа заметны следы желто-белой штукатурки. В отличие от вышеотмеченной гробницы, данная усыпальница перекрыта очень крупными каменными блоками без существенного сужения кверху западной и восточной стен. Размеры стен погребальной камеры у основания: северная 1,80 м, южная 1,70 м, восточная 2,20 м, западная 2,30 м. Толщина стен у основания достигает 0,50 м. Высота камеры 1,65 м. В северо-восточном углу погребальной камеры отмечается крупная ниша /0,70 x 0,60 x 0,60 м/. Еще одна небольшая ниша /0,45 x 0,40 x 0,45 м/ фиксируется в центре восточной стены. Основание погребальной камеры скальное, тщательно выравненное.

Погребальная камера этого полуподземного склепа оказалась заваленной выпавшими из стен и перекрытия камнями, грунтом. В ходе расчистки здесь удалось выявить останки от пяти человеческих костяков /двух мужских, двух женских и одного детского/, находившихся уже не в анатомическом порядке и большей частью поврежденных.

Разрозненные останки одиночного мужского скелета удалось проследить вдоль восточной стены камеры склепа. Погребенный /ориентировочно 40—45-летнего возраста/ лежал, по-видимому, вытянуто на спине, головой на север /т. е. ногами к лазу/. Его сопровождал следующий погребальный инвентарь.

1. Сравнительно крупный железный черенковый однолезвийный боевой нож с прямой спинкой и лезвием /рис. 4, 1/. Черенок его отделен от клинка ярко выраженными уступами, а лезвие у острия плавно загибается вверх. В двух местах /в частности, клинок у черенка и рукоять/ боевой нож был специально переломан в момент совершения захоронения. На всю длину левой части клинка, непосредственно у спинки, в два ряда проходят узкие и неглубокие долы. На поврежденном черенке отмечаются две железные заклепки с массивными шляпками, посредством которых крепились рукоять. Последняя, как и ножны, не сохранилась. Однако, судя по прослеживаемым следам, они были деревянные. Размеры этого ножа: общая длина 66,0 см, длина клинка 59,0 см, ширина клинка у черенка 3,0 см, толщина спинки 0,6 см.

2. Железное сплюсненно-шаровидное навершие булавы с горизонтально граненым туловом /рис. 3, 3/. Оно частично поврежде-

но. Навершие имеет сделанную немного наискось сквозную втулку округлой формы. В ней прослеживается часть явно преднамеренно обломанной деревянной рукояти и железный гвоздь /длинной 4,5 см/, массивная шляпка которого полностью закрывала верхнюю часть втулки навершия булавы. Размеры находки: ширина 5,0 см, высота 3,6 см, диаметр нижней части втулки 1,8 см, а верхней — 1,2 см. Вес 240 г.

3. Семь железных черешковых наконечников стрел /рис. 4, 2—8/. Судя по сохранившимся остаткам на них дерева и кожи, расположены они были в погребении непосредственно в кожаном колчане на деревянном каркасе. На черешках некоторых из наконечников стрел сохранились фрагменты древков /диаметр 0,7—0,8 см/. Три из наконечников плоские, а остальные — граненые. Плоские экземпляры представлены одним типом — двурогие /рис. 4, 2—4/. Их размеры: общая длина 75—120 мм, длина пера 40—50 мм, ширина развилки 25—32 мм. Граненые образцы подразделяются на следующие типы: 1/ килевидный, ромбический в сечении /рис. 4, 5/. Размеры: длина 81 мм, длина головки 40 мм, ширина грани 6 мм; 2/ копьевидные, ромбические в сечении и с круглой шейкой — 2 экз. /рис. 4, 6, 8/. Общая длина соответственно 88 и 100 мм, длина головки 65 и 69 мм, ширина грани 5 мм; 3/ вытянуто-пирамидальный, квадратный в сечении и с круглой шейкой /рис. 4, 7/. Размеры: длина 88 мм, длина головки 50 мм, ширина грани 7 мм.

4. Фрагмент железного острия клинка сабли с двусторонней заточкой /рис. 4, 9/. Его длина 14 см, ширина 3,5 см.

5. Фрагмент железного шаровидного навершия рукоятки сабли /рис. 4, 10/.

6. Железный колчаный крюк /рис. 4, 11/. Длина 5,8 см.

7. Железная пряжка с «язычком» /рис. 4, 12/. Размеры: 3,0 х 3,1 см.

8. Фрагмент деревянной основы сложного лука /рис. 4, 13/. Длина 16 см.

9. Три серебряные монеты с пробитыми отверстиями. Одна из них трудно определима /но по внешнему виду похожа на хулагуидскую/, а две другие золоордынские/ чеканены в Сарае от имени Узбека/. Только на одной из них поместилась дата — 731 г. /1330—1331 г./. Данные монеты были определены профессором Г. А. Федоровым-Давыдовым /МГУ им. М. В. Ломоносова/.

На остальной же площади погребальной камеры эгикальского полуподземного склепа /в частности, у северной, западной и отчасти южной стен/ были отмечены в перемешанном состоянии останки остальных четырех погребенных. Здесь же были найдены следующие предметы.

1. Железное навершие булавы в виде куба со срезанными углами /рис. 3, 4/. Втулка сквозная, округлой формы. Экземпляр немного поврежден. Размеры: ширина 4,6 см, высота 3,0 см, диаметр

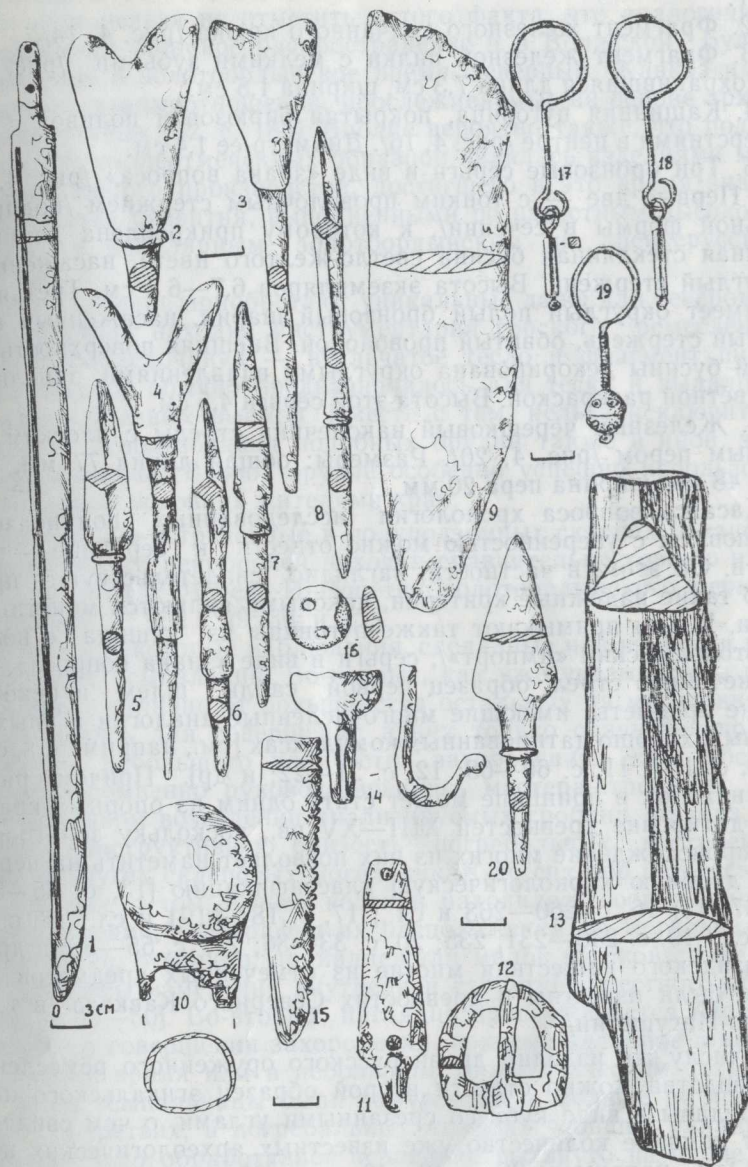

Рис. 4. Находки из Эгикальского полуподземного склепа.

нижней части втулки 1,5 см, верхней — 1,3 см. Вес находки 150 г.

2. Фрагмент железного колчанного крюка /рис. 4, 14/.

3. Фрагмент железной пилки с мелкими зубьями /рис. 4, 15/. Ее сохранившаяся длина 7,3 см, ширина 1,5 см.

4. Кашинная пуговица, покрытая бирюзовой поливой с двумя отверстиями в центре /рис. 4, 16/. Диаметр ее 1,4 см.

5. Три бронзовые серьги в виде «знака вопроса» /рис. 4, 17 — 19/. Первые две — с тонким проволочным стержнем /подпрямоугольной формы в сечении/, к которому прикреплена длинная 6-гранная стеклянная бусина светло-желтого цвета, насаженная на округлый стержень. Высота экземпляров 6,7—6,8 см. Третья серьга имеет округлый полый бронзовый шарик, насаженный на округлый стержень, обвитый проволокой. Внешняя поверхность бронзовой бусины декорирована округлыми вдавлениями, заполненными цветной раскраской. Высота этой серьги 4,5 см.

6. Железный черешковый наконечник стрелы с плоским килевидным пером /рис. 4, 20/. Размеры: общая длина 77 мм, длина пера 48 мм, ширина пера 20 мм.

Касаясь вопроса хронологии исследованных полуподземных склепов, их с уверенностью можно отнести к середине — концу XIV в. Об этом, в частности, наглядно свидетельствуют прежде всего такие надежные критерии, каковыми являются монетные находки. К ним примыкают также пуговицы из кашина с поливой /золотоордынский «импорт»/, серьги в виде «знака вопроса», часть наконечников стрел, образец первой сабли, шлем и некоторые другие предметы, имеющие многочисленные аналогии в иных синхронных, хорошо датированных комплексах [см., например: 8, с. 117; 9; 10, с. 137; 11, с. 60—68; 12, с. 21—22; и др.]. Причем ряд из этих находок в принципе может стать одним из опорных критериев в датировке древностей XIII—XV вв., поскольку золотоордынское происхождение многих из них позволяет наметить на перспективу подробную хронологическую классификацию [13, с. 55—59; с. 64—67; 15; 16, с. 260—263 и сл.; 17, с. 187—191 и сл.; 18, с. 26—28 и сл.; 19, с. 230—231, 235; 20, с. 33—36; 21, с. 55—56; и др.]. До чингизидского нашествия многие из отмеченных предметов вообще не были известны в древностях Северного Кавказа /в т. ч. и Чечено-Ингушетии/.

К числу же изделий древнерусского оружейного ремесленного производства можно отнести второй образец эгикальского навершия булавы в виде куба со срезанными углами, о чем свидетельствует немалое количество уже известных археологических источников [см., например: 22, с. 48—49 и сл.; 23, с. 28; 24, с. 311 и сл.]. Его появление на территории края, наряду с другими многочисленными разнотипными предметами, резонно связывать с результатами разнообразных русско-северокавказских контактов, кото-

рые не были прерваны даже в XIII—XV вв. [см., например: 25, с. 120—124; 26, с. 76—84; 27, с. 205—206; 28, с. 15—16; 31, с. 23—25]. При этом нельзя не отметить и того факта, что аналогичные навершия имели широкое распространение и в Волжской Булгарии, с которой в золотоордынское время Северный Кавказ имел определенные взаимоотношения, прослеживаемые на основе археологических данных [32, с. 184]. Вполне вероятно также, что подавляющая часть вышеотмеченных образцов являлась изделиями местного ремесленного производства, достигшего в это время значительного уровня развития, выполненными по известным высококачественным и популярным золотоордынским и древнерусским предматам.

Важное значение приобретают уникальные даже для северокавказского региона находки инструментария горского ремесленника — деревообделочника — втульчатое тесло и фрагмент пиленожовки. Первое обычно предназначалось для тески и выдалбливания разнообразных выемов. Вместе с тем, нельзя исключить и возможность использования подобных орудий также в иной, землеройной, функции. Второе орудие особенно успешно использовалось в походных условиях жителями края.

Остальные же встреченные в полуподземных склепах Шуанского и Эгикальского некрополей находки сравнительно хорошо известны в древностях Чечено-Ингушетии золотоордынского периода [см., например: 1; 9; 11; 29; 30; и др.].

Отметим и некоторые наблюдения, сделанные при изучении рассматриваемых усыпальниц. Во-первых, как уже указывалось, данные склепы, в отличие от большинства остальных на могильниках, предназначались для совершения в них только сравнительно ограниченного, небольшого количества захоронений. Этим обстоятельством несомненно руководствовались мастера-строители при непосредственном возведении анализируемых гробниц /правда, несмотря на конструктивную близость погребальных построек на «Мохде» и других склеповых могильниках, до сих пор остается открытым вопрос о том, в чьем ведении находилось сооружение отдельных строений, топография их расположения на могильнике и пр./.

Последние, очевидно, принадлежали малой горской семье, отражая процессы изменения внутренней структуры местного общества [33, с. 35—50]. Во-вторых, наглядно прослеживается последовательность в совершении захоронений, причем сделанное в непродолжительное время или в небольшом хронологическом отрезке. После этого усыпальницы были замурованы и больше не использовались. В-третьих, в погребальных камерах усопших укладывали на тщательно обработанное основание вытянуто на спине, ногами к лазу. В-четвертых, явно фиксируется бытовавший в это время у местного горского населения обряд преднамеренной порчи образцов оружия, что было связано как со страхом живых пе-

ред мертвыми сородичами, так и с мерами предосторожности против грабителей могил, реальной возможности захвата оружия противником. В-пятых, анализируемый погребальный инвентарь в совокупности с тщательностью возведения склепов и другими факторами подчеркивают сравнительно высокий прижизненный социально-имущественный статус усопших, из которых мужчины, по видимому, в местном позднесредневековом обществе выполняли функции воинов и ремесленников.

Таковы некоторые результаты охранных раскопок двух полу-подземных склеповых усыпальниц середины — конца XIV в. Шуанского и Эгикальского могильников высокогорной Ингушетии, позволяющие расширить наши знания о материальной и духовной культуре горцев края, а также о иноэтничных ее компонентах, достаточно широко вошедших в обиход местного населения в золотоордынское время.

ЛИТЕРАТУРА

1. Миллер В. Ф. Терская область. Археологические экскурсии// МАК, вып. 1, М., 1888.
2. Семенов Л. П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925—1932 годах. Грозный, 1963.
3. Багаев М. Х. Средневековые погребальные памятники Чечено-Ингушетии//Археологические памятники Чечено-Ингушетии. Грозный, 1979.
4. Мужухоев М. Б. Исследование средневековых памятников Чечено-Ингушетии//АО-1976. М., 1977.
5. Виноградов В. Б. Работы в горной Ингушетии //АО-1979. М., 1980.
6. Чахкиев Д. Ю., Нарожный Е. И. Детское погребение золотоордынского времени из горной Ингушетии//Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа. Краснодар, 1984.
7. Чахкиев Д. Ю. Исследования в горной Ингушетии//АО-1985. М., 1987.
8. Даутова Р. А. Раскопки в горной Ингушетии//АО-1982. М., 1984.
9. Даутова Р. А., Мамаев Х. М., Нарожный Е. И., Чахкиев Д. Ю. Новые данные о материальной культуре горной Ингушетии / по результатам раскопок Шуанского могильника//Традиционная материальная культура Чечено-Ингушетии. Грозный, 1989.
10. Виноградов В. Б., Буков С. Б., Дударев С. Л., Нарожный Е. И., Савенко С. Н., Хашегульгов Б. М., Первые результаты хозяйственных работ археологической лаборатории Университета//Толстовские чтения /Тезисы докладов конференции по итогам научно-исследовательской работы за 1988 год/. Грозный, 1989.
11. Чахкиев Д. Ю. Полуподземный склеп у сел. Верхний Лейми /горная Ингушетия//Средневековые погребальные памятники Чечено-Ингушетии. Грозный, 1985.
12. Нарожный Е. И., Подгорный М. П. Серьги в виде «знака вопроса» из раскопок Келийского могильника//Студенческие археологические открытия 1987—1988 годов. Грозный, 1989.
13. Медведев А. Ф. Татаро-монгольские наконечники стрел в Восточной Европе//СА, 1982, № 2.
14. Мамаев Х. М., Чахкиев Д. Ю., Даутова Р. А. Лук и стрелы у позднесредневековых вайнахов//Новые археологические материалы по средневековой истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1983.

15. 600 лет Куликовской битвы. М., 1983.
16. Горелик М. В. Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV — начала XV в.//Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины /материалы юбилейной научной конференции/М., 1983.
17. Горелик М. В. Ранний монгольский доспех /IX — первая половина XIV в./ //Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск, 1987.
18. Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.
19. Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.
20. Виноградов В. Б., Нарожный Е. И. О находках золотоордынской поливной керамики в Предкавказье//Материалы I Симпозиума по проблеме «Полихромная поливная керамика Закавказья. Истоки и пути распространения». Тбилиси, 1985.
21. Нарожный Е. И. Келийский могильник XIII—XV веков — выдающийся памятник средневековой вайнахской культуры//Охрана природы и исторических памятников Ингушетии в связи со строительством Кавказской перевальной железной дороги и организацией Чечено-Ингушского комплексного заповедника. Грозный, 1989.
22. Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX—XIII вв.//САИ, EI-36. М.-Л., 1966.
23. Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси в XIII — XV вв. Л., 1976.
24. Археология СССР. Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985.
25. Магомадова Т. С., Голованова С. А. Находки древнерусских предметов в бассейне рек Кумы и Терека /X—XV вв./ //Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный, 1979.
26. Виноградов В. Б., Куза А. В., Магомадова Т. С. Русские кресты XII—XV вв. из селения Майртуп /Чечено-Ингушетия//Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. Грозный, 1984.
27. Чахкиев Д. Ю. Изучение русского вооружения в древностях Центрального Кавказа//Вопросы истории исторической науки Северного Кавказа и Дона. Грозный, 1985.
28. Голованова С. А., Нарожный Е. А., Емельянов О. Б. Новые данные о пребывании русских людей в бассейне Терека в XIII—XIV вв.//1588 год — важная веха на пути становления русско-вайнахского историко-государственного единства. Грозный, 1988.
29. Крупнов Е. И. Средневековая Ингушетия. М., 1971.
30. Мужухоев М. Б. Средневековая материальная культура горной Ингушетии /XIII—XVII вв./ Грозный, 1977.
31. Голованова С. А., Нарожный Е. И. К проблеме присутствия русского населения на территории Терско-Кумского междуречья в XIII—XVI вв.//Тезисы докладов научной конференции «Из истории русско-северокавказских связей /К 1000-летию первого упоминания в летописи Тмутаракани/. Краснодар, 1988.
32. Культура Биляра. Булгарские орудия труда и оружие X—XIII вв. М., 1985.
32. Культура Биляра. Булгарские орудия труда и оружие X—XIII вв. М., 1981, № 1.

БОЕВЫЕ НОЖИ И КИНЖАЛЫ У ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ВАЙНАХОВ

Немаловажным оружием в тесных рукопашных схватках у чеченцев и ингушей позднего средневековья (XIII—XVIII вв.) являлись боевые ножи и кинжалы, нередко фиксируемые в погребальных сооружениях /преимущественно в разнотипных коллективных склеповых усыпальницах/ Чечено-Ингушетии /в частности, близ сел. Ялхой-Мохк, Майртуп, Махкеты, Мескеты, Цой-Педе, Коротх, Цеча-Ахк, Фалхан, Кошк, Шуан, Кели, Эгикал, Оздик, В. Лейми, Хамхи, Пялинг и другие/. Вместе с тем, попытка полного сбора и анализа всех наличных источников /которые, кстати, постоянно пополняются/ по данному виду наступательного оружия позднесредневековых вайнахов еще никем из специалистов, к сожалению, не предпринималась. В обобщающих же работах Л. П. Семенова, Е. И. Крупнова, С. Ц. Умарова и М. Б. Мужухоева приводится лишь общая информация /часто фрагментарная и противоречивая/ о находках боевых ножей и кинжалов из отдельных могильников края [см.: 1, с. 21, 51, 53, 108—109 и сл.; 2, с. 303—305; 3, с. 87, 95 и сл.; 4, с. 77—78 и сл.]. Однако накопленный фонд археологических материалов, с широким привлечением данных смежных наук, уже позволяет в определенной степени осветить этот вопрос.

Наиболее многочисленными, часто встречающимися в древностях Чечено-Ингушетии, являются железные однолезвийные черенковые **боевые ножи**, которых всего учтено более 130 экземпляров. Кроме того, около 50 находок не подверглись анализу из-за плохой сохранности, недоступности или только фрагментарным сведениям о них в специальной литературе и архивных материалах. У наличных же образцов клинки в сечении имеют вид узкого вытянутого треугольника, а толщина спинки к острию постепенно уменьшается. Черенки и острие у большинства экземпляров сравнительно узкие. Иногда отмечают боевые ножи очень массивные и значительных размеров, что побуждает исследователей именовать их как однолезвийные «кинжалы» или «ножи-кинжалы» [см., например: 2, с. 303—305; 5, с. 91, 102 и сл.; 6, с. 166; 7, с. 117—118]. Мы же сочли возможные однолезвийные клинки отнести к боевым ножам, а двулезвийные — кинжалам. Тем более, такое их подразделение по характеру лезвия клинка подтверждается сообщениями местных старожилов, а также некоторыми новейшими научными справочными изданиями [см., например: 8, с. 575].

По форме, размерам и конструктивным деталям обнаруженные боевые ножи подразделяются на типы, внутри которых порой выделяются соответствующие варианты.

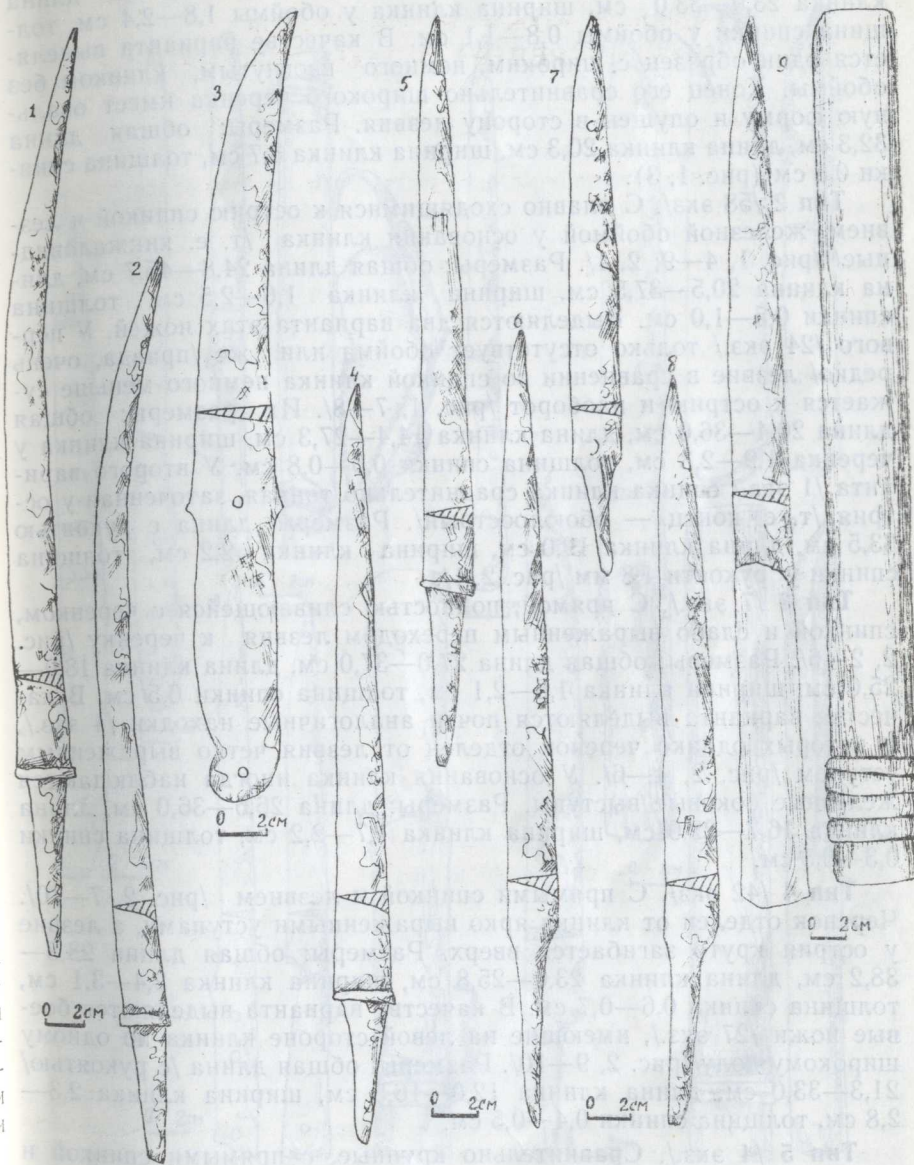

Рис. 1. Боевые ножи позднего средневековья из Чечено-Ингушетии.

Тип 1 /18 экз/. С изогнутым клинком и железной облоймой у черенка /рис. 1, 1,2/. Размеры: общая длина 28,0—41,5 см, длина клинка 23,0—33,0 см, ширина клинка у облоймы 1,8—2,4 см, толщина спинки у облоймы 0,8—1,1 см. В качестве варианта выделяется один образец с широким, немного изогнутым, клинком без облоймы. Конец его сравнительно широкого черенка имеет овальную форму и опущен в сторону лезвия. Размеры: общая длина 32,3 см, длина клинка 20,3 см, ширина клинка 3,7 см, толщина спинки 0,5 см (рис. 1, 3).

Тип 2 /58 экз/. С плавно сходящимися к острию спинкой и лезвием, железной облоймой у основания клинка /т. е. кинжаловидные/ /рис. 1, 4—9; 2, 1/. Размеры: общая длина 24,8—45,7 см, длина клинка 20,5—37,5 см, ширина клинка 1,6—2,5 см, толщина спинки 0,5—1,0 см. Выделяются два варианта этих ножей. У первого /24 экз./ только отсутствует облойма или же /правда, очень редко/ лезвие в сравнении со спинкой клинка немного меньше сужается к острию и наоборот /рис. 1, 7—8/. Их размеры: общая длина 20,4—36,0 см, длина клинка 14,4—27,3 см, ширина клинка у черенка 1,9—2,3 см, толщина спинки 0,5—0,8 см. У второго варианта /1 экз./ спинка клинка сравнительно тонкая, заточенная у острия /т. е. конец — обоюдоострый/. Размеры: длина с рукоятью 33,5 см, длина клинка 19,0 см, ширина клинка 2,2 см, толщина спинки у рукояти 1,8 мм /рис. 2, 1/.

Тип 3 /7 экз/. С прямой, полностью сливающейся с черенком, спинкой и слабо выраженным переходом лезвия к черенку /рис. 2, 2—6/. Размеры: общая длина 27,0—37,0 см, длина клинка 18,0—25,0 см, ширина клинка 1,6—2,1 см, толщина спинки 0,5 см. В качестве варианта выделяются почти аналогичные находки /4 экз./, у которых однако черенок отделен от лезвия четко выраженным уступом /рис. 2, 4—6/. У основания клинка иногда наблюдаются железные боковые выступы. Размеры: длина 26,5—36,0 см, длина клинка 16,7—22,0 см, ширина клинка 1,7—2,2 см, толщина спинки 0,3—0,5 см.

Тип 4 /42 экз/. С прямыми спинкой и лезвием /рис. 2, 7—10/. Черенок отделен от клинка ярко выраженными уступами, а лезвие у острия круто загибается вверх. Размеры: общая длина 28,8—38,2 см, длина клинка 23,0—25,8 см, ширина клинка 2,4—3,1 см, толщина спинки 0,6—0,7 см. В качестве варианта выделяются боевые ножи /27 экз./, имеющие на левой стороне клинка по одному широкому долу /рис. 2, 9—10/. Размеры: общая длина /с рукоятью/ 21,3—33,0 см, длина клинка 12,0—16,5 см, ширина клинка 2,3—2,8 см, толщина спинки 0,4—0,5 см.

Тип 5 /4 экз/. Сравнительно крупные, с прямыми спинкой и лезвием /рис. 3, 1—2/. Черенок отделен от клинка четко выраженными уступами, а лезвие у острия плавно загибается вверх. Размеры: общая длина 44,5—66,0 см, длина клинка 33,0—59,0 см, ши-

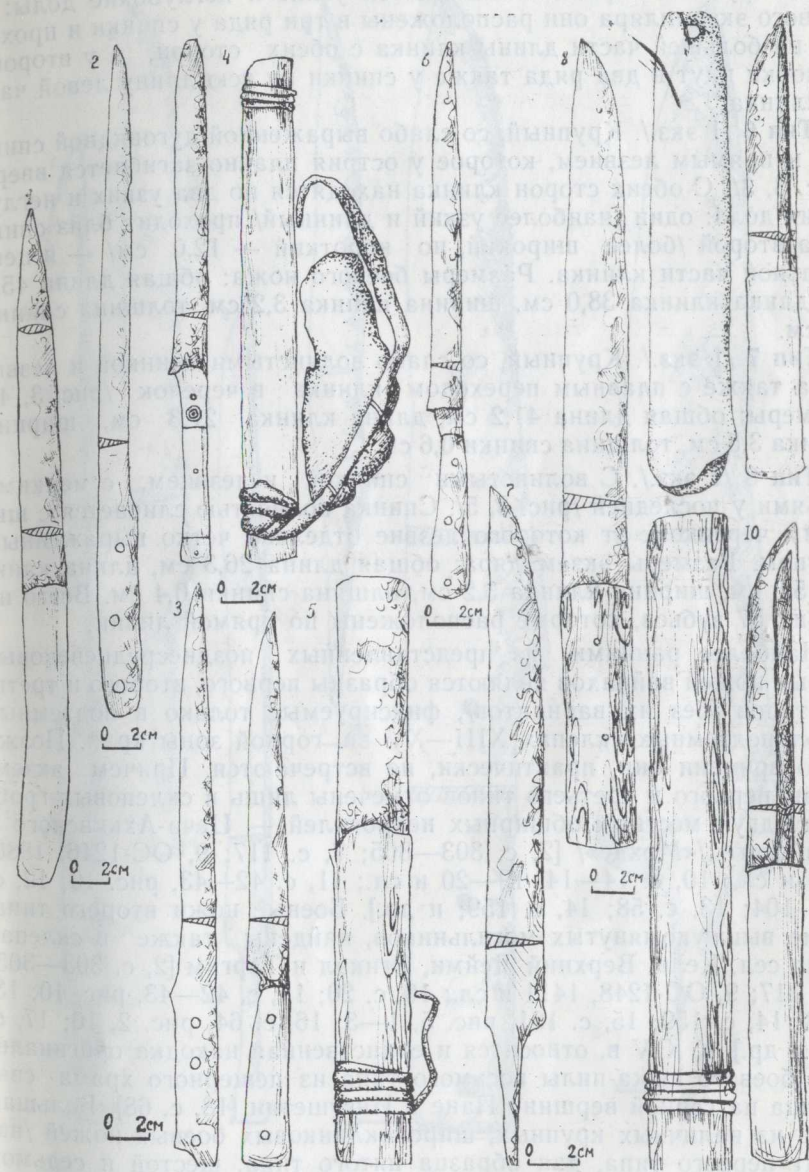

Рис. 2. Позднесредневековые боевые ножи вайнахов.

рина клинка 3,0—4,2 см, толщина спинки 0,4—0,7 см. У двух наиболее крупных образцов отмечаются узкие и неглубокие доли: у первого экземпляра они расположены в три ряда у спинки и проходят на большей части длины клинка с обеих сторон, а у второго желобки идут в два ряда также у спинки на всю длину левой части клинка.

Тип 6 /1 экз./ Крупный, со слабо выраженной дуговидной спинкой и прямым лезвием, которое у острия плавно загибается вверх /рис. 3, 3/. С обеих сторон клинка находятся по два узких и неглубоких дола: один /наиболее узкий и длинный/ проходит близ спинки, а второй /более широкий, но короткий — 12,0 см/ — в центральной части клинка. Размеры боевого ножа: общая длина 45,8 см, длина клинка 38,0 см, ширина клинка 3,2 см, толщина спинки 0,4 см.

Тип 7 /1 экз./ Крупный, со слабо волнистыми спинкой и лезвием, а также с плавным переходом клинка в черенок /рис. 3, 4/. Размеры: общая длина 41,2 см, длина клинка 27,3 см, ширина клинка 3,5 см, толщина спинки 0,6 см.

Тип 8 /1 экз./ С волнистыми спинкой и лезвием, с мелкими зубьями у последней /рис. 3, 5/. Спинка полностью сливается с широким черенком, от которого лезвие отделено четко выраженным уступом. Размеры экземпляра: общая длина 26,3 см, длина клинка 15,5 см, ширина клинка 3,2 см, толщина спинки 0,4 см. Всего на лезвии 57 зубьев, которые расположены по прямой линии.

Наиболее ранними из представленных позднесредневековых боевых ножей вайнахов являются образцы первого, второго и третьего типов /без их вариантов/, фиксируемые только в подземных и полуподземных склепах XIII—XV вв. горной зоны края. Позже этого времени они, практически, не встречаются. Причем экземпляры первого и третьего типов отмечены лишь в склеповых гробницах двух местных обширных некрополей — Цеча-Ахкинского и Шуанского /«Мохде»/ [2, с. 303—305; 7, с. 117; 9, ОС-1246, 1886, 1894 и сл.; 10, с. 14—14, 19—20 и сл.; 11, с. 42—43, рис. 10; 12, с. 103—104; 13, с. 58; 14, с. 159; и др.]. Боевые ножи второго типа, кроме вышеупомянутых могильников, найдены также в склепах около сел. Кели, Верхний Лейми, Эгикал и Таргим [2, с. 303—305; 7, с. 117; 9, ОС-1248, 1411 и сл.; 10, с. 20; 11, с. 42—43, рис. 10; 13, с. 58; 14, с. 159; 15, с. 181, рис. 5, 1—3; 16, с. 64, рис. 2, 10; 17, с. 137; и др.]. К XIV в. относится и единственная находка оригинального боевого ножа-пилы восьмого типа из пещерного храма-святилища на горной вершине Пане в Ингушетии [18, с. 68]. Большая часть из наличных крупных, ширококлинковых боевых ножей /вариант первого типа, два образца пятого типа, шестой и седьмой типы/ происходят, наряду с другими разнообразными находками, с территории разрушающихся грунтовых могильников XV—XVII вв. у сел. Ялхой-Мохк, Майртуп и Махкеты [13, с. 58; 19, с. 62, рис.

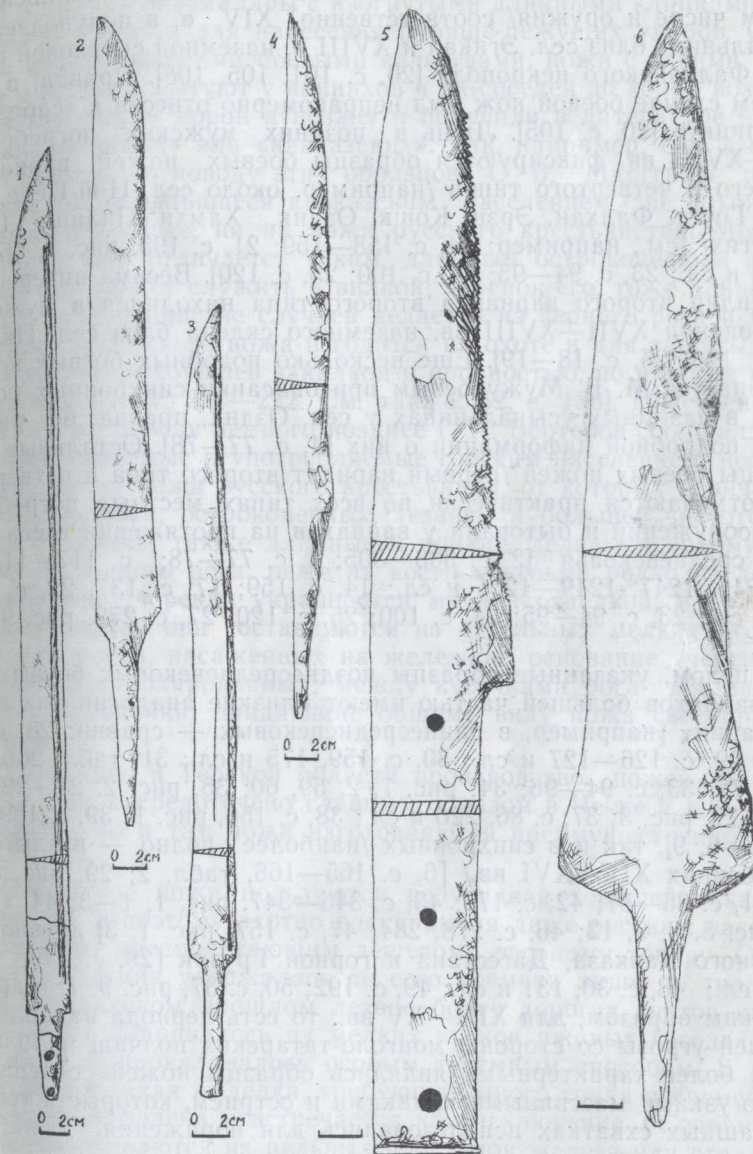

Рис. 3. Крупные боевые ножи /1—5/ и кинжал /6/ из древностей Чечено-Ингушетии

3, 3—5]¹. Только два аналогичных очень крупных ножа /в частности, пятого типа/ были встречены среди погребального инвентаря /в том числе и оружия/ соответственно XIV в. в полуподземной усыпальнице близ сел. Эгикал и XVIII в. наземной склеповой гробнице Фалханского некрополя [20, с. 101, 105, 108]. Правда, в последнем случае боевой нож был неправомерно отнесен к «сабельному клинку» [20, с. 105]. Лишь в поздних мужских погребениях XVI—XVIII вв. фиксируются образцы боевых ножей вариантов третьего и четвертого типов /например, около сел. Цой-Педе, Коротх, Гоуст, Фалхан, Эрзи, Кошк, Оздик, Хамхи, Пялинг, Цори и других/ [см., например: 14, с. 158—159; 21, с. 195, рис. 1, 16; 22, с. 149 и сл.; 23, с. 94—95; 24, с. 100; 25, с. 120]. Весьма интересный экземпляр второго варианта второго типа находился в мужском захоронении XVII—XVIII вв. наземного склепа близ сел. Пялинг [25, с. 120; 26, с. 18—19]. Еще несколько подобных боевых ножей упоминается М. Б. Мужухоевым при описании синхронных погребений в наземных усыпальницах у сел. Оздик, правда, без рисунков и подробной информации о них [4, с. 77—78]. Остальные же образцы боевых ножей /первый вариант второго типа и четвертый тип/ отмечаются практически во всех типах местных погребальных сооружений и бытовали у вайнахов на протяжении всего позднего средневековья [2, с. 303—305; 4, с. 77—78; с. 117—118; 9, ОС-1245, 1247, 1249—1251 и сл.; 14, с. 159; 17, с. 137, 22, с. 149, 150 и сл.; 23, с. 94—95; 24, с. 100; 25, с. 120; 27, с. 272, рис. 9, 31; и др.].

В целом, указанные образцы позднесредневековых боевых ножей вайнахов большей частью имеют близкие аналогии как в более ранних [например, в раннесредневековых — сравни: 28, с. 26 и сл.; 29, с. 126—127 и сл.; 30, с. 159, 175 и сл.; 31, табл. 266, 31; 32, с. 72; 33, с. 94—96; 34, рис. 7, 2, 59, 60; 35, рис. 2, 21—22; 36, с. 70—72, рис. 3; 37, с. 86, 226 и сл.; 38, с. 150, рис. 1; 39, с. 109; 40, рис. 5—6, 9], так и в синхронных /наиболее полно — в адыгских погребениях XIV—XVI вв./ [6, с. 165—166, табл. 2; 29, рис. 52 и сл.; 41, с. 85—87; 42, с. 176; 43, с. 346—347, рис. 1, 1—3; 44, с. 41; 45, рис. 5, 8, 9, 13; 46, с. 278, 284; 47, с. 157, рис. 1, 3] древностях Северного Кавказа, Дагестана и горной Грузии [28, с. 149, 159, 163 и сл.; 48, с. 30, 131 и сл.; 49, с. 192; 50, с. 37, рис. 9, 1; и др.].

Таким образом, для XIII—XV вв., то есть периода наибольшей внешней угрозы со стороны монголо-татарских полчищ и Золотой Орды, более характерными являлись образцы ножей со сравнительно узкими массивными клинками и острием, которые в тесных рукопашных схватках использовались для поражения даже за-

щищенного оборонительным доспехом противника. А бытовавшие в это же время экземпляры с изогнутыми длинными клинками применялись в бою и для нанесения рубяще-режущих ударов. Обладая в целом хорошими боевыми качествами, ножи с узкими клинками и острием бытуют у вайнахов и их соседей до конца позднего средневековья /а порой и позже/ и получили в литературе наименование «горских» или «кавказских». Так, например, еще в прошлом столетии по поводу этих образцов О. В. Маргграф писал: «Ножи, употреблявшиеся кавказским населением, не похожи ни на наши столовые, ни на ножи русского крестьянства. Местный туземный нож отличается узким, длинным остроконечным лезвием, почему может служить и вилкой; черенок его, тоже длинный и тонкий, в большинстве случаев делается из черного рога и кости. Он удобнее русского ножа и годится на охоте и для защиты... Ножи отличаются хорошей закалкой и прочностью, но никогда не полируются» [51, с. 221—222. См. также: 52, с. 136]. Интересно, что по этому же поводу немного позднее Г. А. Вертепов сообщал: «Ножи, выделяемые и употребляемые горским населением, несколько похожи на ножи русского крестьянина, от которых отличаются узким, длинным, остроконечным лезвием и большей чистотой отделки. Черенки, также длинные и тонкие, делаются преимущественно из черного рога, реже из кости и весьма редко из дерева. Обыкновенно черенки украшаются медной отделкой; в более же дорогих сортах они состояются из отдельных мелких кусочков рога или кости, насаженных на железное основание черенка и тщательно отполированных; между кусочками рога вставляются медные прослойки, придающие общему виду ножа своеобразную красоту...

Собственно в Терской области производство ножей незначительно. Оно сосредоточено главным образом в Чечне и Кумыкской плоскости, но и там ножи изготавливаются преимущественно на заказ...

Кавказские ножи пользуются репутацией хорошей закалки и прочности, а поэтому охотно раскупаются даже русским населением, нередко предпочитающим дешевому ввозному товару. Однако такая репутация удержалась до сего времени лишь по традиции. Еще в недалеком прошлом лезвие более дорогих сортов кавказских ножей сваривалось из мелких кусков ржавых гвоздей и затем хорошо прокаливалось особым туземным способом. В настоящее время такая выделка, требующая много труда и времени, совершенно оставлена и встречается как исключение. Современные ножи выковываются из цельных пластинок железа или стали и не отличаются особенной прочностью» [53, с. 11—12]. И здесь особенно важно, что именно на основе этих боевых ножей /то есть экземпляров вариантов второго типа/, путем дальнейшей эволюции и развития, позднее зародились общеизвестные кавказские дву-

¹ Данные находки ныне хранятся в школьных краеведческих музеях сел. Ялхой-Мохк /вариант первого типа/ и Майртуп /один образец пятого типа, экземпляры шестого и седьмого типов/, а также в народном музее сел. Махкеты /один образец пятого типа/.

лезвийные кинжалы, генезис и хронология которых до настоящего времени еще неясны. Наиболее ранние образцы последних будут рассмотрены нами ниже. А важным шагом к их сложению было появление боевых ножей с тонкой спинкой и обоюдоострым концом /второй вариант второго типа/.

Вмест с тем, в XV—XVIII вв. на территории края появляются и получают так же распространение боевые ножи новых форм, с менее узким острием, предназначенные в основном для единоборства с легковооруженным неприятелем. Из них экземпляры наиболее крупных размеров использовались в бою для нанесения ударов, колющих, так и /возможно, преимущественно/ рубящих ударов, для чего они были достаточно хорошо приспособлены, обладая довольно прочным клинком. В это же время, у ряда образцов появляются широкие или иногда сравнительно узкие долы — желобки, предназначенные для усиления негибкости, жесткости клинка. Несомненно, в сравнении с другими образцами, боевые ножи крупных размеров оценивались значительно выше и поэтому, главным образом, так редко встречаются в древностях Чечено-Ингушетии и сопредельных районов Кавказа. Следует также заметить, что по сообщению западноевропейского исследователя К. Пейсоналя /середина XVIII в./ в Черкесию ежегодно ввозилось «...от 5000 до 6000 ножей из Крыма» [54, с. 194], с которыми вайнахи безусловно были знакомы через соседних кабардинцев. Любопытно также, что некоторые образцы поздних иранских и турецких ножей по своей форме и конструктивным деталям имеют весьма близкие сходства с отдельными наличными местными экземплярами [см., например: 55, с. 27, 30, 32, рис. 66, 108, 127 и сл.]. Возможно, последние и являлись изделиями малоазиатского импорта или же, что наиболее вероятно, непосредственно изготовлены вайнахскими мастерами в подражание им.

Из-за потревоженности, плохой сохранности и коллективного характера местных склеповых захоронений XIII—XV вв. в целом не удается установить достаточно точное месторасположение в них боевых ножей. В ряде каменных захоронений данного времени они фиксируются обычно с левой стороны таза костяка [17, с. 137; 56, с. 69]. В сохранившихся же поздних мужских погребениях XVI—XVIII вв. боевые ножи, как правило, бывают подвешены к левой стороне пояса усопшего [3, с. 95; 23, с. 94—95; 24, с. 100; 25, с. 120; 27, с. 272; 57, с. 48; и др.]. Только в очень редких случаях боевые ножи отмечаются с правой стороны таза или плеча костяка [27, с. 272, рис. 9, 3г; 58, с. 59 рис. 14, 1].

В малопотревоженных захоронениях боевые ножи часто отмечаются в комплексе с другими видами оружия вайнахов: они являлись немаловажным /хотя и второстепенным, вспомогательным/ элементом полного ратного снаряжения местных, чаще всего состоятельных, воинов [см., например: 16, с. 63—67; 56, с. 69]. Носи-

лись они вайнахами в позднем средневековье и в повседневной жизни, которые позднее /вероятно, со второй половины XVIII в./ заменили кинжалы. Иногда боевой нож в погребении является единственным оружием усопшего.

Клинок у подавляющего большинства боевых ножей не сточен, что дополнительно свидетельствует об их прямом военном функциональном назначении и сравнительно редком использовании в хозяйственных целях. В последних случаях обычно применялись иные образцы ножей, хорошо известные и нередко встречаемые в погребальных памятниках поздне-средневекового периода на территории края [см., например: 4, с. 83—84]. Правда, оригинальная находка восьмого типа несомненно успешно выполняла двойную функцию: непосредственно роль боевого ножа в тесных схватках, а также роль пилы /особенно в походных условиях/. К тому же, рассматриваемые боевые ножи часто, видимо, применялись в одной из разновидностей домашнего промысла — охоте, что определяет известную условность этого термина. Впрочем, большинство видов наступательного оружия вайнахов позднего средневековья было полифункциональным или универсальным [59, с. 13—14].

Отмеченные боевые ножи чеченцев и ингушей имели деревянные или кожаные ножны, фиксируемые в целом состоянии в основном лишь в поздних погребениях XVI—XVIII вв. На ранних же экземплярах XIII—XV вв. прослеживаются только следы от несохранившихся ножен.

Деревянные ножны состоят из двух половинок расщепленной дощечки, тщательно обработанных /а порой даже отшлифованных/ снаружи и плотно соединенных вместе. Обычные металлические обоймы и наконечники у них вовсе отсутствовали, взамен которых у верхней и нижней частей ножен рядами располагались обмотки из узкой сыромятной бечевки. Концы ремешка от верхней обмотки крепились к поясу воина-владельца. В нескольких случаях /вариант третьего и четвертый типы/ ножны еще дополнительно покрыты черной кожей. Ножны, как правило, длиннее клинка и немного шире рукояти, так что боевой нож почти полностью «утопал» в них, то есть большей частью рукояти входил в ножны.

Судя по прослеживаемым следам, рукояти у образцов XIII—XV вв. были в подавляющем большинстве деревянные цельные, в которые полностью /до упора клинка/ вгонялись черенки ножей. Крепление рукояти к черенку с помощью железных заклепок в это время отмечается сравнительно редко /например, у отдельных экземпляров третьего, пятого и восьмого типов/. Позднее, же в XVI—XVIII вв. рукояти у боевых ножей представлены в основном из цельного рога, также без крепления заклепками. Правда, бытует, и значительное количество образцов с деревянными рукоятями, закрепленные на черенках посредством заклепок. Встречены и несколько боевых ножей /вариант третьего и восьмой типы/, у ко-

торых рукояти не цельные, а составные — из роговых и костяных /иногда примитивно орнаментированных/ пластинок, с вышеотмеченной системой крепления к черенку. Рукояти рассматриваемых образцов ножей обычно плоские, часто длинные и овальные в сечении. Ширина их большей частью равна ширине клинка, но существуют и отклонения в ту или иную стороны. Толщина рукоятей достигает 0,9—1,7 см.

Следует заметить, что ножны у крупных ширококлиновых боевых ножей, кроме отдельных деталей, не сохранились. По всей вероятности, они были деревянные, обтянутые кожей. К поясу они обычно подвешивались посредством овальной железной обоймы с небольшим отверстием, которая располагалась в верхней части ножен [20, с. 101, 105, рис. 3, 53]. О существовании у них металлических наконечников судить трудно, поскольку они еще не встречены. Рукояти также отсутствуют: по прослеживаемым следам, они были из дерева или рога. У одной, очень крупной находки из Эгикала /пятый тип/ на поврежденном черенке сохранились железные заклепки с массивными шляпками. Еще в двух случаях /вариант первого типа и экземпляр пятого типа/ на их черенках отмечаются отверстия для крепления рукояти с помощью заклепок.

В позднесредневековых погребальных склеповых сооружениях горной Ингушетии сравнительно редко встречаются и короткие двулезвийные черенковые **кинжалы**, которых всего нами учтено 11 экземпляров [3, с. 78—79; 13, с. 58; 21, с. 195; 22, с. 150—151; 25, с. 120; и др.]. Кроме того, еще около 10 кинжалов /не сохранившихся для исследования/ были найдены Л. П. Семеновым и Е. И. Крупновым в ингушских склепах [см., например, о них: 1, с. 51, 108—109; 3, с. 95].

По характеру сечения клинка наличные кинжалы подразделяются на две группы: **плоские** /А/ и **граненые** /Б/. По форме и конструктивным особенностям имеющихся образцов внутри этих групп выделяются типы. Некоторым, наиболее важным находкам, будет дана более детальная характеристика.

ГРУППА А

Тип 1 /1 экз./. С широким слабо изогнутым клинком, отделенный от черенка ярко выраженными косыми уступами /рис. 3, 6/. Клинок с елманью. Рукоять не сохранилась, а короткий черенок без отверстий для заклепок. Размеры: общая длина 25,4 см, длина клинка 20,0 см, ширина клинка у черенка 4,5 см. Встречен в наземном склепе у сел. Пялинг /25, с. 120; 26, с. 11/.

Тип 2 /2 экз./. С изогнутым клинком и напускным перекрестьем /рис. 4, 1—2/. Отрывочная и противоречивая информация о данных очень интересных кинжалах содержится в работах

М. Б. Мужухоева. Так, в одном случае автор называет их «кинжалами» [21, с. 195; 22, с. 150—151], а в другом — «детскими сабелями» [4, с. 78—79]. Причем в последнем случае у одного из образцов неизвестно откуда появляются «железные ножны», которые при его фиксации, в частности, близ сел. Кошк, вовсе отсутствовали.

Первый экземпляр, происходящий из наземной гробницы около храма Тхаба-Ерда, имел общую длину /без сохранившейся рукояти/ 28,6 см, а ширину клинка 2,8 см, [4, с. 78—79; 21, с. 195, рис. 1, 21]. Черенок его широкий, с двумя отверстиями для заклепок. Он отделен от железного клинка перекрестьем, с крестовиной, горизонтальные отростки которой /имевшие каплевидные окончания/ опущены вниз. Кинжал заключен в редкие железные ножны, с овальной металлической обоймой в верхней части для крепления к поясу. Второй образец, с обломанным клинком, был найден в наземной усыпальнице близ сел. Кошк [4, с. 78—79, рис. 18; 22, с. 150—151, рис. 2, 13]. Его сохранившаяся длина с рукоятью 18,5 см, ширина клинка 2,0 см. Часть клинка с обеих сторон покрыта узорчатым орнаментом, нанесенным зеленой краской и плохо сохранившимся к настоящему времени. Рукоять кинжала /длиной 9,0 см/ цельная, железная, крепящаяся к черенку посредством двух заклепок. Конец рукояти сильно загнут вниз, и в месте начала изгиба расположено железное колечко /видимо, для крепления бечевки/. Рукоять отделена от железного клинка изящно исполненным бронзовым перекрестьем с крестовиной, боковые горизонтальные отростки которой /искусно оформленные в виде стилизованных голов мифических животных/ опущены вниз к клинку.

Тип 3 /1 экз./. С коротким прямым клинком и цельной роговой рукоятью /рис. 4, 3/. С двух сторон клинка расположены по одному узкому долу, сдвинутые к противоположным краям лезвия, достигающие до острия. Размеры: общая длина 25,5 см, длина клинка 15,4 см, ширина клинка 3,4 см. Отмечен в наземном склепе у сел. Пялинг [25, с. 120; 26, с. 17].

ГРУППА Б

Тип 1 /1 экз./. С широким изогнутым клинком линзовидного сечения и ребром жесткости посередине /рис. 4, 4/. Клинок булатный, черного цвета, отделенный от короткого узкого черенка /не имевшего отверстий/ перпендикулярными уступами. Размеры: общая длина 29,5 см, длина клинка 25,3 см, ширина грани 2,8 см. Найден в одном из наземных склеповых гробниц близ сел. Эгикал [13, с. 58].

Тип 2 /6 экз./. С прямым клинком ромбического сечения /рис. 4, 5—6/. У части кинжалов сохранились небольшие цельные рукояти из рога, закрепленные на черенках с помощью железных за-

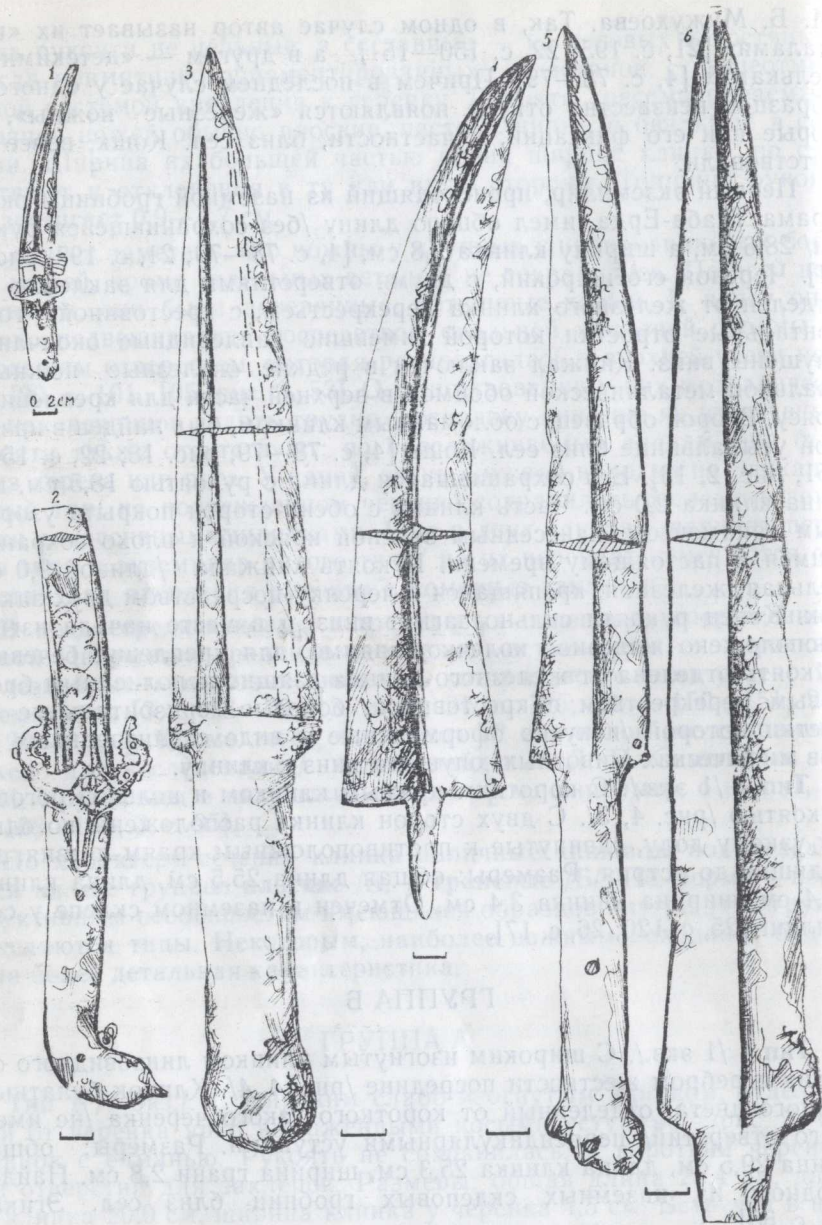

Рис. 4. Кинжалы из горной Ингушетии /1—2 — по М. Б. Мужухоеву/

клепок. В двух случаях кинжалы были помещены в деревянные цельные ножны с железными обоймами в верхней части для крепления к поясу. Размеры: общая длина 22,0—38,8 см, длина клинка 17,0—29,6 см, ширина грани 1,2—2,0 см. Зафиксированы в наземных усыпальницах около сел. Кошк, Хамхи, Пялинг и других [4, с. 78; 21, с. 195, рис. 1, 17; 22, с. 155, 170; 25, с. 120; и др.].

Все вышеотмеченные образцы двулезвийных кинжалов были встречены исследователями только в самых поздних местных склеповых захоронениях, относящихся в целом к XVIII в. [см., например: 3, с. 95; 25, с. 120]. До этого же времени они не встречаются в позднесредневековых древностях всего Северного Кавказа, Дагестана и горной Грузии. Об этом дополнительно свидетельствуют и другие разнообразные источники. Так, по наличным письменным материалам, кинжалы в комплексе вооружения поднесредневекового северокавказского населения отмечаются лишь с середины XVIII в. [см., например: 54, с. 211, 231, 250 и сл.; 60, с. 36, 91, 157 и сл.].

Из наличных экземпляров особую значимость приобретают очень редкие для Северного Кавказа оригинальные кинжалы типов А2 и Б1, являющиеся импортными образцами малоазийского ремесленного оружейного производства [сравни: 55, с. 29, 30, 32 и сл.; 61, с. 175—177, рис. 2; 62]. Несколько почти аналогичных экземпляров кинжалов XVIII—XIX вв. были осмотрены нами в экспозиции Государственного музея им. С. Н. Джанашия АН ГССР /г. Тбилиси/ в 1985 г., происходящие из Турции и Ирана. Также интересно заметить, что перекрестья у наличных кинжалов имеют близкие аналогии с сабельным из «стран Юго-Восточной Азии, в частности, Индии XVII века» [4, с. 79]. Очевидно, именно аналогичные экземпляры подразумевал С. Броневский /начало XIX в./, отмечая в составе вооружения черкесов «... кинжалы Турецкие Дамас и Персидские Хоросан» [63, с. 106]. Вполне возможно, что под влиянием формы одного из этих импортных изделий /в частности, типа Б1/ у вайнахов появляется образец кинжала типа А1. Правда, здесь не исключена вероятность, что последний изготовлен из конца сабельного клинка или же является продуктом эволюции отдельных местных форм /варианта первого типа/ боевых ножей.

Кавказские кинжалы с прямыми клинками, как уже отмечалось, появляются у вайнахов в самом конце позднего средневековья и скорее всего на основе эволюции отдельных образцов /вариантов второго типа/ местных боевых ножей [59, с. 7—8; 64, с. 117—118]. По нашим наблюдениям, вначале /уже с начала XVIII в./ возникшие наиболее ранние экземпляры кинжалов имели граненые клинки, а немного позже /видимо, со второй половины XVIII в./ появляются кинжалы с плоскими клинками и долами

/типа АЗ/. Последние образцы с плоскими клинками, но граненым острием, и получают позднее /особенно в XIX в./ широкое распространение на Кавказе, нередко достигая значительных размеров /в зависимости от функционального назначения, потребностей и вкусов владельцев/ в сравнении с более ранними наличными кинжалами [см., например: 54, с. 295 и сл.; 60, с. 157 и сл.; 65]. По существу, это были уже своеобразные мечи, предназначенные для рубяще-колющих ударов. С конца XIX в. кинжалы, в большинстве своем, вновь обретают малые размеры и становятся постепенно

декоративным элементом мужского костюма-черески. В ряде районов Кавказа кинжалы приобретают свои локальные специфические отличительные черты /т. н. «дагестанские», «кабардинские», «грузинские», «чеченские» и прочие/. На рисунках конца XVIII в. западноевропейских путешественников и исследователей Х. Гейслера и Я. Потоцкого ингушские воины имеют в комплекте разнообразного вооружения также немного широкие, но короткие прямые кавказские кинжалы, подвешенные у них к поясу с левой стороны. В аналогичном же положении они находятся и в погребениях вайнахов. Только в одном случае кинжал был отмечен с правосторонней стороны таза костяка [22, с. 155]. В синхронных погребениях Северной Осетии также известны находки кинжалов [см., например: 66, с. 105—106; 67, с. 14; 68 с. 146—148, рис. 7, 1—2].

В целом же, генезис и эволюцию кавказских кинжалов позднего средневековья можно представить, на наш взгляд, следующим образом: однолезвийные боевые ножи с плавно сходящимися к острию спинкой и лезвием /XIII—XV вв./ — боевые ножи с утонченной спинкой и обоюдоострым концом /XVI—XVIII вв./ — кинжалы с плоскими клинками /начало XVIII в./ — кинжалы с плоскими клинками и долами/ вторая половина XVIII в. Вместе с тем, не исключена вероятность и участия в генезисе рассматриваемых кинжалов прямых мечей, бытовавших в позднем средневековом периоде у горцев [19, с. 59—61, рис. 3, 1; 59, с. 6; 69, с. 375, рис. 316; 70, с. 265; 71, с. 46; 72, с. 127; 73, с. 99; и др.]. Здесь следует также заметить, что безуспешную, во многом умозрительную и неподкрепленную полноценными фактическими материалами, попытку проследить генезис и эволюцию кавказского кинжала недавно предпринял В. М. Батчаев [74, с. 50—54; 75, с. 162—165]. Это явилось закономерным следствием, по нашему мнению, игнорирования изучения прежде всего местных средневековых образцов наступательного оружия в комплексе иными разнотипными источниками.

Касаясь вопроса использования ранних образцов рассматриваемых прямых кинжалов в боевой ситуации, в специальной литературе продолжает бытовать мнение, что до Кавказской войны /т. е. с начала XIX в./ «колоть кинжалом считалось у вайнахов боль-

шим позором, неумением воевать и владеть оружием, самым легким способом победить врага» [76, с. 228]. И поэтому, якобы, мастера старались делать и «с менее заостренно-выступающим концом» [76, с. 228—229]. Однако наличные экземпляры, предназначенные главным образом для нанесения колющих ударов /а образцы с узкими гранеными клинками типа Б2 — и для пробивания защитного доспеха противника/, опровергают это мнение.

Кинжалы в местных мужских захоронениях в большинстве случаев фиксируются вместе с другими видами оружия/ чаще всего это наконечники стрел/, но иногда они являлись единственным оружием погребенного.

У отдельных образцов кинжалов и боевых ножей явно прослеживается обряд преднамеренной порчи оружия /повреждение клинков или рукоятей/. Когда же они встречаются в полной сохранности, то наблюдаются бытовавшие определенные меры по «нейтрализации» кинжалов и боевых ножей: они фиксируются плотно склепываемыми, а иногда и дополнительно закрепленные обмоткой в рукояти, чтобы их было трудно вытащить. Эти отмеченные действия были связаны как со страхом живых перед мертвыми сородичами, так и с мерами предосторожности против грабителей могил, возможности захвата оружия противником.

В заключение следует особо подчеркнуть, что в XVIII — середине XIX в. в регионе очень высоко ценились образцы высококачественных вайнахских кинжалов, производимые в местных сел. Дарго, Джугурты, Старые Атаги, Махкеты, Дошхакле, Салги, Бисер, Шуан и других [см. об этом подробнее: 53, с. 19; 76, с. 227—228; 77, с. 243; 78, с. 18—22; 79, с. 11; и др.]. Причем вайнахские оружейники умело изготавливали многие их разновидности /например, «ядовитый», «вороненный», «зеркальный» и др./. Сам процесс данной работы состоял из ряда сложнейших и трудоемких операций, требовавших со стороны исполнителей /обычно прежде всего мастера и его помощников/ значительных сил и навыков [см. об этом подробнее 78, с. 18—22]. До нас дошли некоторые имена наиболее искусных вайнахских потомственных мастеров клинкового оружия — Махьмад из сел. Джугурты, Муса из Дарго, Азиз и Камаз из Шали, Техиг из Старых Атагов, Дудук Амхадов из Дошхакле, Зокк и Гатт Шанхоевы из Шуана [78, с. 20—22; 79, с. 11; и др.]. Обычно за свою высокосортную продукцию, нередко успешно реализуемую и в соседних районах Северного Кавказа, Дагестана и горной Грузии, местные мастера-оружейники брали плату скотом /быками, овцами, конями/, тканями, деньгами, продуктами, котлами, металлами, невольниками или же другими видами вооружения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Семенов Л. П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925—1932 годах. Грозный, 1963.
2. Умаров С. Ц. Средневековая материальная культура горной Чечни /XIII—XVII вв./. Дис. ...канд. ист. наук. Грозный, 1970. — Архив ЧИНИИЭСФ, РФ.
3. Крупнов Е. И. Средневековая Ингушетия. М., 1971.
4. Мужухоев М. Б. Средневековая материальная культура горной Ингушетии /XIII—XVII вв./. Грозный, 1977.
5. История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней. Т. I. М., 1967.
6. Тарабанов В. А. Средневековые погребения Ленинохабльского могильника /по материалам 1975 г./. // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1984.
7. Даутова Р. А. Раскопки в горной Ингушетии//АО-1982. М., 1984.
8. Советский энциклопедический словарь. М., 1984.
9. Фонды ЧИГОМ /материалы раскопок Л. П. Семенова и Е. И. Крупнова в 1929 г./. 10. Семенов Л. П. Отчет об археологической работе в Ингушской автономной области, Северо-Осетинской автономной области и Грузинской ССР в 1929 году. — Архив ЛО ИА АН СССР, ф. 2, 1929, № 174.
11. Багаев М. Х. Средневековые погребальные памятники Чечено-Ингушетии//Археологические памятники Чечено-Ингушетии. Грозный, 1979.
12. Чахкиев Д. Ю., Нарожный Е. И. Детское погребение золотогоордынского времени из горной Ингушетии//Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа. Краснодар, 1984.
13. Бурков С. Б., Вольная Г. Н., Чахкиев Д. Ю. Новые слу-чайные археологические находки из Чечено-Ингушетии//Археология и краеведе-ние — вузу и школе /Тезисы докладов и сообщений Второй региональной науч-но-практической конференции/. Грозный, 1985.
14. Чахкиев Д. Ю. Исследования в горной Ингушетии//АО-1985. М., 1987.
15. Мужухоев М. Б. Таргимский храм//Северный Кавказ в древно-сти и в средние века. М., 1980.
16. Чахкиев Д. Ю. Полуподземный склеп у сел. Верхний Лейми /гор-ная Ингушетия//Средневековые погребальные памятники Чечено-Ингушетии. Грозный, 1985.
17. Виноградов В. Б., Бурков С. Б., Дударев С. Л., Нарож-ный Е. И., Савенко С. Н., Хашегульгов Б. М. Первые результаты хозяйственных работ археологической лаборатории университета//Толстовские чтения /Тезисы докладов конференции по итогам научно-исследовательской рабо-ты за 1988 год/. Грозный, 1989.
18. Чахкиев Д. Ю. Копья и дротики у позднесредневековых вайнахов// Новые материалы по археологии и этнографии Чечено-Ингушетии. Грозный, 1987.
19. Мамаев Х. М., Чахкиев Д. Ю. Новые находки эпохи средне-вековья из окрестностей селения Майртуп//Новые материалы по археологии и эт-нографии Чечено-Ингушетии. Грозный, 1987.
20. Марковин В. И. Некоторые итоги исследования склепов горной Ингушетии /по материалам раскопок 1966 года//Памятники эпохи раннего же-леза и средневековья Чечено-Ингушетии. Грозный, 1981.
21. Мужухоев М. Б. Новая коллекция предметов из склепов горной Ассинской котловины//АЭС, т. 3. Грозный, 1969.
22. Мужухоев М. Б. Новые археологические памятники горной Ингу-шетии эпохи позднего средневековья //АЭС, т. 4. Грозный, 1976.
23. Даутова Р. А. Исследование средневековых памятников в горной Чечне//АО-1976. М., 1977.
24. Виноградов В. Б. Работы в горной Ингушетии//АО-1979. М., 1980.
25. Чахкиев Д. Ю. Исследования в горной Ингушетии//АО-1980. М., 1981.
26. Чахкиев Д. Ю. Отчет о полевых работах в горной Ингушетии 3-го отряда Предгорно-плоскостной археологической экспедиции ЧИГУ-ЧИИИЭСФ в 1980 году. — Архив ЧИНИИЭСФ, 1981, № 559в.
27. Марковин В. И. Чеченские средневековые памятники в верховьях Чанты-Аргуна//Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963.
28. Уварова П. С. Коллекции Кавказского музея. Т. У. Археология. Тифлис, 1902.
29. Саханев В. В. Раскопки на Северном Кавказе в 1911—1912 годах//ИАК, вып. 56. СПб., 1914.
30. Алексеева Е. П. Материальная культура черкесов в средние века /По данным археологии//Тр. КЧНИИ, вып. 4 /серия историческая/. Ставрополь, 1964.
31. Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии /Вопросы этнического и социально-экономического развития/. М., 1971.
32. Умаров С. Ц. Материалы по археологии Юго-Восточной части гор-ной Чечни//АЭС, т. 3. Грозный, 1969.
33. Кузнецов В. А. Алания в X—XIII вв. Орджоникидзе, 1971.
34. Виноградов В. Б., Мамаев Х. М. Некоторые вопросы ранне-средневековой истории и культуры населения Чечено-Ингушетии /по материа-лам новых могильников//Археология и вопросы этнической истории Северно-го Кавказа. Грозный, 1979.
35. Багаев М. Х. Элистанжинский раннесредневековый могильник//Ар-хеология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный, 1979.
36. Минасян Р. С. Четыре группы ножей Восточной Европы эпохи ран-него средневековья /К вопросу о появлении славянских форм в лесной зоне// Археологический сборник. Вып. 21. Материалы и исследования по археологии СССР. — Л., 1980.
37. Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1983.
38. Тарабанов В. А. Средневековый могильник у аула Казазово// Проблемы археологии и этнографии. Вып. II. Историческая этнография: тради-ции и современность. Л., 1983.
39. Кудрявцев А. А. Металлообрабатывающее производство средне-векового Дербента /VI — середина XIII в./ //Древние промыслы, ремесло и тор-говля в Дагестане. Махачкала, 1984.
40. Мамаев Х. М., Савенко С. Н. Дуба-Юртовские катакомбные могильники//Новые археолого-этнографические материалы по истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1988.
41. ОАК за 1907 год. СПб., 1910.
42. Левашова В. П. Белореченские курганы//ТГИМ, вып. XXII. М., 1953.
43. Милорадович О. В. Кабардинские курганы XIV—XVI вв./СА, 1954, № 20.
44. Алексеева Е. П. Очерки по истории черкесов в XIV—XV вв./Тр. КЧНИИ, вып. 3. Черкесск, 1959.
45. Крупнов Е. И., Мунчаев Р. М. Бамутский курганный могиль-ник XIV—XVI вв./Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963.
46. Нагоев А. Х. О хронологии кабардинских курганов//Вестник КБНИИ, вып. 6. Нальчик, 1972.
47. Нагоев А. Х. Кабардинские курганные могильники у сел. Чегем II// Северный Кавказ в древности в средние века. М., 1980.
48. ОАК за 1895 год. СПб., 1897.

49. Равдоникас Т. Д., Смирнова Л. И. Каталог коллекций по народам Кавказа//СМАЭ. Вып. 34. Материальная культура и хозяйство народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана. Л., 1978.
50. Тменов В. Х. Новые археологические памятники на территории Северной Осетии//Вопросы осетинской археологии и этнографии. Вып. 1, т. 36. Орджоникидзе, 1980.
51. Маргграф О. В. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. М., 1882.
52. Денисова М. М., Портнов М. Э., Денисов Е. Н. Русское оружие XI—XIX вв. М., 1953.
53. Вертепов Г. А. Очерки кустарных промыслов в Терской области//Терский сборник, вып. 4. Владикавказ, 1897.
54. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв. Составитель и автор комментариев В. К. Гарданов. Нальчик, 1974.
55. Иванов А. А., Луконин В. Г., Смесова Л. С. Ювелирные изделия Востока. Древний, средневековый периоды /Коллекция Особой кладовой отдела Востока Государственного Эрмитажа/. М., 1984.
56. Чакхкиев Д. Ю. Кольчатый доспех позднесредневековых вайнахских воинов//Новые археолого-этнографические материалы по истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1988.
57. Семенов Л. П. Склеп с фресками в ингушском селении Эгикал//Изв. ЧИНИИЯЛ, т. 2, вып. 1. Грозный, 1960.
58. Даутова Р. А., Чакхкиев Д. Ю. Некоторые новые материалы по мавзолеям горной Ингушетии//Новые археолого-этнографические материалы по истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1988.
59. Чакхкиев Д. Ю. Оружие и вопросы военного искусства позднесредневековых вайнахов /XIII—XVIII вв./ /археолого-этнографическое исследование/. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1986.
60. Осетины глазами русских и иностранных путешественников /XIII—XIX вв./. Под редакцией Б. А. Калоева. Орджоникидзе, 1967.
61. Миллер Ю. А. Художественное оформление холодного оружия Турции XVII—XVIII веков//ТГЭ. Т. II. Культура и искусство античного мира в восточной Азии. Л.-М., 1958.
62. Восточное оружие. Под редакцией П. А. Азизбековой. Баку, 1973.
63. Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч. 2. М., 1823.
64. Чакхкиев Д. Ю. К вопросу о происхождении «кавказского» кинжала//Первая Кубанская археологическая конференция /Тезисы докладов/. Краснодар, 1989.
65. Аствацатурян Э. Кавказское оружие. М., 1984.
66. Тменов В. Х. «Город мертвых» /Позднесредневековые склеповые сооружения Тагаури/. Орджоникидзе, 1979.
67. Тменов В. Х. Археологическое исследование склеповых сооружений Дигории/Краткое содержание докладов научной конференции по итогам работы за 1985 год. Орджоникидзе, 1986.
68. Тменов В. Х. Два склепа из селения Уакац//Новые материалы по археологии Центрального Кавказа. Орджоникидзе, 1986.
69. Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа//МАК, Вып. 8. М., 1900.
70. Гуро-Княжин В. А. Хевсуры//Новый Восток, кн. 20—21. М., 1928.
71. Камараули А. Я. Хевсурия. Тифлис, 1929.
72. Макалатия С. И. Хевсурети. Тбилиси, 1940.
73. Тедорадзе Г. Пять лет в Пшавии Хевсуретии. Тбилиси, 1941.
74. Батчаев В. М. Из истории традиционной культуры балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1986.

75. Батчаев В. М. Сармато-аланские элементы в традиционной культуре балкарцев//Новые материалы по археологии Центрального Кавказа. Орджоникидзе, 1986.
76. Алироев И. Ю. Названия оружия в нахских языках//АЭС. Т. 4. Грозный, 1976.
77. История, география и этнография Дагестана. М., 1958.
78. Хасиев С. А. Из истории развития кустарных промыслов чеченцев и ингушей в дореволюционном прошлом /обработка металла и камня//Хозяйство и хозяйственный быт народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1983.
79. Виноградов В. Б., Чакхкиев Д. Ю. Историко-архитектурные объекты 102-го Всесоюзного горно-пешеходного маршрута по Чечено-Ингушетии. Грозный, 1985.

Р. А. Даутова

ОБ ОДНОМ ТИПЕ ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ

Среди позднесредневековых историко-архитектурных памятников горной зоны Чечено-Ингушетии выделяется численно небольшая группа сооружений, известных в литературе под названием, введенным в оборот еще в конце XIX в. В. Ф. Миллером — склепы с открытой поминальной камерой (1, с. 27, 28), (на что справедливо обратил внимание Г. Д. Чиковани) (13, с. 122).

В датировке и генезисе склепов с поминальными камерами, встречающихся как в Чечне, так и в Ингушетии, много неясного (16, с. 81), так как исследователи до недавнего времени практически не располагали материалами обстоятельных археологических изысканий в отношении последних (2; 4; 5; 6). Попытки анализа архитектурных форм также не прояснили ситуацию (3).

Таким образом, актуальность изучения поставленного вопроса очевидна, что и побудило автора обратиться к исследованию.

Необходимо отметить, что у исследователей не сложилось достаточно полных представлений о количестве склепов с поминальными камерами.

Вероятно, в определенной мере это объясняется тем, что к памятникам рассматриваемого типа иногда относят объекты различного облика, смешивая прежде всего склепы с поминальными камерами и склепы с поминальными нишами. Отметим, что общность части первых со вторыми ранее и нам представлялась очевидной (16, с. 82). Поэтому считаем необходимым оговорить, что под первыми понимаются надземные постройки с вертикальным взаиморасположением различных по назначению камер (погребальной и поминальной). Во вторых поминальные ниши, как правило, расположены на одном горизонтальном уровне с погребальными камерами, выступая в качестве своеобразного преддверия (почему их иногда называют «порталами», «лоджиями»).

Первооткрыватель проблемы В. Ф. Миллер отметил наличие

одного памятника в Таргиме и, возможно, в Воуги (1, с. 27, 28). Всесторонне изучавший средневековые древности Ингушетии Л. П. Семенов зафиксировал по одному склепу с поминальной камерой в Эрзи, Эгикале, Хамхи, Таргиме, Вовнушках, Ньюе (5, с. 19, 136). Эти сведения подтвердил Е. И. Крупнов, правда, не упомянув Нью (6, с. 92). М. Б. Мужухоев отнес перечень объектов Л. П. Семенова к склепам с поминальными нишами (4, с. 51, рис. 7, 7). Собственно же склепов с поминальными камерами (по В. Ф. Миллеру) у М. Б. Мужухоева три — в Эрзи, Хамхи, Мяшки (4, с. 52, рис. 7, 15). В. П. Кобычев отметил в Ингушетии также три сооружения — в Эрзи, Хамхи, Бирке (11, с. 144).

Что касается Чечни, то Б. Плечке указал на памятник в Терте (15) С. Ц. Умаров выявил объекты рассматриваемого типа в Коратохе, Терте, Цеча-Ахке и Цой-Педе (2, с. 217, 218, 266, 9, с. 19). К этому перечню добавляются сооружения, открытые в Эги-Чоже и Васеркеле автором (14, с. 41—44). Склепом с поминальной камерой назван памятник в Туга, зафиксированный Н. Н. Великой и Д. Ю. Чахкиевым (29, с. 139). Часть склепов упомянута в «Археологической карте Чечено-Ингушской АССР» составители которой, В. Б. Виноградов и В. И. Марковин, не ставили задачу полного сбора таких сведений (19).

Таким образом, перечень интересующих нас объектов по данным специальной литературы таков: Эрзи, Хамхи, Таргим, Эгикал, Вовнушки, Нью, Бирк, Мяшки, Воуги(?), Эги-Чож, Цеча-Ахк, Терте, Коратох, Цой-Педе, Туга¹. Этот список можно пополнить сооружением в Фалхане, склепом из Сахано, который описан в дневнике А. В. Мачинского (17, с. 32). Возможно, такой, же памятник существовал и в Меши (17, с. 39).

Эрзи. Памятник упомянут Л. П. Семеновым, Е. И. Крупновым, В. Н. Басиловым и В. П. Кобычевым, Г. Д. Чиковани, М. Б. Мужухоевым (23, с. 160—161), исследован автором (22). Однако, видимо, первым исследователем, зафиксировавшим эрзийский склеп был В. И. Долбежев. При описании главного поселка Мецхальской общины, которым был аул Эрзи, он отмечал: «Особое внимание обращают на себя 5 башен, в 4—5 саженей высоты, сохранившихся лучше других и сгруппированных в середине поселка Мицхальской общины, в верховьях ущелья. Вблизи среди обитаемых построек, найдена обширная гробница из дикого камня с большим готической формы окном, обращенным на Ю. По словам старшины этой общины, как башни, так и гробница принадлежат предкам его рода» (59, с. CXVII).

Сооружение ориентировано по линии ЮЗ-СВ, фасадная сторона — юго-западная. В плане оно имеет трапециевидную форму

¹ Не исключено, что сооружение подобного типа имел в виду Н. С. Иваненков, когда отметил в с. Кирды общества Терлой склеп из тесаного камня имевшего с лицевой стороны форму стрельчатой арки (60, с. 150).

при длине 5,36 м, ширине фасадной стены 3,27 м, задней — 2,8 м. Предполагаемая высота двускатно-ступенчатой крыши около 4,5 м, высота цокольной части фасада — 1,4 м. Памятник сложен из разноразмерного подтесанного камня на известковом растворе, причем в разломах стен фиксируется использование техники «панцирной кладки». Толщина стен колеблется от 0,5 до 0,62 м. Следует отметить, что фасадная стена изначально имела вид характерной стрельчатой арки. Позднее ее частично заложили, оставив дверной проем шириной 2,25 м. В трех стенах зафиксированы по две прямоугольные ниши размерами 0,25 х 0,25; 0,35 х 0,25; 0,15 х 0,25 м, причем в северо-восточной и юго-восточной стенах они сдвоены. На высоте 0,5 м от каменного пола, вдоль трех стен, подобно расположенным каменные сиденья шириной 0,4 м. На второй от входа плите выбито изображение прямоугольника из коротких параллельных линий с четырьмя крестами по углам (рис. 1).

Размеры нижней камеры аналогичны верхним, но место расположения лаза в нее установить невозможно, поскольку перекрытие между этажами разрушено. Однако ясно, что лаза ни в фасадной, ни в боковой стенах цоколя не было. При расчистке погребальной камеры отмечены костные остатки не менее 80 погребенных и сопутствующий инвентарь. Судя по положению некоторых костяков, по крайней мере, часть из них лежала по длине камеры, вытянуто на спине, головой на С.

В. П. Кобычев ошибается, относя к данному памятнику находки крестов (11, с. 146). Последние были обнаружены в святилище Эрдзели (5, с. 41, 42).

Фалхан. Памятник не был зафиксирован исследователями горной Ингушетии, однако о реальности его существования свидетельствуют две почтовые карточки, выпущенные не позднее начала 30-х годов текущего столетия¹. На одной изображен склеп с поминальной камерой на окраине Фалханского склепового могильника, другая представляет фотографию самого памятника.

Судя по изображению, это прямоугольное сооружение, врезанное в склон задней частью, сложенное из обработанных блоков и камней с использованием раствора. Фасадная стена имеет вид открытой стрельчатой арки на высоком (не менее 1,70 м) цоколе, в которую вделаны две каменные ступени для подъема в верхнюю камеру. В нижнюю (погребальную) камеру вел прямоугольный лаз в основании фасадной стены (рис. 3, 4).

Двускатно-ступенчатая крыша завершается гребнем. В передней части верхней камеры просматривается поперечная деревянная балка. В целом о размерах сооружения судить трудно, но очевидно, что высота фасадной стены около 4,5 м, ширина основания более 3 м, длина — более 5 м.

¹ Переданы автору Д. Ю. Чахкиевым, которому выражаем признательность.

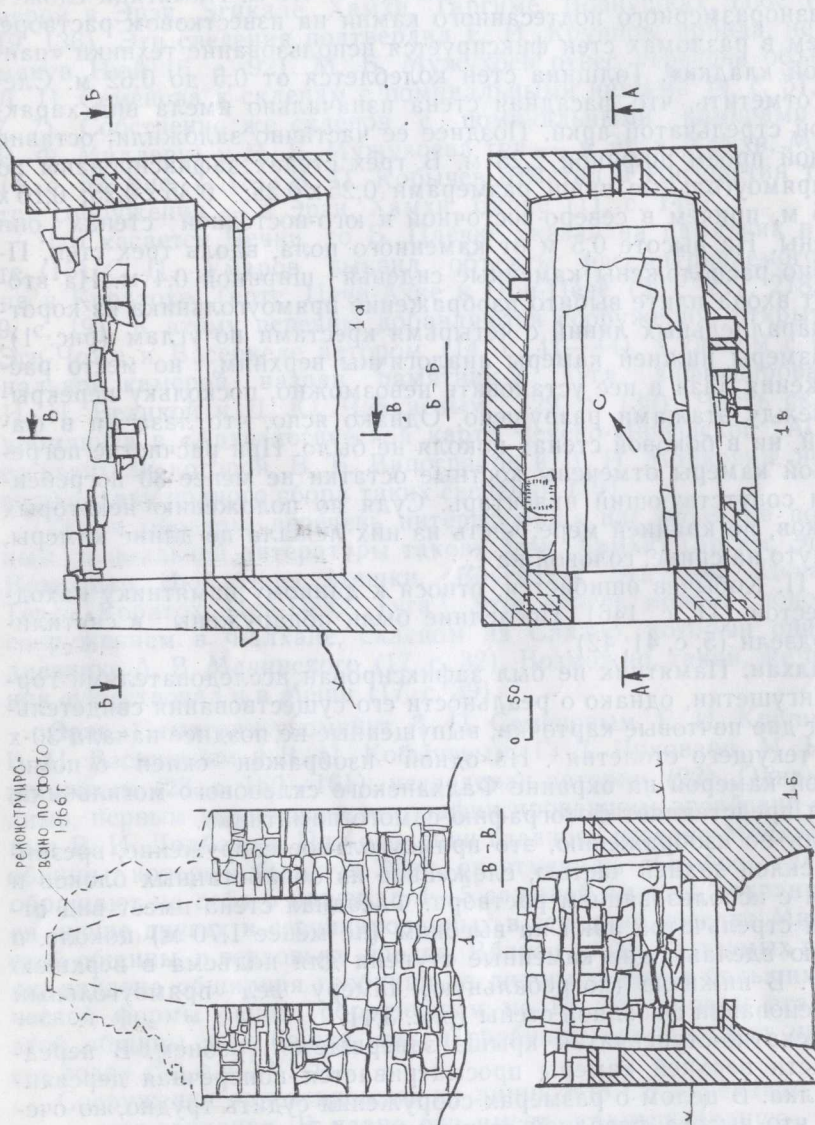

Рис. 1. Склеп с поминальной камерой у сел Эрзи. План, разрезы.

Эгикал. Памятник упомянут, как уже отмечалось, Л. П. Семеновым и Е. И. Крупновым. Конкретных данных нет, за исключением указания на характерную (по Л. П. Семенову) особенность этого типа сооружений — наличие на камнях, окаймляющих пол камеры, изображений прямоугольников из коротких параллельных линий (5, с. 20).

Хамхи. Памятник упомянут Л. П. Семеновым, Е. И. Крупновым, В. П. Кобычевым, описан и исследован М. Б. Мужухоевым (23, с. 173), позднее осмотрен В. Н. Калинкиным, Трапезиевидная в плане постройка (ширина фасадной стены 3,50 м, задней 2,75 м) ориентирована входом на юго-восток. Крыша разрушена, но судя по остаткам, была двускатно-ступенчатой. Толщина стен, сложенных из аккуратно подтесанных блоков на известковом растворе, достигает 0,6 м. Внутренние размеры верхней камеры составляют 2,9 x 5,1 x 2,15 м. В центре задней стены — три квадратных ниши, 0,22 x 0,2 x 0,25 м на высоте 1,5 м от каменного пола. Одна ниша размерами 0,25 x 0,30 x 0,4 м отмечена в боковой стене на высоте 1,3 м. Камеру П-образно окаймляют каменные скамейки шириной 0,4 м, высотой 0,45 м. На трех плитах скамей изображены прямоугольники из коротких параллельных линий и креста в центре. По свидетельству Л. П. Семенова в переднем ряду плит камеры находился камень прямоугольной формы, на плоской поверхности которого было около 30 чашеобразных углублений (5, с. 22).

На расстоянии около 1,5 м от входного проема в полу камеры зафиксировано прямоугольное погребальное помещение размерами 2,2 x 1,1 м, глубиной 1 м (рис. 2, 1—3). Очевидно, доступ в камеру осуществлялся сверху, поскольку лаза в стенах цоколя нет. О погребенных данных нет, однако Л. П. Семенов сообщает о том, что склеп некогда был превращен в святилище, вследствие чего погребенное в нем тело еще в давнее время было извлечено и похоронено в другом месте (5, с. 29).

При расчистке М. Б. Мужухоевым обнаружены кости животных, амулеты из костей медведя, фрагменты черешковых ножей и красноглиняная керамика с линейным орнаментом (56, с. 125—126).

Таргим. Памятник описан В. Ф. Миллером, упомянут В. Б. Виноградовым и Д. Ю. Чахкиевым как существующий (26, с. 8). По данным В. Ф. Миллера памятник напоминает «избу с двускатной выгнутой кровлей». Длина его 2 сажени (4,26 м), ширина фасадной стены 1 сажень (2,13 м), высота до гребня кровли около 3 сажень (6,39 м). Передняя стена «вынута на половине высоты так, что в фас виднеется довольно просторная комната» (рис. 2, 4). Для входа в эту камеру служили две ступени, выступавшие из передней стены сооружения в виде концов каменных брусков. На правой стене снаружи выступали две каменные развилки, образы-

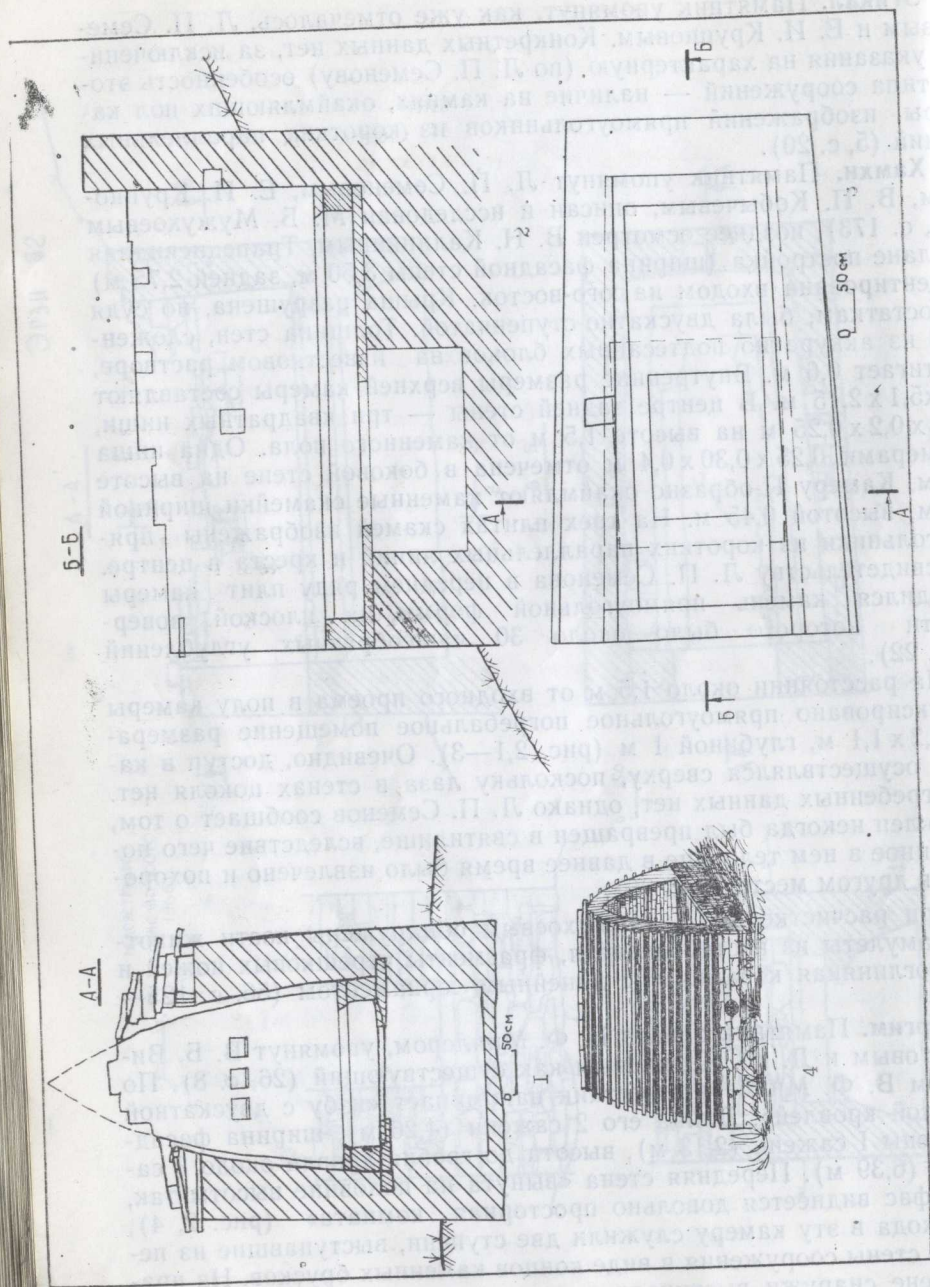

Рис. 2. Склепы с поминальной камерой у сел. Хамхи (1—3) и Таргим (4). 1 — по В. Н. Басилову; 2 — по В. П. Кобычеву; 3 — по В. Н. Басилову; 4 — по В. Ф. Миллеру

вающие как бы кольцо для привязывания коня. Могила помещена в нижней части постройки и представляет прямоугольный ящик. В верхней комнате, по словам местных жителей, в прежние времена при поминках сидели родственники покойных (1, с. 27).

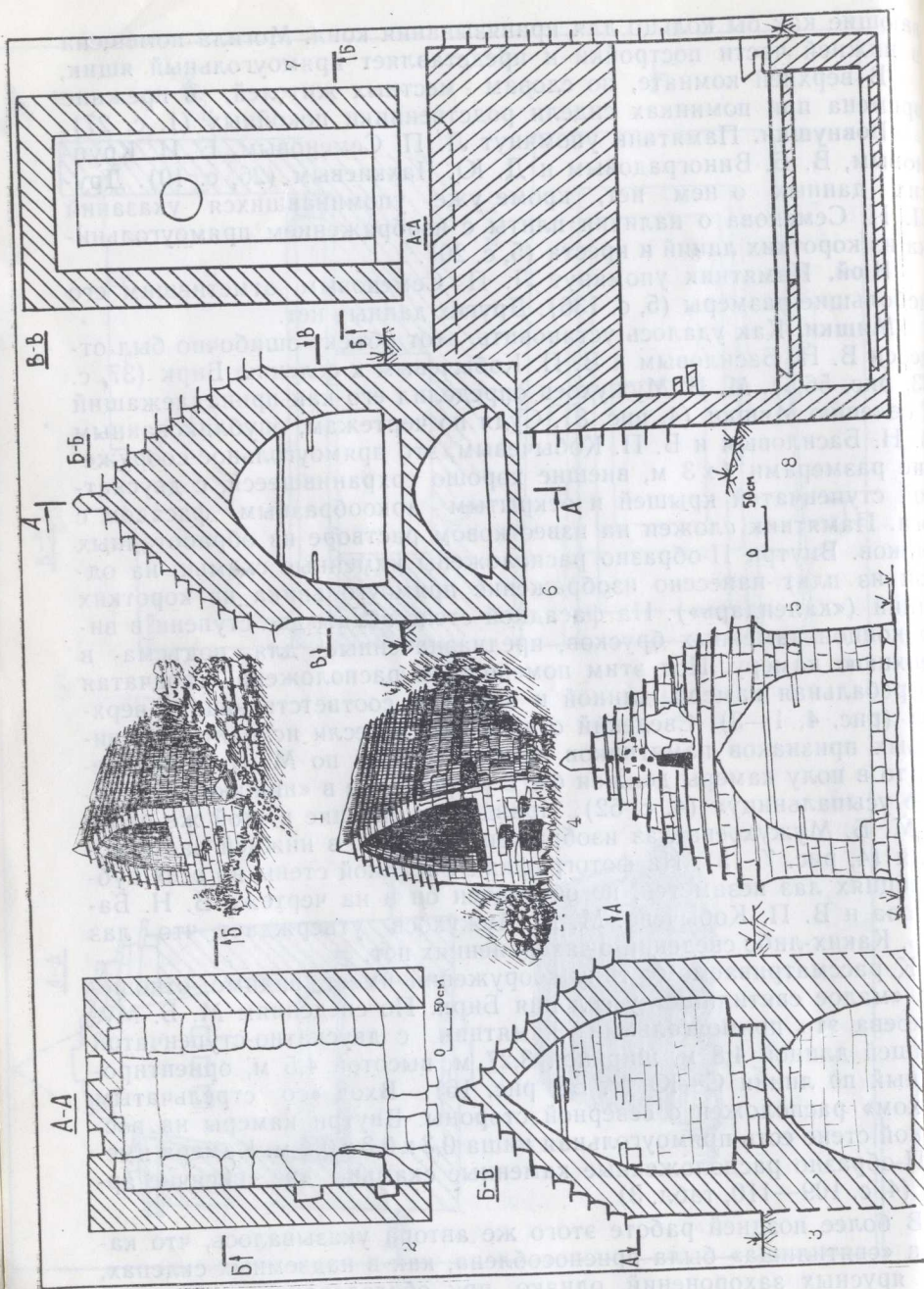
Вовнушки. Памятник упомянут Л. П. Семеновым, Е. И. Крупновым, В. Б. Виноградовым и Д. Ю. Чахкиевым (26, с. 10). Других данных о нем нет, кроме уже упоминавшихся указаний Л. П. Семенова о наличии плиты с изображением прямоугольника из коротких линий и креста (5, с. 20).

Нюй. Памятник упомянут Л. П. Семеновым, отметившим его небольшие размеры (5, с. 136). Других данных нет.

Мяшки. Как удалось установить, этот объект ошибочно был отнесен В. Н. Басиловым и В. П. Кобычевым к селению Бирк (37, с. 33, рис. 56,5). М. Б. Мужухоев определил его как принадлежащий к селению Мяшки (4, рис. 8). Судя по чертежам, опубликованным В. Н. Басиловым и В. П. Кобычевым, это прямоугольное сооружение размерами 4х3 м, внешне хорошо сохранившееся, с двускатной ступенчатой крышей и открытым аркообразным фасадом с юга. Памятник сложен на известковом растворе из обработанных блоков. Внутри П-образно расположены каменные скамьи, на одной из плит нанесено изображение прямоугольника из коротких линий («календарь»). На фасадной стене видны две ступени в виде концов каменных брусков, предназначенные для подъема в верхнюю камеру. Под этим помещением расположена сводчатая погребальная камера, длиной и шириной соответствующая верхней (рис. 4, 1—3). Сведений о лазе нет, но если исходить из видовых признаков памятников данной группы по М. Б. Мужухоеву, то в полу камеры должен быть устроен лаз в «нижнюю склеповую усыпальницу» (4, с. 52). Правда, на рисунке в этой же работе М. Б. Мужухоева лаз изображен снаружи, в нижней части цоколя (4, рис. 7, 15). На фотографиях фасадной стены во всех публикациях лаз незаметен, не обозначен он и на чертеже В. Н. Басилова и В. П. Кобычева. М. Б. Мужухоев утверждает, что лаз есть. Каких-либо сведений о захоронениях нет.

К рассматриваемому типу сооружений имеет, видимо, отношение «малое святилище» у селения Бирк. По сведениям М. Б. Мужухоева это прямоугольный памятник с двускатно-ступенчатой крышей длиной 4,8 м, шириной 3,27 м, высотой 4,5 м, ориентированный по линии С—Ю (с. Б8, рис. 16). Вход «со стрельчатым верхом» расположен с северной стороны. Внутри камеры на восточной стене есть прямоугольная ниша 0,3х0,3х0,4 м. Камера имеет П-образно расположенные каменные скамьи, две «висячие арки» (4, с. 109—110, табл. 3).

В более поздней работе этого же автора указывалось, что камера «святилища» была приспособлена, как в надземных склепах, для ярусных захоронений, однако при обследовании внутренней

площади, среди остатков разрозненных костяков, находок не оказалось. Затем, «... в 1978 году нами (М. Б. Мужухоевым — автор) произведена расчистка основания камеры на глубину до 0,3 м. В образовавшемся слое периода функционирования памятника как святилища отмечены кости жертвенных животных (около тридцати), найдены 4 наконечника стрелы ромбовидных очертаний и серебряная восьмилопастная серьга...» (32, с. 76).

Еще позднее это сооружение было отнесено к надземным памятникам, превратившимся в святилище (склеп — святилище), т. е. по терминологии самого М. Б. Мужухоева — к склепам с поминальной камерой (58, с. 20).

Воуги. Памятник упомянут В. Ф. Миллером в связи с описанием таргимской постройки. Он больше последней имеет, по словам исследователя, открытую поминальную камеру с отделениями, разделенными арками, однако ввиду разрушенности «о первоначальном виде этого могильника памятника нельзя себе составить ясного понятия» (1, с. 28).

Эги-Чож. Памятник исследован автором (14, с. 41—44). Четырехугольное в плане, сооружение размерами 6,05 x 3,15 м ориентировано по линии 3-В с небольшим отклонением. Двускатно-ступенчатая крыша сохранилась частично. Фасадная (западная) стена постройки с аркообразным входом имеет довольно высокую цокольную часть, составным элементом которого является фундамент высотой 0,6 м.

Стены здания сложены из тщательно отесанных крупных блоков на известково-глинистом растворе. Сооружение глубоко врезано в склон — высота фасадной стены 3,4 м, задней — 0,7 м, толщина стен достигает 0,5 м.

В основании северной стены снаружи зафиксирован лаз прямоугольной формы 0,60 x 0,70 м, ведущий, в длинную, до 2,5 м камеру в толще восточной стены. В потолке камеры на расстоянии 0,60 м от лаза имеется выемка на 0,25 м. Создается впечатление, что это сделано для того, чтобы в камере можно было сидеть. Толщина стен, в которой устроена камера, составляет 1,25 м (рис. 4).

Внутри верхней камеры П-образно устроены каменные скамьи высотой 0,45 м и шириной 0,30—0,50 м. На одной из плит порога фасадной стены отмечено чашечное углубление диаметром 10 см. При вскрытии пола камеры, состоящего из массивных каменных плит, погребений не обнаружено.

Цеча-Ахк. Памятник открыт и исследован С. Ц. Умаровым (24, с. 138). Сооружение прямоугольной формы 6,2 x 3,3 м с открытой с фасада верхней камерой тщательно сложено на растворе из отесанных прямоугольных блоков примерно одинаковых размеров 0,6 x 0,3 x 0,2 м. Высота цоколя фасадной (южной) стены достигает 2 м.

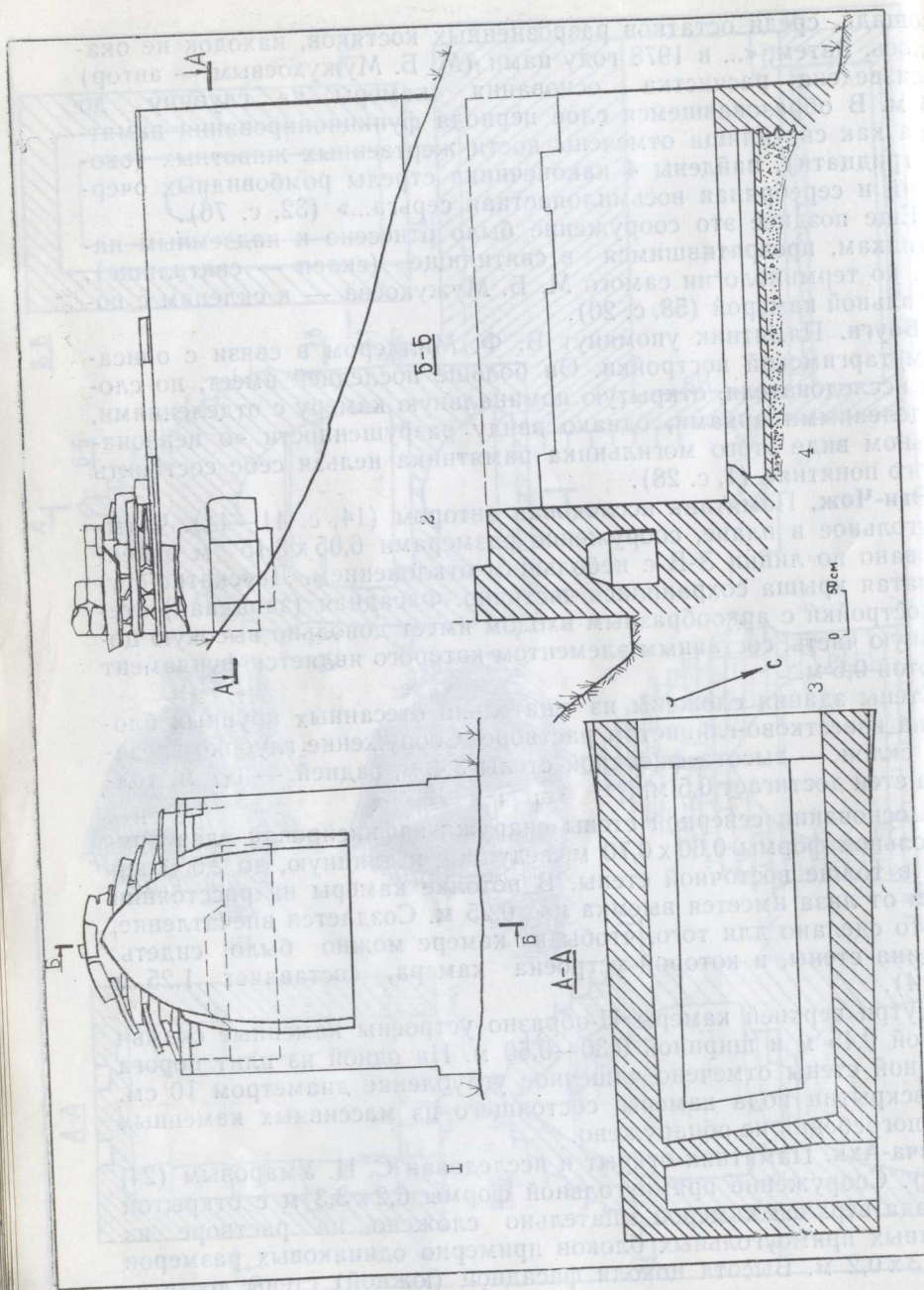

Рис. 4. Склеп с поминальной камерой у сел. Эги-Цож. План, разрез.

В полу поминальной камеры устроен люк, ведущий в каменный ящик размерами 2 x 1,2 м, в котором обнаружен потревоженный костяк взрослого мужчины. Судя по рисунку С. Ц. Умарова, ящик расположен поперек оси камеры и ориентирован по линии 3-В (рис. 5, 4—6).

Вдоль стен верхней камеры П-образно расположены каменные скамьи (2, с. 266).

Терге. Памятник, начиная с Б. Плечке, неоднократно упоминался исследователями. Он описан А. В. Мачинским, С. Ц. Умаровым и, наиболее детально, Г. Д. Чиковани (13).

Это прямоугольное в плане сооружение длиной 6,20 м и шириной 4 м (рис. 4, 4—7). Высота от пола до гребня двускатно-ступенчатой крыши 5,5 м. Толщина стен, сооруженных из подтесанного камня и плиток сланца на известковом растворе, достигает 0,65 м. Вдоль стен камеры П-образно сооружены каменные скамьи высотой 0,5 м, шириной 0,38 м. Пол устлан хорошо подогнанными каменными плитами. В центре пола — лаз, ведущий в подземную усыпальницу тех же размеров, что и верхняя камера. Высота этой камеры более 1,5 м. Вдоль всех четырех стен сооружены каменные полки из толстых блоков, на которых лежали остатки не менее 10 скелетов, обрывки ткани, кожаной обуви, железные ножницы (2, с. 217 — 218, 25, с. 233).

По данным А. В. Мачинского, постройка имела высокий порог и была ориентирована по линии С—Ю. В верхней части открытой фасадной стены — узкая треугольная ниша, выше которой — ромбообразный узор из девяти маленьких квадратов. Над ними под самым гребнем крыши вделана каменная голова животного. Справа от ниши находилась такая же голова, слева — след от такого же украшения. Внутри свод верхней камеры укреплен четырьмя деревянными балками. По словам местных жителей, в погребальном помещении было несколько рядов полок (17, с. 41—42).

Коротох. Памятник упомянут А. В. Мачинским, С. Ц. Умаровым, исследован автором. Прямоугольная постройка с двускатно-ступенчатой крышей и открытой фасадной частью имела длину 6 м, ширину 3,3 м, при высоте аркообразного проема 4,25 м. Сооружение сложено из разноразмерного обколотого камня на известковом растворе, ориентировано по линии СЗ—ЮВ.

В длинных стенах зафиксированы по две квадратные ниши, верхнюю часть свода внутри укрепляли три деревянные балки. Внутри камеры П-образно устроены каменные сиденья высотой 0,70 м и шириной 0,5 м. Порог фасадной стены достигал 0,5 м (рис. 5, 1—3).

В каменном полу камеры у задней стены обнаружен пролом (лаз?), ведущий в подземное погребальное помещение размерами 4,5 x 1,5 м. Высота последнего составляла около 1 м. В северной стене устроен прямоугольный лаз, снаружи почти полностью за-

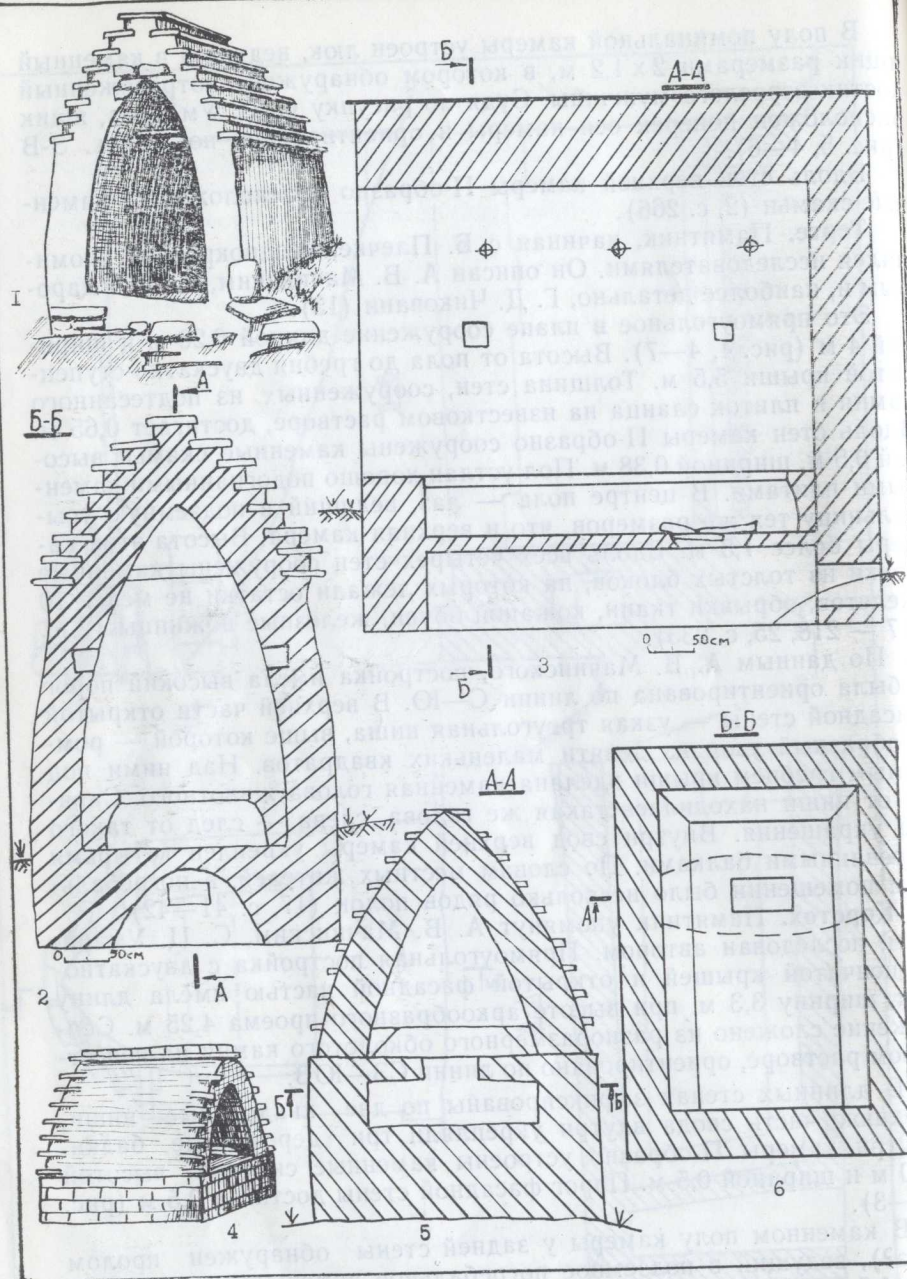

Рис. 5. Склепы с поминальной камерой у сел. Коротох (1—3) и Цеча-Ахк (4—6). Планы и разрезы (4—6 — по С. Ц. Умарову).

тянутый грунтом. При осмотре камеры зафиксированы разрозненные останки не менее 28 погребенных.

Сахано. Памятник описан А. В. Мачинским. Он имеет прямоугольную форму с двускатной крышей, открытую фасадную стенку с высоким порогом. Вдоль стен камеры П-образно устроены узкие каменные скамьи. В центре пола зафиксировано прямоугольное отверстие, закрытое сланцевой плитой. По словам местных жителей, на скамьи садились родственники умершего, которого клали посередине на пол, и, угощаясь, бросали куски еды на покойника. Затем его опускали в нижнюю камеру, на полу которой исследователь видел перемешанные человеческие кости (17, с. 32).

Это же сооружение зафиксировал С. Ц. Умаров, однако к этому моменту оно было уже полуразрушено, и тип его исследователь не установил (25, с. 235).

Меши. Памятник бегло описан А. В. Мачинским, который отметил на полпути между Меши и Тертего (Терте) сильно разрушенное сооружение, сходное, по его словам, по типу с описанным выше в Сахано. Прямоугольная в плане постройка с двускатной крышей была вытянута по линии С—Ю, при этом фасад размещался с Ю. На полу отмечен деревянный настил. Других данных нет (17, с. 39).

Цой-Педе. Памятник упоминается почти всеми исследователями одного из крупнейших склеповых некрополей — А. В. Мачинским, В. И. Марковиным, А. А. Исламовым, С. Ц. Умаровым. Он описан В. И. Марковиным и исследован автором.

Сооружение сложено из колотого камня и сланца на растворе, причем первоначально оно представляло собой обычный прямоугольный склеп с двускатной гладкой крышей, к фасаду которого позднее была пристроена камера с большим аркообразным проемом. На это указывают отсутствие перевязи в кладке стен между обоими камерами и смещение позднейшей постройки относительно оси всего сооружения (рис. 6).

Длина всего комплекса составляет около 10 м, ширина обеих частей почти одинакова — 3 и 3,1 м. Высота фасадной стены составляет 3,8 м. Аркообразный вход высотой 2,7 м и шириной 1,5 м, был позднее заложен кладкой, в которую была вставлена сланцевая плита с прямоугольным лазом размерами 0,6 х 0,45 м. Длина камеры составляет 4,5 м, высота 3,35 м. В верхней части свода фиксируются две деревянные балки, еще от двух сохранились только гнезда. В одной из стен отмечены прямоугольные ниши. Вдоль длинных сторон камеры расположены каменные сиденья высотой 0,3 м, шириной 0,4 м. У задней стены расположено возвышение, которое одновременно могло служить сиденьем и ступенью для подъема к лазу второй камеры. Судя по характеру скальной основы пола, наклоненного к входу, подземной части у камеры нет.

Вторая камера (собственно склеп) имела длину 3,80 м, шири-

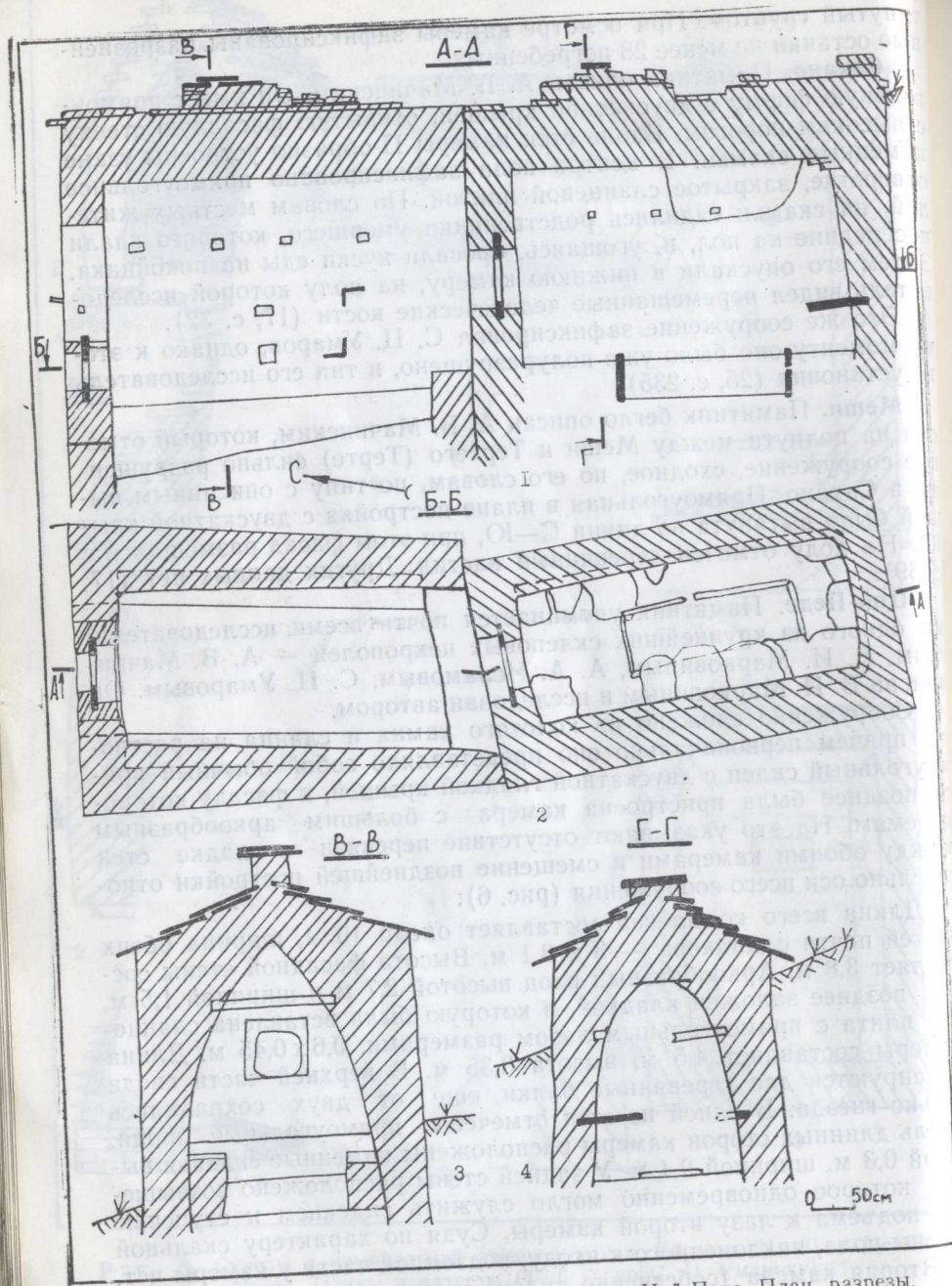

Рис. 6. Склеп с поминальной камерой из Цой-Педе. План, разрезы.

ну 1,70 м, высоту 2,20 м. В верхней части свода зафиксированы остатки трех деревянных балок. На высоте 0,5 м от пола вдоль стен расположен один ряд шиферных полок шириной до 0,7 м. В центре пола зафиксирован каменный ящик длиной 2,05, шириной 0,7 м, ориентированный по линии С—Ю, вдоль длинной оси камеры. При расчистке обнаружены многочисленные останки погребенных, предметы инвентаря. Снаружи все сооружение покрыто штукатуркой.

А. А. Исламов предложил неверную реконструкцию¹ передней камеры в виде двухъярусной гробницы (27, с. 148), которую некритически принял А. Ф. Гольдштейн (3, с. 115). Оба исследователя не обратили внимание на то обстоятельство, что соотношение высоты балок, служивших, по А. А. Исламову, полом поминальной камеры, с верхним краем входного проема, определяло высоту предполагаемой камеры в 0,7 м, что лишало ее какого-либо смысла. К тому же А. Ф. Гольдштейн ошибочно принял позднейший заклад входного проема сланцевыми плитами за деревянный, что послужило основанием для далеко идущих выводов о генезисе склеповых сооружений (3, с. 115).

В истории памятника было три этапа: на первом это был наземный склеп с двускатной гладкой крышей и прямоугольным лазом в фасадной стене. На втором этапе к нему пристроили поминальную камеру. На третьем этапе арочный вход этой камеры был заложен стенкой с прямоугольным лазом, как это было сделано в некоторых постройках Васеркела, описанных ниже.

Необходимо отметить, что отнесение данного памятника С. Ц. Умаровым к склепам с поминальными камерами — мавзолеям, противоречит выделенным им же признакам (9, с. 19), т. к. подземной погребальной части у рассматриваемого сооружения нет. Строго говоря, данный памятник вообще не отвечает представлениям о склепах с поминальными камерами по В. Ф. Миллеру, однако рассматривается нами, так как представляет интерес для понимания генезиса рассматриваемого типа сооружений.

Васеркел. Некрополь неоднократно посещался исследователями (28, с. 233; 29, с. 139—140), однако сооружения его археологически не изучались, но дважды большинство из них описывалось — А. В. Уэльсом (30) и автором (35; 36). В ходе последних исследований на могильнике зафиксировано 13 «склепов» с поминальными камерами.

Внешне это однотипные прямоугольные сооружения небольших (относительно ранее описанных) размеров, с двускатной, но не ступенчатой крышей и открытой с фасада камерой. Фактические данные о постройках приведены в таблице 1. По основным внеш-

¹ Возможно, поэтому С. Ц. Умаров назвал этот склеп двухэтажным (2, с. 214).

Таблица 1

Данные о «склепах с поминальными камерами» из Васеркела

№ п/п	Длина	Ширина	Высота	Детали конструкции			Ориентировка	Дополнительные данные
				скамьи	ниши	балки		
18.	2,30 м	1,85 м	2,55 м	+	—	+	ЮВ—СЗ	Доски на скамьях, каменная кладка у входа
19.	3,15 м	1,80 м	2,38 м	—	—	+	ЮВ—СЗ	Порог высотой 0,48 м
20.	2 м	1,20 м	1,40 м	—	+	+	ЮВ—СЗ	В потолке сланцевая плита с отверстием
21.	2,20 м	1,35 м	2,75 м	—	—	+	ЮВ—СЗ	Порог высотой 0,5 м
22.	0	1,55 м	1,83 м	—	—	0	ЮВ—СЗ	Угловые полочки
23.	2,35 м	1,90 м	1,8 м	+	—	0	0	
24.	0	0	0	0	0	0	0	Цоколь высотой 0,5 м
25.	0	0	0	+	—	+	0	
26.	3,50 м	2,0 м	2,35 м	+	—	0	0	Порог высотой 0,5 м
28.	2,60 м	2 м	2,30 м	0	—	0	С—Ю	
29.	2,70 м	2,60 м	2,20 м	—	—	—	ЮВ—СЗ	Порог высотой 0,95 м, остатки косыков в камере
30.	3 м	0	2,40 м	0	0	—		
31.	2,35 м	1,50 м	2,60 м	+	—	—		

* Знак «+» означает наличие признака, знак «—» — отсутствие признака, 0 — нет данных.

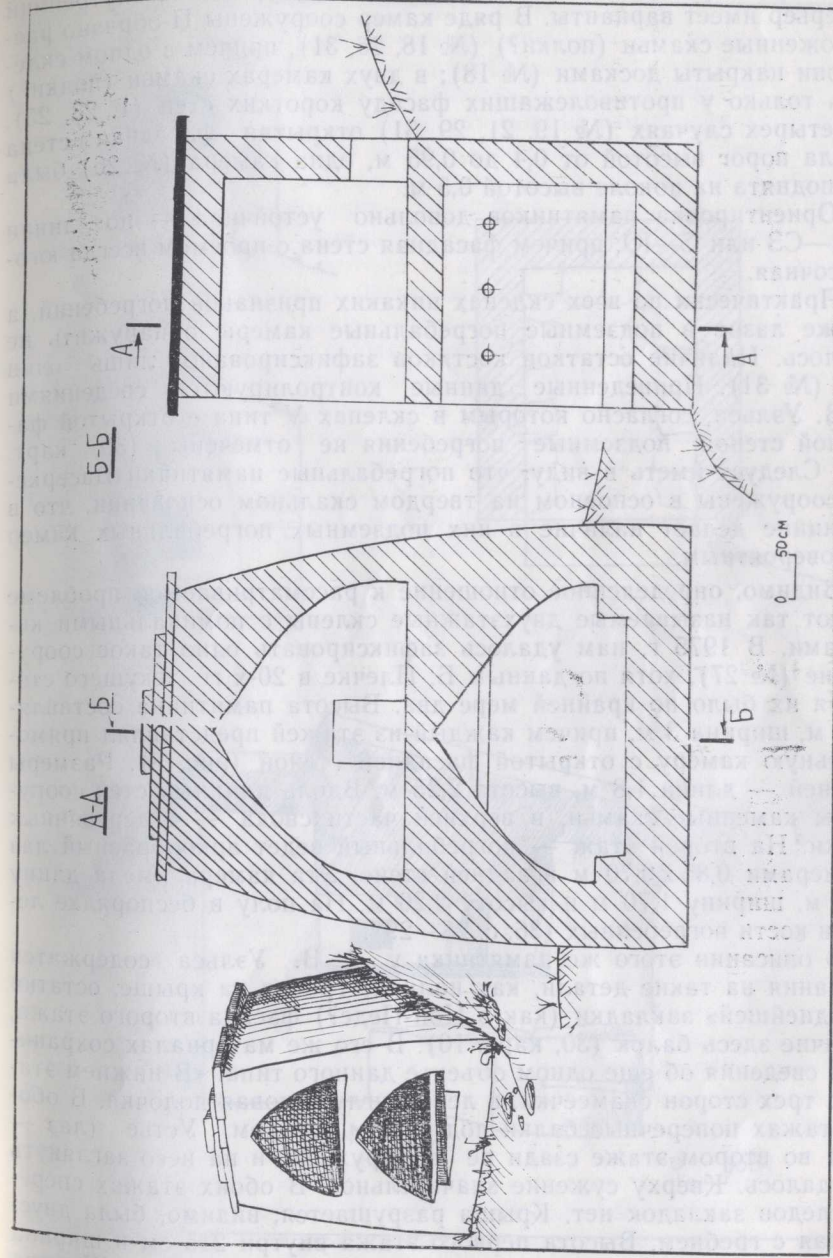

Рис. 7. Двухэтажный склеп с поминальной камерой из Васеркела. Внешний вид, разрезы.

ним параметрам они очень близки друг другу, однако внутренний интерьер имеет варианты. В ряде камер сооружены П-образно расположенные скамьи (полки?) (№ 18, 26, 31), причем в одном склепе они накрыты досками (№ 18); в двух камерах скамьи (полки?) есть только у противоположных фасаду коротких стен (1, 23, 25). В четырех случаях (№ 19, 21, 29, 31) открытая фасадная стена имела порог высотой от 0,4 до 0,95 м, одна камера (№ 26) была приподнята на цоколе высотой 0,5 м.

Ориентировка памятников довольно устойчива — по линии ЮВ—СЗ или С—Ю, причем фасадная стена с проемом всегда юго-восточная.

Практически во всех склепах никаких признаков погребений, а также лазов в подземные погребальные камеры обнаружить не удалось. Наличие остатков костяков зафиксировано лишь один раз (№ 31). Приведенные данные контролируются сведениями А. В. Уэльса, согласно которым в склепах V типа с открытой фасадной стеной подземные погребения не отмечены (30, карт. 13). Следует иметь в виду, что погребальные памятники Васерке-ла сооружены в основном на твердом скальном основании, что в принципе делает наличие в них подземных погребальных камер маловероятным.

Видимо, определенное отношение к рассматриваемой проблеме имеют так называемые двухэтажные склепы с поминальными камерами. В 1975 г. нам удалось зафиксировать одно такое сооружение (№ 27), хотя по данным Б. Плечке в 20-х гг. текущего столетия их было по крайней мере два. Высота памятника составляет 6 м, ширина 3 м, причем каждый из этажей представлял прямоугольную камеру с открытой фасадной стеной (рис. 8). Размещенной — длина 1,8 м, высота 2,25 м. Вдоль длинных стен сооружены каменные скамьи, в верхней части свода — 4 деревянных балки. На второй этаж — погребальный ведет аркообразный лаз размерами 0,85х0,70 м в задней стене. Эта камера имела длину 1,90 м, ширину 1,70 м и высоту 2,20 м. На полу в беспорядке лежали кости погребенных (36, с. 28—29).

В описании этого же памятника у А. В. Уэльса содержатся указания на такие детали, как наличие гребня на крыше, остатки «позднейшей» закладки (как в Цой-Педе?) фасада второго этажа, наличие здесь балок (30, карт. 16). В его же материалах сохранились сведения об еще одном объекте данного типа. «В нижнем этаже с трех сторон скамеечки, в левом углу угловая полочка. В обоих этажах поперечные балки под самым сводом. Устье (лаз — авт.) во втором этаже сзади не обнаружено, и на него заглянуть не удалось. Кверху сужение значительное. В обоих этажах спереди следов закладок нет. Крыша разрушается, видимо, была двускатная с гребнем. Высота первого этажа внутри 215 см и ширина 210 см. Расстояние между скамеечками (спереди) 120 см. Ширина

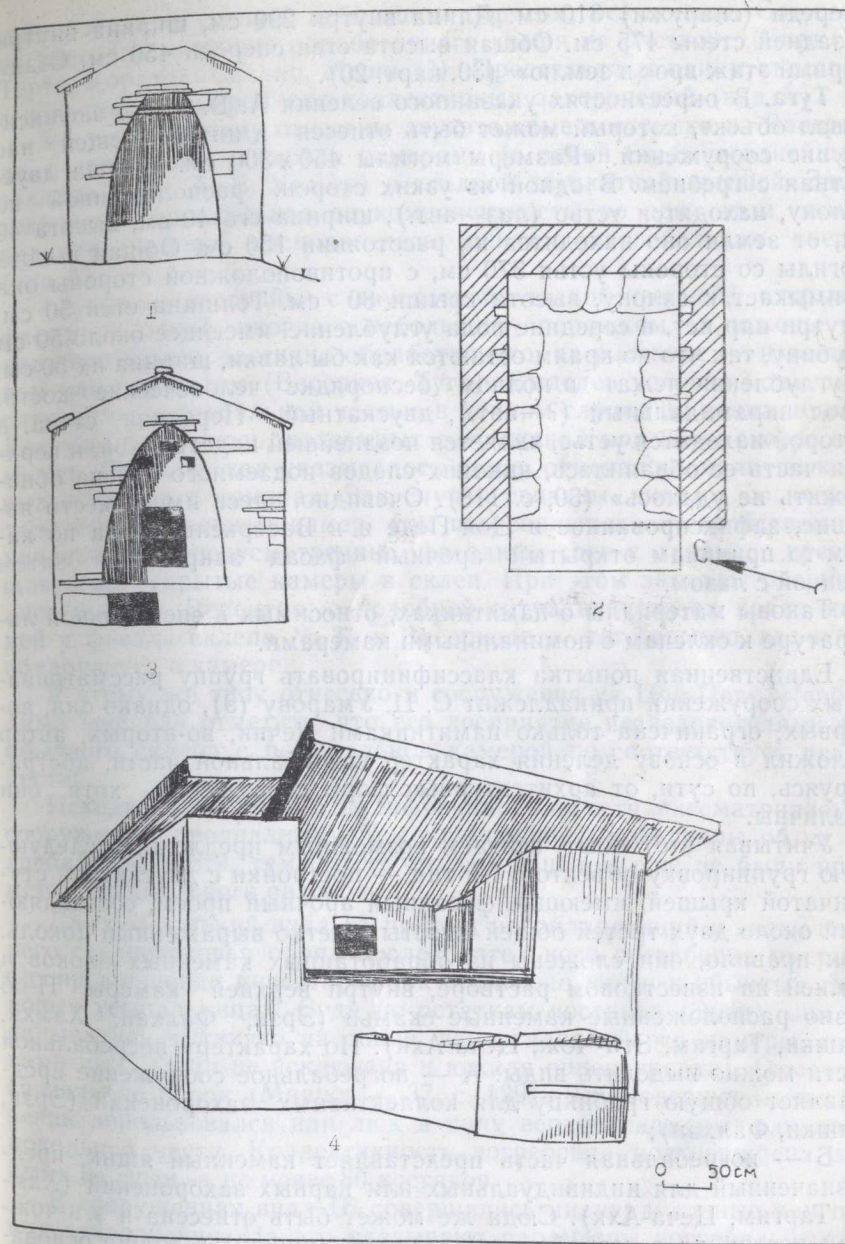

Рис. 8. 1, 2 — «склеп» с поминальной камерой из Васерке-ла, 3 — склеп с поминальной нишей из Васерке-ла, 4 — внешний вид сооружения у Комолхо

спереди (снаружи) 310 см. Длина внутри 290 см, ширина внутри у задней стены 175 см. Общая высота стен спереди 450 см. Сзади первый этаж врос в землю» (30, карт. 20).

Туга. В окрестностях указанного селения А. В. Уэльс зафиксировал объект, который может быть отнесен к интересующей нас группе сооружений. «Размеры могилы 450 х 300 см. Крыша двускатная с гребнем. В одной из узких сторон, расположенной по склону, находится устье (лаз—авт.), ширина его 40 см, высота 40 см, от земли оно находится на расстоянии 150 см. Общая высота могилы со стороны устья 370 см, с противоположной стороны она примыкает к склону, высота крыши 80 см. Толщина стен 50 см. Внутри нар нет, в середине пола углубление, имеющее около 50 см глубины, так что по краям остаются как бы лавки, ширина их 50 см. В углублении лежат в полном беспорядке человеческие кости. Свод пирамидальный (?—авт.), двускатный. Передняя стена, в которой находится устье, является позднейшей надстройкой, и верхняя часть ее обвалилась, никаких следов подземного склепа обнажить не удалось» (30, с. 118). Очевидно, здесь имеет место явление, зафиксированное в Цой-Педе и в Васеркеле, когда по каким-то причинам открытый арочный фасад закрывался затем стенкой с лазом.

Таковы материалы о памятниках, относимых в специальной литературе к склепам с поминальными камерами.

Единственная попытка классифицировать группу рассматриваемых сооружений принадлежит С. Ц. Умарову (9), однако она, во-первых, ограничена только памятниками Чечни, во-вторых, автор положил в основу деления характер погребальной части, абстрагируясь, по сути, от архитектурных форм сооружений, хотя они различны.

Учитывая этот опыт, считаем возможным предложить следующую группировку объектов. 1-й тип — постройки с двускатной ступенчатой крышей, имеющие фасадный арочный проем, составляющий около двух третей общей высоты и четко выраженный цоколь. Как правило, они сложены из обработанных каменных блоков и камней на известковом растворе, внутри верхней камеры П-образно расположенные каменные скамьи (Эрзи, Фалхан, Хамхи, Мяшки, Таргим, Эги-Чож, Цеча-Ахк). По характеру погребальной части можно выделить виды: А — погребальное сооружение представляет общую гробницу для коллективных захоронений (Эрзи, Мяшки, Фалхан);

Б — погребальная часть представляет каменный ящик, предназначенный для индивидуальных или парных захоронений (Хамхи, Таргим, Цеча-Ахк). Сюда же может быть отнесена и эги-чождская постройка с погребальной камерой (нишей) в толще основания памятника.

2-й тип — постройки с двускатной ступенчатой крышей, имею-

щие фасадную стену с небольшим порогом, без цоколя. Сложены из колотого, частично обработанного камня на растворе (Бирк(?), Терте, Коратох, Сахано, Меши (?). Представлены одним видом — с подземной камерой для коллективных захоронений (вид А).

3-й тип — к нему отнесены двухэтажные постройки из Васеркела, с открытыми с фасада камерами (в одной следы позднейшего заклада — по А. В. Уэльсу) и гладкой двускатной крышей. Здесь сохранена вертикальная двукомпонентность, но при этом поминальная камера располагалась внизу, погребальная вверху (вид А).

4-й тип — постройки с двускатной гладкой крышей, открытой фасадной стеной, иногда с небольшим порошком. Сложены из колотого камня, частично обработанного, на растворе — известковым или глинистым (Васеркел, Туга). Выделен условно, так как ситуация с погребальной частью в данном случае до конца неясна. Как уже говорилось, подземных сооружений под ними скорее всего нет. Дважды, как указывалось выше, отмечалось наличие костных останков в камерах. Эти случаи связаны, видимо, со вторичным использованием камер, как погребальных с устройством изначально не предусмотренных фасадных стен с лазами, превращавшими открытые камеры в склеп. При этом заклады разрушались быстро. Вероятно, с подобной ситуацией связан навал камней у фасада склепа № 31 в Васеркеле — того самого, где кости обнаружены в камере.

К этому же типу отнесено и сооружение из Цой-Педе. Необходимо еще раз отметить, что его восприятие исследователями как обычного склепа с поминальной камерой не соответствует реальности.

Исходя из очевидной полифункциональности рассматриваемых сооружений, проанализируем сохранившиеся материалы об их погребальной части, тем более, что они в целом еще не были предметом специального разбора.

Для сооружений вида IА присущ преобладающий в эпоху позднего средневековья обряд последовательного погребения умерших в сопровождении инвентаря, как это имело место в обычных склеповых усыпальницах. Судя по остаткам костяков (Эрзи), они укладывались вытянуто на спине, вдоль длинной оси камеры, головами на С (хотя не исключена и южная ориентировка). Отмечается наличие полок (Мяшки — 37, с. 129). Для совершения захоронений использовался или люк в полу верхней камеры, или лаз в цокольной части. Коллективность погребений подтверждена данными из Эрзи — не менее 80 костяков.

В сооружениях вида IБ совершались индивидуальные или парные захоронения. На это указывают параметры погребальных камер, подтверждаемые сведениями об одном погребенном в Цеча-Ахке и сообщением Л. П. Семенова о переносе тела (одного) из

хамхинской постройки. К сожалению, данных об изначальном наличии или отсутствии инвентаря нет. Судя по длине ящиков, погребенные лежали вытянуто, при этом в Хамхи по линии СЗ—ЮВ, в Цеча-Ахке — З—В. В Эги-Чоже камера оказалась вытянутой с С — на Ю.

В погребальных камерах 2-го типа также зафиксированы каменные полки (Терте), причем, по словам информатора А. В. Мачинского, их было несколько рядов. Погребенные в одежде и сопровождении инвентаря укладывались на полки и пол камеры, в связи с чем ориентировка их могла быть различной. Похоже, что в Терте и Коротохе умершие лежали по длине камеры (по линии С—Ю и СЗ—ЮВ). При этом покойных опускали или через люк в полу верхней камеры, или вносили через лаз в основании (коротох). В представлении о количестве погребенных (С. Ц. Умаров — 9, с. 19) необходимо внести коррективы — от 10 (Терте) до 28 (Коротох) костяков.

Данные о погребальном обряде сооружений 3-го и 4-го типов, как уже указывалось, отсутствуют. Для первого отметим коллективный характер погребений. При оговоренной выше условности отнесения к рассматриваемой группе древностей памятников 4-го типа можно считать установленным факт их вторичного использования в качестве склепов с вытекающими из этого характеристиками обрядности. Относительно Цой-Педе нужно указать, что при ориентировке сооружения по оси С—Ю небольшая часть умерших могла быть уложена по линии З-В (как и в камерах других типов, имевших поперечные полки либо такую ширину, что нельзя исключать поперечное расположение погребенных на полу). Не совсем обычным атрибутом наземных склепов является каменный ящик, вытянутый по длине постройки. В остальных деталях погребальный обряд был типичен для склепов. Что касается первой камеры, то остатков захоронений, несмотря на переустройство фасадной стены, обнаружить не удалось.

Таким образом, захоронения в подавляющем большинстве известных памятников были совершены по «языческому» ритуалу, о чем свидетельствуют сохранившиеся элементы обрядности и компоненты сооружений. В отношении памятников Чечни на данное обстоятельство уже указывал С. Ц. Умаров (8, с. 211).

Не совсем ясен вопрос с цеча-ахкинским «мавзолеем», который архитектурно, будучи очень близким памятникам Ингушетии, имел при этом противоположную ориентацию погребальной части (З-В). В рассматриваемом случае при индивидуальности захоронения не обнаружен также сопутствующий инвентарь. Поэтому его вряд ли стоит считать сугубо «языческим», как это полагает С. Ц. Умаров (2, с. 252), одновременно склоняющийся к признанию влияния мусульманской архитектуры мавзолея Борга-Каш на памятники типа цеча-ахкинского и, более того, усматривающий

в этом отражение связей чеченской сословной верхушки со знатью соседних феодальных владений (2, с. 251).

В плане выявления эволюции погребального обряда следует особо остановиться на некоторых объектах, отнесенных исследователями к склепам с поминальными камерами, но не являющимися таковыми — Туга 1 и Туга 2.

Туга 1. Памятник описан Н. Н. Великой (29, с. 139). Это прямоугольное сооружение с двускатно-ступенчатой крышей и открытой с фасада, обращенной на В, камерой. Объект возведен из аккуратно обработанных камней на растворе, имеет размеры: длина 3,40 м, ширина 2,55 м, высота 3,78 м. Цоколь достигает 0,8 м. Внутри камера имеет необычную полуовальную форму (длина 2,60 м, ширина 1,45 м, высота 1,50 м). К западной стенке на каменном полу пристроена прямоугольная кладка длиной 1,03 м, шириной 0,90 м и высотой 0,35 м. Между стеной камеры и кладкой возвышается сланцевая плита высотой 0,50 м.

Туга 2. А. В. Уэльс описал еще один памятник на кладбище селения, Туга, назвав его надгробием типа солнечной могилы. «Надгробие воздвигнуто над обычным мусульманским погребением к югу с надмогильным камнем в головах, представляет собой род солнечной могилы (склепа — авт.), открытой с востока по склону, крыша односкатная, скат на В. Внутри небольшое продолговатое помещение с округлым двускатным сводом, высота его около 1,5 м, ширина до 2 м (с юга на север), длина 2—3 м (с запада на восток)» (30, с. 117). Внешне, будучи сходными с сооружениями типа 1 и 2, они, по существу являются надмогильными постройками, возведенными над раннемусульманскими погребениями, т. е. мавзолеями. С этой точки зрения они образуют особую подгруппу вместе с памятниками типа исследованного нами в Комолхе (34, с. 88). Здесь парное захоронение было совершено в каменном ящике, расположенном под полом прямоугольной каменной постройки с открытой длинной фасадной стеной и каменной скамьей у противоположной стены (рис. 9). В обряде погребения сочетались «языческие» и исламские элементы, причем первые явно преобладали — форма сооружения, парность захоронения, нечеткость ориентировки, поза костяков, из канонического мусульманского обряда присутствовал, по существу, лишь один элемент — полное отсутствие погребального инвентаря (38, с. 274).

Обратимся к хронологии рассматриваемых памятников. Ряд сооружений был прямо или косвенно датирован исследователями при описании или публикации конкретных объектов. Мы уже имели возможность высказать на этот счет свои соображения, не во всем, однако, как показал дальнейший анализ, точные (54).

Нужно отметить, что исследователи памятников Ингушетии в большинстве своем ввиду отсутствия конкретных материалов от датировок уклонились, предпочитая рассматривать их в рамках

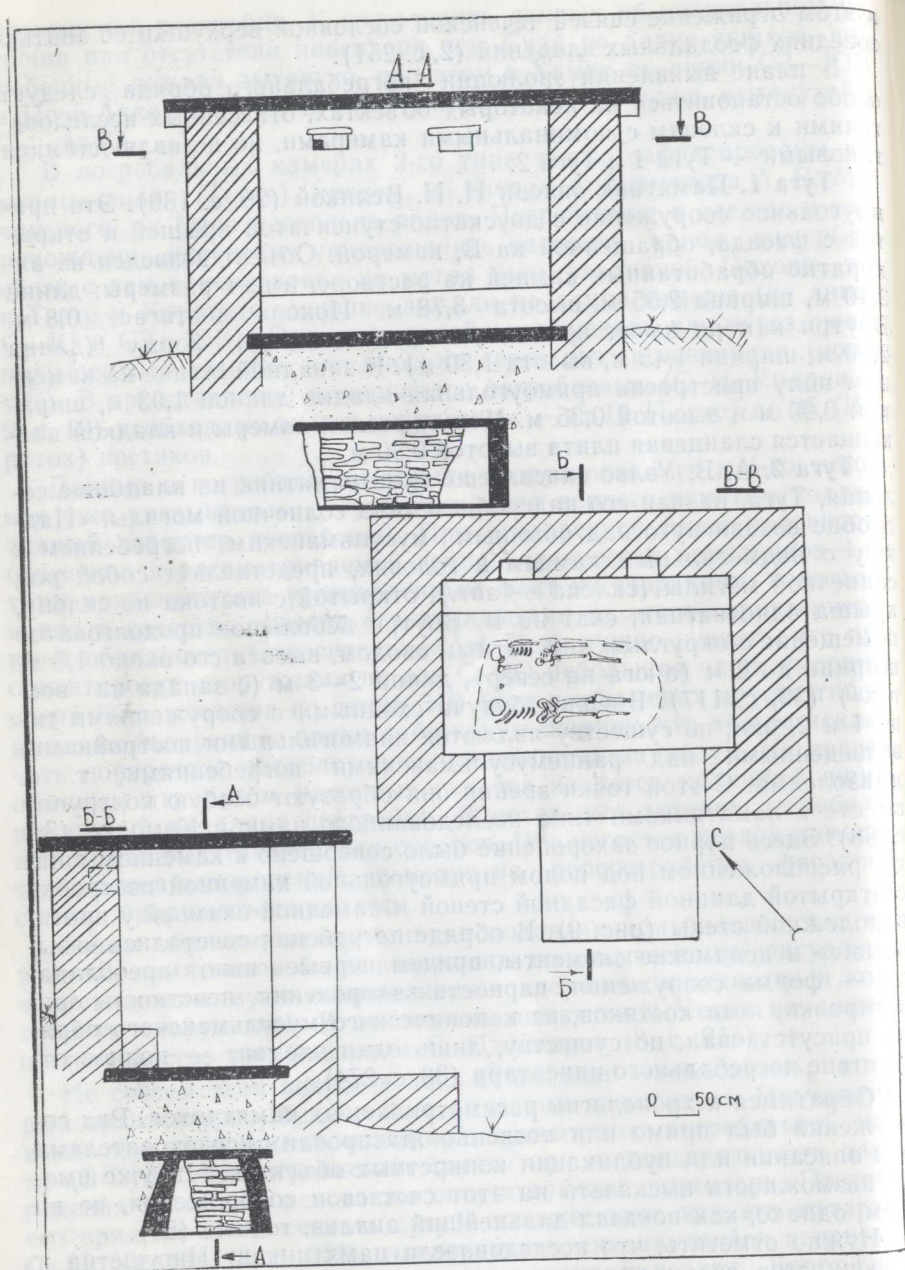

Рис. 9. План и разрезы сооружения у Комолхо.

эпохи позднего средневековья в целом (4; 5; 6; 23). Ряд авторов указывали не абсолютную, а относительную хронологию в границах общего процесса развития погребальных и культовых сооружений. Так, А. Ф. Гольдштейн писал, что эти «гробницы с лоджиями по своему состоянию производят впечатление более старых, чем, например, со ступенчато-пирамидальной крышей» (3, с. 114). В. П. Кобычев относил появление «святилищ с поминальной камерой (кашковых)» к периоду упадка христианства в горах, которое, по его мнению, приходится на время падения Византии в середине XV в. и ослабления политического могущества Грузии в послемонгольский период (11, с. 144—146). Л. Г. Нечаева полагает, что мавзолеи Чечни с открытыми поминальными камерами возникли под влиянием архитектуры мавзолея Борга-Каш (10, с. 90), как это считает и С. Ц. Умаров (2, с. 250). И. М. Саидов отнес эти памятники к эпохе средневековья (12, с. 46). Г. Д. Чиковани ограничился замечанием о том, что в этнографическом быту кашковы не функционировали (13, с. 131).

С. Ц. Умаров на основании раскопочных материалов датировал известные ему памятники Чечни XIV—XVI вв. (8, с. 211). Позднее он предложил относительную хронологию разновидностей данной категории древностей, исходя, очевидно, из указанных абсолютных дат (9, с. 19).

Существенные коррективы в сложившиеся представления вносят новые данные. Раскопки погребальной части эрзийского склепа принесли выразительные находки XVIII — нач. XIX в. (22; 51, с. 130). Эта дата подтверждается этнографическими свидетельствами, согласно которым Янд — основатель фамилии Яндиевых (52, с. 99), с именем которого так или иначе связывают данное сооружение (22, с. 101—102; 13, с. 127), мог обосноваться в Эрзи не ранее конца XVII — нач. XVIII в. и не позже 30-х гг. XVIII в. (50, с. 145, 150).

Памятники на территории Ингушетии и в прилегающем бассейне р. Фортанги близки друг другу внешним обликом, тщательностью сооружения настолько, что производят впечатление хронологически совместимых. С учетом этого обстоятельства считаем возможным определить верхнюю временную грань их возведения временем не позднее первой половины XVIII в. Нижняя грань вряд ли может быть опущена глубже XVI в. — рассматриваемые объекты вполне отвечают представлениям об образцах зодчества, возведенных в эпоху расцвета каменного строительства в западных районах края (52, с. 104).

Сложнее обстоит дело с датировкой памятников Чечни, так как в них отсутствует хронологически определяемый материал. Единичные находки непоказательны: пружинные ножницы из Терте относятся к типу, бытовавшему на протяжении всего позднего

средневековья, прямая же связь пулелейки из Коратоха с мавзолеем маловероятна (54, с. 78).

В принципе основные объекты чеченской группы 2-го типа — Терте, Коратох, Сахано можно считать последовательными во времени, хотя они заметно различаются формой верхней части свода (округло-стрельчатой в Терте, остро-стрельчатой в Коратохе). Первое сооружение представляется более ранним, сближаясь, в частности, с некоторыми склепами Цой-Педе наличием скульптурных украшений в виде голов животных, характером кладки из мелких плит колотого сланца и т. д. При этом роль диагностирующего признака приобретает вытянуто-двускатно-ступенчатый характер крыши, заметно отличающийся от двускатно-уплощенных крыш большинства прямоугольных склеповых сооружений этого района Чечни.

Данный факт, на наш взгляд, приобретает значение для определения относительной хронологии рассматриваемых памятников, причем вряд ли следует безоговорочно относить это явление к результатам влияния архитектуры западных районов Чечено-Ингушетии, где подобное оформление верха было типично для культовых и погребальных сооружений.

В свете сказанного, сооружения 3 и 4-го типов представляются более ранними, однако абсолютная датировка их пока затруднена ввиду неисследованности с этих позиций основных некрополей района — Цой-Педе и Васеркела. Датировка первого — XVI—XVII вв. у В. И. Марковина носит предварительный характер (38, с. 269). Известные материалы из второго суммарно отнесены нами к XIII—XVII вв. (53, с. 1). С хронологией Васеркела, предложенной В. П. Кобычевым, согласиться трудно, так как она не подкреплена аргументами. Кстати, если исходить из представления о определяющей роли архитектуры Борга-Каш в возникновении памятников с поминальными нишами и камерами, как это полагает ряд исследователей, то последние во всех своих разновидностях не могут быть отнесены ко времени ранее 1405—1406 гг. — даты строительства мавзолея (55, с. 203). Однако в правомерности подобного подхода есть сомнения (3, с. 127; 51, с. 130).

Точнее, на наш взгляд, представляется позиция тех специалистов, которые считают, что на волне связей между горцами Северного Кавказа и золотоордынским населением (не всегда враждебных) в горы проникают некоторые архитектурные идеи и формы (57, с. 174). Дополнительным толчком могли послужить походы Тимура на Северный Кавказ, в ходе которых значительные массы населения равнин региона переместились в горы (45, с. 214—217). В этой связи нужно отметить, что остатки инвентаря из склеповой части сооружения в Цой-Педе могут датироваться не ранее XV в., следовательно, пристройка в виде поминальной камеры должна была появиться позднее. Как уже отмечалось, она близка по-

стройкам этого типа из Васеркела, отличаясь от них большими размерами. Полагаем, что строительство таких поминальных камер предшествовало появлению собственно склепов с поминальными камерами 2-го типа. Кстати, в Ингушетии на некрополях первой половины эпохи позднего средневековья как будто существовали отдельные поминальные камеры (32, с. 89).

В целом, верхняя хронологическая грань возведения исследуемых сооружений в Чечне определялась, видимо, двумя обстоятельствами. Тесно связанное с развитием архитектуры в целом строительство этих объектов вряд ли могло выйти за рамки общего процесса развития, который, как полагают, в XVIII в. в Чечне уже затухал (2; 28, с. 262; 52, с. 104). На значительную давность строительства косвенно указывают и материалы этнографов, не получивших в Чечне (в отличие от Ингушетии) каких-либо достоверных сведений о владельцах «кашковых» и др. (13).

Второе обстоятельство определено «языческой» принадлежностью склепов с поминальными камерами, которые в силу этого не могли быть сооружены в эпоху исламизации этих районов горной Чечни. Здесь ситуация не во всем ясна.

М. Б. Мужухоев, опираясь на результаты исследования ранних мусульманских могильников, полагает, что первые мусульманские захоронения на данной территории, а следовательно, и успехи ислама относятся к XVIII в. (41, с. 139). С подобным утверждением в свое время не согласилась Т. С. Магомадова, указывая, в частности, на письменные источники, согласно которым заметное распространение ислама среди жителей Аргунского ущелья («шибутов») относится к середине XVII в. (42). М. Б. Мужухоев объяснил эту ситуацию тем, что границы Шибутской земли охватывали якобы и прилегающий к Аргунскому ущелью район плоскости, куда ислам действительно проникает раньше (41, с. 144—145), но локализация территории проживания шибутов в горной зоне — вопрос решенный (44; 45, с. 348). Н. Г. Волкова подчеркнула, что равнинные районы, примыкающие к Аргунскому ущелью, в состав Шибутской земли не входили (50, с. 171).

На более раннее проникновение ислама в горную Чечню, чем это считается, указывают и арабоязычные дагестанские документы (46). Оценка конфессиональной ситуации в самых южных обществах высокогорной Чечни — Майстинском и Малхистинском, где расположены интересующие нас объекты, — задача сложная, так как прямых указаний источников на религиозную ситуацию в районе между Шибутской землей и Тушетией нет. Исследователи указывают лишь на возможное христианское самосознание горцев в этот период (наряду с языческим 43, с. 81—83). В этой связи интерес представляет упоминание в русском документе 1603 г. крестьянина Хармурзы Абдалина из селения Того (Туга) Майстинского общества, судя по ономастике, мусульманина (48, с. 141).

Можно предполагать, что ислам был знаком населению бассейна Чанты-Аргуна еще с XVII в. Очевидно, в это время начал формироваться и своеобразный погребальный обряд раннемусульманских могильников данного района с присущим ему сочетанием элементов политеизма, христианства и ислама, далекий от канонических требований последнего к похоронному ритуалу (15; 27, с. 138; 38, с. 274—278; 34, с. 89). Это явление имеет определенное значение для датировки памятников 2-го типа, поскольку и Коратохское и Теретеговское сооружения расположены на территории раннемусульманских некрополей с каменными выкладками на поверхности, с чуртами и без них. Точнее сказать, эти некрополи возникли у стен построек, а некоторые из них вплотную примыкают к сооружениям. Как уже отмечалось ранее, аналогичный погребальный обряд присущ лишь внешне сходным с собственно склепами с поминальными камерами дериватам — памятникам типа Туга 1 и 2. Последние могли строиться вплоть до XIX в., поскольку по сообщениям источников первой половины указанного столетия, религиозные воззрения горцев были далеки от конфессиональной чистоты, так как они: «называли христиан неверными, а поклоняются Св. Георгию, не делают намаза, не едят свинины, не имеют мулл и мечетей» (49, с. 172).

Таким образом, верхняя хронологическая грань периода строительства памятников 2-го типа не выходит за пределы XVII в.

В литературе высказаны различные точки зрения и на функциональное назначение рассматриваемых сооружений, причем представления исследователей менялись со временем. Ингушские памятники считаются погребальными — склепами (В. Ф. Миллер, Л. П. Семенов, Е. И. Крупнов, М. Б. Мужухоев) (5, с. 19; 6, с. 92; 4, с. 52). Святилищами называли ингушские памятники В. Н. Басилов и В. П. Кобычев (37, с. 129—130). Сооружения в Чечне относили к святилищам — (Б. Плечке—15), мавзолеям — С. Ц. Умаров, Л. Г. Нечаева (8, с. 210—211; 9, с. 18—19; 10, с. 91). Ряд исследователей рассматривал данный тип в целом, применительно ко всей территории края, при этом В. И. Марковин и А. Ф. Гольдштейн относили их к склепам (3, с. 106, 107; 7, с. 127), В. П. Кобычев же определил эти сооружения как соединения святилища с погребальным объектом, т. е. святилищами с погребальной камерой (11, с. 144). Об этом же писал ранее и М. Б. Мужухоев относительно ингушских памятников (4, с. 108). И. М. Саидов посчитал все объекты этого рода («кашковы») погребальными, одновременно выполнявшими и общественные функции, в качестве места заседания советов старейшин (12).

Наиболее серьезное изучение данного вопроса предпринял недавно Г. Д. Чиковани, который, основываясь на этнографических материалах, пришел к выводу, что кашковы (этот термин, начиная с И. М. Саидова, употребляет применительно к рассматриваемым

сооружениям ряд специалистов), являясь местом погребения первопоселенцев, превращались затем в место сбора их представителей, «как для поминания душ усопших отцов, так и для разбора всяких вопросов, касающихся этой патронимии, фамилии» (13, с. 134).

Представляется, что лишь объекты 1 и 2-го типов могут быть отнесены к собственно склепам с поминальными камерами, так как на функции последних явственно указывают этнографические данные. Сооружения 4-го типа (имеется в виду первая камера комплекса из Цой-Педе) являются поминальными камерами.

На особую роль в общественном быту вайнахов построек с открытой поминальной камерой (И. М. Саидов, Г. Д. Чиковани) указывает их расположение на территории поселков, как правило, отдельно от других погребальных памятников, что, возможно, было связано также с особым социальным статусом погребенных в них людей. С этой точки зрения определение их как мавзолеев, предложенное С. Ц. Умаровым, может иметь место, хотя традиционным конфессиональному восприятию последних, как мусульманских, отвечают только дериваты типа Туга 1, 2 и Комалхо.

Сооружения с открытой поминальной камерой характерны только для горных районов Чечено-Ингушетии. На сопредельных территориях Центрального Кавказа — в Северной Осетии и Балкарнии (5, с. 28; 18, с. 78; 20; 21; 31), а также в Хевсуретии и Тушетии (13, с. 132—133) они не встречаются.

Таковы выводы, вытекающие из анализа наличного материала по данной категории историко-архитектурных памятников края эпохи позднего средневековья.

ЛИТЕРАТУРА

1. Материалы по археологии Кавказа. Вып. 1. М., 1888.
2. Умаров С. Ц. Средневековая материальная культура горной Чечни (XIII—XVII вв.). Дис... канд. ист. наук. Грозный, 1970.
3. Гольдштейн А. Ф. Средневековое зодчество Чечено-Ингушетии и Северной Осетии. М., 1975.
4. Мужухоев М. Б. Средневековая материальная культура горной Ингушетии. Грозный, 1977.
5. Семенов Л. П. Археологические и этнографические изыскания в Ингушетии в 1925—1932 годах. Грозный, 1963.
6. Крупнов Е. И. Средневековая Ингушетия. М., 1971.
7. Марковин В. И. О возникновении склеповых построек на Северном Кавказе//Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978.
8. Умаров С. Ц. Средневековые мавзолеи горной Чечни//Тезисы докладов, посвященных итогам полевых археологических исследований в 1970 году в СССР (археологические секции). Тбилиси, 1971.
9. Умаров С. Ц. Новое о позднесредневековых мавзолеях горной Чечни//Тезисы докладов и сообщений III Крупновских чтений Грозный, 1973.
10. Нечаева Л. Г. О мавзолеях Северного Кавказа//Материальная культура и хозяйство народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана. Л., 1978.
11. Кобычев В. П. Храмов древние стены...//СЭ. 1979, 4.
12. Саидов И. М. Об использовании одного из видов языческих соору-

жений в общественном быту вайнахов//Этнография и вопросы религиозных воззрений чеченцев и ингушей в дореволюционный период. Грозный, 1981.

13. Чиковани Г. Д. Из истории общественного быта вайнахов//Очерки этнографии горной Чечни. КЭС. VI. Тбилиси, 1986.

14. Даутова Р. А. Башенные комплексы урочища «Эги-Чож»//Поселения и жилища народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1984.

15. Bruno Plaetschke. Die Ischetschenen Hamburg 1929.

16. Даутова Р. А. К вопросу о так называемых склепах с поминальными камерами// X Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. М., 1980.

17. Мачинский А. В. Дневник работ Чеченского отряда. Архив ЛО ИА АН СССР фонд ГАИМК, № 35, оп. 1, д. № 165.

18. Мизиев И. М. Средневековые башни и склепы Балкарии и Карачая. Нальчик, 1970.

19. Виноградов В. Б., Марковин В. И. Археологические памятники Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1966.

20. Тменов В. Х. Средневековые историко-архитектурные памятники Северной Осетии. Орджоникидзе, 1984.

21. Чеченов И. М. Древности Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1969.

22. Даутова Р. А. Склеп с поминальной камерой у сел. Эрзи//Традиционная материальная культура Чечено-Ингушетии. Грозный, 1989.

23. Мужухоев М. Б. Новые археологические памятники горной Ингушетии эпохи позднего средневековья//АЭС. IV. Грозный, 1976.

24. Умаров С. Ц. Археологические исследования в высокогорных районах Чечни в 1968 году//АЭС. IV. Грозный, 1976.

25. Умаров С. Ц. Новые археологические памятники эпохи позднего средневековья в горной Чечено-Ингушетии//АЭС. II. Грозный, 1968.

26. Виноградов В. Б., Чахкиев Д. Ю. Историко-архитектурные объекты 102 всесоюзного горно-пешеходного маршрута по Чечено-Ингушетии. Грозный, 1985.

27. Исламов А. А. К вопросу о средневековых погребальных сооружениях в верховьях реки Чанты-Аргуна//Известия ЧИНИИ. Т. III. Вып. I. Грозный, 1963.

28. Марковин В. И. Памятники зодчества в горной Чечне (по материалам исследований 1957—1965 гг.)//Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980.

29. Великая Н. Н., Чахкиев Д. Ю. Средневековые памятники чеченского общества Майсты и археолого-этнографическое наследие Л. П. Семенова//Научное наследие Л. П. Семенова и проблема комплексного изучения литературы и культуры Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1988.

30. Архив ЛО ИА АН СССР, ГАИМК, ф. 2, оп. 1, д. № 216.

31. Тменов В. Х. Древние верования осетин и ингушей и их отражение в памятниках материальной культуры//Вопросы историко-культурных связей на Северном Кавказе. Орджоникидзе, 1985.

32. Мужухоев М. Б. Исследования средневековых культовых памятников Чечено-Ингушетии (по материалам раскопок автора в 1970—1980 гг.)//Памятники эпохи раннего железа и средневековья Чечено-Ингушетии. Грозный, 1981.

33. Кобычев В. П. Поселения и жилища народов Северного Кавказа в XIX—XX вв. М., 1982.

34. Даутова Р. А. Новые материалы по средневековой археологии горной Чечни//Археологические памятники Чечено-Ингушетии. Грозный, 1979.

35. Даутова Р. А. Разведочные работы в горах Чечено-Ингушетии//АО—1975. М., 1976.

36. Даутова Р. А. Отчет о результатах полевых исследований за 1975 год разведочно-рекогносцировочного археологического отряда ЧИ НИИИЯ.Л. Архив ИА АН СССР, р. 1, № 5336.

37. Басилов В. Н., Кобычев В. П. Галгай — страна башен//СЭ, 1971, 1.

38. Марковин В. И. Чеченские средневековые памятники в верховьях р. Чанты-Аргун//ДЧИ. М., 1963.

39. Марковин В. И. Архитектурные памятники чеченского исторического общества Чеберлой//Археологические памятники Чечено-Ингушетии. Грозный, 1979.

40. Умаров С. Ц. Доисламские религиозные верования чеченцев и ингушей//Характер религиозности и проблемы атеистического воспитания. Грозный, 1979.

41. Мужухоев М. Б. Проникновение ислама к чеченцам и ингушам//Археологические памятники Чечено-Ингушетии. Грозный, 1979.

42. Магомадова Т. С. О времени исламизации населения Аргунского ущелья//АВА. Грозный, 1977.

43. Виноградов В. Б., Бараниченко Н. Н. Об одном аспекте грузинско-вайнахских взаимоотношений в XVI—XVII вв.//Мацне. Серия истории, археологии, этнографии и истории искусства. Тбилиси, 1980, 3.

44. Кушева Е. Н., Усманов М. Н. К вопросу об общественном строе вайнахов//СЭ, 1978, 6.

45. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988.

46. Айтберов Т. М., Ахмадов Я. З. Известия арбоязычных документов XV—XVII вв. об общественных отношениях у вайнахов//Общественные отношения у чеченцев и ингушей в дореволюционном прошлом (XIII — нач. XX века). Грозный, 1982.

47. ОАК за 1882—1888 годы. СПб, 1891.

48. Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973.

49. Зиссерман А. 25 лет на Кавказе (1842—1867). СПб., 1879.

50. Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII — нач. XX века. М., 1974.

51. Даутова Р. А. К вопросу о датировке горско-кавказских мавзолеев//Проблемы хронологии археологических памятников Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1985.

52. Чахкиев Д. Ю. Мастера-строители у вайнахов в XVII — начале XIX в.//Археология и вопросы хозяйственно-экономической истории Северного Кавказа. Грозный, 1987.

53. Даутова Р. А. Разведки позднесредневековых памятников в Майсте//Археология Северного Кавказа. VI Крупновские чтения в Краснодаре. М., 1976.

54. Чахкиев Д. Ю. Огнестрельное оружие позднесредневековых вайнахов//Традиционная материальная культура Чечено-Ингушетии. Грозный, 1989.

55. Семенов Л. П. Брагунский мавзолей//Известия СОНИИ. Т. XVII. Орджоникидзе, 1956.

56. Мужухоев М. Б. Исследование средневековых памятников Чечено-Ингушетии, Северной Осетии и Кабардино-Балкарии//АО—1981. М., 1983.

57. Кузнецов В. А. Актуальные вопросы истории средневекового зодчества Северного Кавказа//Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980.

58. Мужухоев М. Б. Средневековые культовые памятники Центрального Кавказа. Грозный, 1989.

59. ОАК за 1882—1888 гг. СПб, 1891.

60. Иваненков Н. С. Горные чеченцы//Г. С. Вып. 7 — Владикавказ, 1910.

МАГИЯ В СИСТЕМЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ВЕРОВАНИЙ ВАЙНАХОВ

(по этнографическим материалам)

Одной из интереснейших и актуальных проблем этнографии являются древнейшие религиозные верования, которые составляют довольно четкую систему и охватывают длительный период времени.

Вопрос о соотношении системы верований и общественного сознания как «совокупности» взглядов, представлений и теорий в данном обществе» еще недостаточно изучен как в советской, так и зарубежной этнографической науке. Однако сами верования, система верований и составляющие ее единицы и их взаимосвязь широко изучаются не только этнографами /а они обязаны изучать верования, как частную систему внутри системы культуры/, но и представителями многих смежных дисциплин /фольклористики, археологии, атеизма, философии и др./. Необходимо заметить, что многие и много занимались верованиями, но представители каждой отрасли науки вели исследования только под своим углом зрения, упуская из виду или даже не принимая во внимание достижения в области других отраслей науки (1).

Попытку исследовать проблему религиозных верований в их системной связи предприняли советские этнографы /С. А. Токарев [2], Л. Я. Штернберг [3], З. П. Соколова [4] и др./ Наиболее значительное место среди этнографических работ занимают глубокие по своему содержанию и актуальные в научном отношении работы С. А. Токарева. В них дается не просто описание верований, а показывается системная взаимосвязь анимизма, тотемизма и магии. Большое значение имеет проблемная статья С. А. Токарева «Сущность и происхождение магии», в которой автор на основе материалов о магических обрядах и действиях у различных народов уточняет отдельные вопросы классификации магии и понятийного аппарата. Предложенные им определения видов магии получили признание в этнографической науке.

Древнейшие религиозные верования исследовались и на примере народов Кавказа, в том числе и Северного. Так, большой интерес представляет обобщающая работа Л. А. Чибирова [5], показавшего древнейшие пласты религиозных верований осетин. Специальных работ по другим народам Северного Кавказа пока нет. Весьма слабо исследованы эти вопросы и на примере вайнаховского материала. В той или иной мере они затрагиваются в работах А. А. Шамилева [6], А. А. Исламова [7], С. А. Хасиева [8], М. Б. Мужухоева [9], В. Б. Виноградова [10], Н. Н. Бараниченко [11] и др.

В этнографической литературе существует много определений

верований. Наиболее удачным представляется определение американского специалиста Рокича /1969 г./, принятое советскими учеными: «Верования — это не что иное, как наше повседневное знание об окружающей действительности, об обществе и о нас самих» [12, с. 180].

Древнейшие верования, как мы уже отметили выше, складываются в определенную систему со своей внутренней связью составляющих ее частей: анимизма /вера в одухотворенность окружающей природы/, тотемизма /вера в родственную связь между членами человеческого коллектива и тем или иным видом животных и растений, неодушевленных предметов/ и магии/, совокупность обрядов и верований, связанных с верой в возможность повлиять на воображаемые таинственные силы и с их помощью — на окружающую действительность/ [13; 14; 2; 15; 16; 17; 18; 4; 5].

Наиболее существенное место в системе религиозных верований занимали магические обряды и действия, которые охватывали различные стороны человеческой деятельности как в социальной, так и хозяйственной сфере. Они многочисленны, многообразны, весьма живучи и являются составной частью всех современных религий: их пережитки сохраняются как в христианстве, так и в исламе. До настоящего времени можно встретить людей, в том числе и среди вайнахов, сознательно или чаще бессознательно исполняющих магические обряды. Поэтому магия интересна не только с позиции познания одной из сторон духовной культуры чеченцев и ингушей, но и практического смысла. Глубокое и доскональное знание магии поможет правильно оценить особенности современного религиозного сознания.

Этнографические сведения, известные из письменных источников XVIII—XIX вв. и собранные автором в результате многолетних полевых изысканий /1978—1986 гг./, позволяют выделить следующие виды магии: земледельческая, скотоводческая, метеорологическая, охотничья, любовная, лечебная, вредоносная, магия дней, имен, чисел и цвета и др.

Магия, связанная с хозяйственной деятельностью /земледелием, скотоводством, охотой/, известна по С. А. Токареву, как промысловая. Она оказалась наименее устойчивым видом магии. Более консервативны магические действия, связанные с семейно-бытовой сферой. В ряде работ автора в той или иной мере отражены многочисленные магические обряды и поверья вайнахов, сопровождавшие узловые моменты сельскохозяйственного производства и народные празднества, — это магия плодородия, магия первого дня, вера в счастливые и несчастные дни, метеорологическая магия и др. Поэтому в настоящей статье автор счел возможным не останавливаться на них.

Охотничья магия. Целый комплекс магических действий сопро-

вождал охоту. Письменные этнографические сведения [19, с. 17—20] и полевые материалы свидетельствуют, что многие магические средства и поверья вайнахов ничем не отличаются от тех, которые были известны другим народам Кавказа и мира. Так, например, повсеместно считалось, что оружие — мужской атрибут — чистить, хранить его имели право только мужчины. Женщинам не позволялось даже прикасаться к нему. Настоящий запрет /табу/ бытовал вплоть до недавнего времени: автору не раз пришлось наблюдать соблюдение запрета у себя дома, у родственников, информаторов.

К охоте вайнахи готовились заранее, причем говорить об охоте разрешалось только с теми, кто примет в ней участие. За некоторое время до охоты мужчины старались не общаться с женщинами, не подходили к жене, избегали встречи с беременной женщиной, особенно роженицей. Особый запрет накладывался на женщин в период регулы: во избежание встречи с мужчинами, отправляющимися на охоту, женщины в этот период не выходили из дома, чтобы их не обвинили в неудачной охоте. Перечисленные запреты информаторы объясняли тем, что охотник, не соблюдающий их, может ослабнуть и не выдержать охоту. Более того, у зверей особый нюх, они могут учуять охотника. Как и во всех других видах работы, опасались встречи с неблагоприятным человеком /«беркат доцу стаг»/ или пользующимся репутацией «дурного» глаза /«б1аьрг хуьлу стаг»/.

Ни одна охота не обходилась без предварительных просьб и заклинаний, обращенных к патрону охоты, и сопровождавших умиловительными жертвами. В пантеоне вайнахских богов функции бога охоты принадлежали Елте [20, с. 118; 21, с. 6—7]. Однако, по нашим полевым материалам, представления о нем к концу XIX в. были уже полностью утрачены и перед охотой чеченцы обращались к верховному дею, а ингуши молились в святилище божества Молдз-Ерды, известного как бога войны.

Нам удалось зафиксировать текст молитвы-заговора, в котором содержалась просьба богатой добычи с подробным описанием ее внешнего вида и обещание принести жертву Молдз-Ерды в случае удачной охоты:

«Кур боккха бола хьаг1 балахь сон,
Дег1а дозал т1аьхь буьссарг, бижача к1аг буьссург,
Хьаг1 балахь сона!
Ц1ога лурду аз хьона, кур буьлларг бу аз хьона!»
Рога большие имеющего зверя
Принеси мне
Тяжелого, яму оставляющего /на лежке/ зверя
Принеси мне

Информатор Евкуров Ахмед свидетельствовал, что его фамилия славилась у ингушей как охотничья и сам он не раз произносил вышеприведенную молитву, слышанную им еще от деда. В

случае неудачной охоты он вызывал Молдз-Ерды на помощь, восхваляя его достоинства и всемогущество:

«Б1ена хьалха дулуш ду ма йохи хьо,
Орцан т1аьхь дулуш ма йохи хьо,
Орцах дала суна!» [22].

В юности Ахмед регулярно ходил в святилище патрона охоты, где в то время действовал даже жрец /мозг1ар/ из с. Шоны — Элмарзхьяжа, который умер, по его словам на 154 году жизни. В святилище было огромное количество турьих рогов и хвостов, принесенных в жертву каждым удачливым охотником. Интересно, что функции данного божества стали ослабевать с укреплением в ингушской среде ислама. А вот как объяснял это Ахмед: «Бог Молдз-Ерды всегда приходил к нам на помощь. Однако кто-то из сельчан удумал обратиться к нему, когда волк унес его поросенка. Бог разгневался и перестал откликаться на помощь».

Повсеместно было распространено представление, что звери понимают человеческий язык: к ним относились с особой предусмотрительностью и осторожностью, с дичью обращались бережно, кости животного не разбрасывали, а закапывали в одном месте. Если в лесу встречался зверь, к нему обращались с просьбой — заклинанием не убивать его, обещая взамен не причинять зверю зла. Так, Льянова Мадина из с. Ольгети рассказывала, что одной старушке в лесу встретилась медведица и она попросила зверя:

«Хьо а ча, со а ча, хьоа сесаг, со а сесаг, хьа а т1араш, са а т1араш!» /Ты медведица и я медведица, ты женщина и я женщина, у тебя соски и у меня соски/. После этих слов медведица ушла восвояси, не тронув старушку.

А вот что сказал охотник, наткнувшись на медведя:

«Кхойтта мотт биллал, кхо верта диллал,
Берд боцчу токхамчу г1ойла со, хьуна х1ам дер дале!
Ахьар-думей дагт1е латийла сона, хьуна х1ам дер дале!
Хаьддад жена т1екхачийла со, хьуна х1ам дер дале!
Даьтта кхабилг т1еяг1ийла сона, хьуна х1ам дер дале!» [23]
«Тринадцать постелей /чтобы можно было/ расстелить,
Три бурки /чтобы можно было/ расстелить,
В безбрежную пропасть пусть я попаду, если что-нибудь тебе сделаю!

Кукурузная мука и курдюк пусть прилипнут к сердцу моему,
Если что-нибудь тебе сделаю!

К заблудшей отаре пусть я пристану, если что-нибудь тебе сделаю!

Мать оспы пусть посетит меня, если что-нибудь тебе сделаю!»

Как видно, большое значение в охоте имели всевозможные заговоры и магия слова /молитвы, заговоры, заклинания/.

Любовная магия. Весьма широкое распространение у чеченцев и ингушей имела любовная магия — один из древнейших и очень

популярных у большинства /если не сказать у всех/ народов мира видов магии. Магические действия, направленные на объект колдовства /мужчину или женщину/, были привораживающими /марзвеш/ и отвораживающими /кяхъвеш/.

Одним из магических средств, способных приворожить, были амулеты /трех- и четырехугольной формы/ — жайниш, которые с распространением ислама заменили собой всевозможные ожерелья, бусы, веточки и др. Изготавливались амулеты муллами. Однако надо отметить, что специально обученные, хорошо знающие арабскую графику представители духовенства не занимались этим, ибо считали греховным делом. Амулеты изготавливали «специалисты» именно в этой области. Часто они были мало знакомы с арабской графикой, и на бумажках, зашиваемых в кусочки разноцветной кожи или ткани, делали всевозможные каракули. Но вера в амулеты была настолько сильна, что достаточно было получить такой амулет, и сразу проявлялась его чудодейственная сила. Иногда изготовлением таких амулетов занимались и грамотные духовники — в с. Дарго — Умарпаша, Чириюрте — Шамсудди и др.

В с. Дарго Веденского района в 1979 г. автору довелось слышать многочисленные рассказы, сводящиеся к следующему: «Однажды один женатый мужчина захотел приворожить девушку, с целью жениться на ней, и обратился к мулле. Тот, зная, что мужчина женат, решил подшутить над ним и изготовил амулет. Однако вписал имя теленка вместо имени девушки. После этого заполучивший амулет мужчина долго не мог отделаться от теленка, ходившего за ним по пятам. Сельчане таким образом узнали об истинных намерениях того мужчины и часто подтрунивали над ним».

О самом мулле рассказывали, что ему ничего не стоит жениться на любой, приглянувшейся ему девушке, при этом магической силой обладали не только его амулеты, но и глаза, действующие привораживающе. Одна из информаторов говорила, что на себе испытала действие амулетов мุลлы. Так, он без ее ведома заготовил «жайниш», в результате действия которых она внезапно заболела: все тело покрылось болячками, ее стала глотать тоска, появилась ненависть к детям, разлад в семье. Мать и брат, узнав о ее болезни, обратились к одному «знающему» человеку /«хлума хууш стаг»/, который и вылечил ее, изготовив «дарбана жайниш» /излечивающие, целебные амулеты/.

Салтамикова Батай из того же села свидетельствовала, что мулла, взявшись лечить незамужнюю молодую женщину, изготовил «марзво жайниш» /привораживающие амулеты/, и она влюбилась в него. Лишь с большим трудом удалось родственникам заставить муллу предотвратить действие заговора и амулетов.

Другим привораживающим средством считалось специально

изготовленное наговоренное зелье /молханиш/. Искусством приготовления такое зелье славилась хорошо известные женщинам знахарки. Такие «специалистки» были большой редкостью — одна на несколько селений. Поэтому чаще всего такое зелье изготавливали сами женщины, не найдя знахарки. К сожалению, нам так и не удалось выяснить состав зелья, в изготовлении которого особыми знатоками считались представительницы шатоевского общества. Вера в магическое свойство «молханиш» была очень сильна, что явилось причиной ее большой живучести — эта вера не изжитая и сегодня. Так, во время полевых исследований или просто бесед с женщинами, часто можно слышать о том, что та или иная женщина /редко мужчина/ или чаще ее родственницы опоили мужа /зятя/, в результате чего тот заболел и вне пределов своей семьи, выглядит каким-то ненормальным, ибо опьянен любовью. В обществе любящая женщина, особенно та, которая не умеет скрывать своих чувств, пользуется репутацией, опоившей своего мужа зельем. Таким же зельем с заговором другого текста пользовались и в случае, если муж терял привязанность к жене, стремился к разводу или утрачивал физическую способность.

Еще более верным /доступным каждой женщине/ средством привораживания считалась кровь, отошедшая во время регулы. В случае утери привязанности мужа или бесплодия, женщины ежемесячно добавляли в пищу мужа немного крови. Неоднократно нам пришлось слышать от информаторов, и не только старшего, но среднего и молодого поколения, что та или иная женщина сохраняет семью исключительно благодаря применению указанного средства. Здесь, вероятно, действует один из принципов магии — непосредственного приобщения объекта колдовства к своему организму.

Магическим свойством привораживания обладали также чабуц /медвежья травка/ и берза цлога /хвост волчицы/. В случае, если какая-нибудь девушка /юноша/ пользовалась успехом, говорили, что она /он/ является обладательницей одного из этих предметов. Считалось, что добыть и то и другое средство совсем не просто. Так, чтобы заполучить «чабуц», надо сделать следующее: поймать ежа и посадить его под замок. На помощь ему поспешит, конечно, его партнер, который принесет травку, способную открыть замок, и освободит ежа. Подсторожив второго ежа, и можно заполучить травку, однако, отобрать ее можно только силой. Самому найти травку также невозможно, где она растет, знает только еж.

Информаторы рассказывают: «Молодой человек — пастух, пошел на свадьбу, подпоясав рубаху снопом из трав. Все девушки стали обращать на него внимание и оспаривать право станцевать с ним. Увидев свой невероятный успех, юноша решил приодеться, чтобы еще больше ошеломить присутствующих. Однако, вернувшись на свадьбу нарядным, он неожиданно остался совсем без

внимания. И тогда он понял, что секрет его успеха был не в нем самом, а в травяном поясе, в который случайно и затесалась травка чабуц».

В Старых Атагах жил человек, имевший эту травку — Висхья-жа. Он пользовался большой популярностью у женщин, достаточно сказать, что у него было двадцать жен; некоторые из них продолжали любить его и после его смерти [24].

Трудно занять и хвост волчицы, которую нужно не только сразить, но и успеть отрезать хвост, пока она жива, в противном случае хвост не будет обладать магической силой. Не только хвост, но и пучок волос с хвоста волчицы мог применяться, как привораживающее средство. В каждом селе можно слышать о счастливом обладателе этого предмета. Так, в с. Побединском был известен Хамид, который носил с собой хвост волчицы и имел несколько жен [25].

Описанные выше или аналогичные им средства любовной магии были широко известны и другим народам [14; 16, 5; с. 58—61].

Немного хочется остановиться и на гаданиях, не нашедших отражения в литературе, но широко бытовавших в прошлом среди вайнахов. Чаще всего к гаданию о суженом, возлюбленном обращались девушки. Всевозможные предметы, положенные под подушку перед сном, должны были магическим образом воздействовать на девушку и показать ей суженого. Для этого использовались свои личные вещи /особенно предметы белья/, колючки ежа, четырехлепестковый клевер, трехгранный орех, двойная кость курицы и др.

Часто использовали замки, так: замыкали ведра с водой; считали стропила дома до девяти и др.

А вот как гадали кистинские девушки в ночь на христианский пост. Гадание называлось пюлина /этимология неясна/. Девушка ложилась спать со словами: «со ойлалуш са пханар язвинарг суна гайталах» /покажи мне суженого/. В случае, если она никого не видела в ту ночь, она брала обет держать на следующий день пост: «сай ирс сайна генах гайта, лоцу аса хIара марха» /чтобы увидеть своего суженого, держу я этот пост, пост замужества — мере марха/. На вторую ночь девушка съедала только очень соленую лепешку, изготовленную большим и двумя последними пальцами левой руки из девяти щепоток соли и муки. Под подушки клала мужские штаны, веточки от нового веника. Подавший в ту ночь ей воду во сне и должен был быть суженым. Большое значение придавали тому, как испечется ольг: хорошо поднимется, подрумняится — к богатству, высохнет — к бедности, а подгорит — есть опасность, что муж рано умрет [27].

Специальное гадание «бутт хьегар» /букв. завидование луне?/ было приурочено к новолунию. Девушка, пятясь, выходит из дома и говорит: «Керлачу//цIенчу баттаца бутт а хьоьгу, сай баттаца сер-

ло эца ялла со» /К новому месяцу и луна стремится, хочу поделиться светом со своим месяцем/. Затем делает три круга и, нагнувшись, берет в том месте веточку или щепку из-под ноги. Молча прячет взятый предмет за пазуху или в волосы, идет в дом и ложится спать со словами: «Со дуьненчу йолуш, сан пханартIе яздинарг, тховса суна доьхьал даккха!» /То, что было предписано мне на лопатке, когда я появилась на свет, покажи мне во сне/. Суженый или его родственники должны были явиться девушке во сне. Плохим знаком считалось никого не увидеть во сне — это сулило близкую смерть [28].

В основном гадания не имели реальной связи с жизнью, а были призваны магическим путем содействовать счастливому выбору.

Магические обряды, сопровождавшие роды, роженицу, новорожденного и др. В прошлом, в отсутствие квалифицированной медицинской помощи, роды бывали нередко весьма трудными, затяжными. В народе прибегали к многочисленным магическим приемам и обрядам, призванным обеспечить нормальное протекание беременности, облегчить роды и нормальное развитие ребенка в первые опасные для жизни месяцы.

Прежде всего, беременную женщину всячески пытались оградить от нечистой силы, «дурного» глаза, с помощью железных, острых предметов, угольков, кусочков хлеба, кукурузных зерен и др. Во избежание осложнения родов, рождения уродливого или бледного, бесцветного ребенка, ей запрещалось плакать, ходить на похороны, смотреть на мертвеца, на уродливого или даже просто некрасивого человека, зайца и др. Наиболее хорошим знаком считалось смотреть на мужа — ребенок будет похож на отца, а вот, чтобы ребенок не был похож на мать, не рекомендовалось смотреть на себя в зеркало. Запрещалось также крутить машинку, прясть, вязать, из опасения, что пуповина обмотается вокруг шеи. Плохим знаком считалось, если к сидящей женщине подходила другая, более слабая по виду и здоровью, беременная. Во избежание того, чтобы болезни идущей не перешли на нее, сидящая быстро вставала и шла ей навстречу.

Разнообразные магические приемы сопровождали предродовой период и сами роды. Во время предродовых мук к ней не подпускали женщину с «дурным» глазом, затянувшейся беременностью или подозреваемую в связи с духами. Роженице расплетали косы, расстегивали все пуговицы, снимали украшения, распускали или рвали подол, развязывали узлы и не только на ее одежде, но и во всем доме, снимали со всех кастрюль крышки, открывали замки и все, что закрыто, разбивали посуду, кидали в камин яйца и разбивали, выносили из дома всю мужнюю одежду, досыта кормили детей роженицы и др. Свекровь и муж уходили из дома. Наиболее сложные магические приемы применяли при трудных,

затянувшихся родах. Так, приглашали домой мужа и заставляли три раза переступить через жену, а затем устроить скачки на нехолощенной лошади и дать попить жене пену изо рта лошади. Опаивали роженицу и из мужниной обуви, а также водой, оставшейся от стирки штанов женщины, родившей близнецов. Через роженицу приглашали переступить и супругов, имеющих двойню. Соседнюю целомудренную девушку заставляли прыгать с крыши. Применяли и такое средство: взяв штаны роженицы, заворачивали в них яйцо и, обеда им над головой роженицы, поднимались на крышу и сбрасывали завернутое яйцо со словами: «Чехкавей яла, ахьа ца вахь, аса вийра ву хьуна!» /Быстро роди сына, а то если ты не родишь, я рожу сама!/.

Часто прибегали и к огнестрельному оружию. Так, целомудренный юноша, схватив ружье, специально подвешенное над роженицей, внезапно стрелял над ее головой. Это способствовало не только ускорению родов, но и было призвано отогнать нечистую силу, способную загубить роженицу и новорожденного.

Некоторые магические средства были призваны обеспечить многочисленное потомство. Во избежание дальнейшего бесплодия роженицы очень осторожно обращались с последом, считавшимся двойником ребенка. Послед не бросали как попало и где попало, не клали вниз пуповиной, а закапывали в чистом месте — под порогом, в углу дома. При этой процедуре должен был присутствовать кто-нибудь из заинтересованных лиц /свекровь, золовка, родственница/, чтобы в случае дальнейшего бесплодия они не смогли обвинить повитуху в злонамеренных действиях. Послед клали пуповиной кверху, сделав три круга справа налево /по направлению движения мельницы/ и закапывали.

Были и другие приемы, призванные обеспечить большое потомство. Так, женщину без ее ведома кормили жареными или отваренными семенниками быка или барана, специально засушенной пуповиной кошки-первородки, осенним плодом /«гурахъ латийна стом»/. Бесплодную женщину /а таковой она считалась уже через год после замужества/ заставляли перешагнуть через мертвеца, трижды пересечь дорогу похоронной процессии, просить детей у богини Тушоли, прикоснуться, к изображению фаллоса, роженице и др.

При длительном периоде регулы или кровотечении опаивали водой, оставшейся от стирки штанов женщины, недавно родившей двойню. Кроме того, женщина сама должна была зашить подол своего платья красной нитью и там, где нитка соединяется, повесить новый замок со словами: «аса сай деглана догла туху» /я замыкаю свое тело/.

Большое значение придавали первым месяцам жизни ребенка и его нормальному развитию. Стремясь отвлечь злые силы и «спрятать» ребенка от них, женщины обменивали детей для кормления.

У изголовья держали кувшин с водой, острые железные предметы, прикалывали к подолу детской рубахи или платья булавку и др. Впервые в люльку ребенка должен был положить кто-нибудь из членов семьи. Лучше всего, если это был здоровый мальчик хорошо спящий и быстро развивающийся. Не разрешалось перевязывать пустую люльку качать или оставлять открытой, чтобы избежать по аналогии действительной пустоты люльки. Интересно, что люльку старались не обновлять, а передавали из дома в дом. Особой популярностью пользовалась люлька, в которой выросло много здоровых детей.

Никогда женщина с ребенком не позволяла подойти к себе другой с больным или плохо развитым ребенком: она шла навстречу идущей. Напротив, женщина, имеющая слабого ребенка, старалась заставить сидящую со здоровым ребенком женщину и подойти к ней. Запрет объяснялся тем, что болезнь и слабость одного ребенка может перейти к другому по принципу имитативной и контагиозной магии.

Слабого, болезненного ребенка клали во внутренности свежезарезанной скотины: при благоприятном прогнозе, находящийся в теплой жиже ребенок должен был крепко заснуть.

Если у женщины все время умирали новорожденные дети, то с очередным умершим в могилу клали закрытый замок; протаскивали живого ребенка через дыру, прорытую под порогом; очередному ребенку давали имя умершего; «обманывали» нечистую силу, назвав ребенка и тут же переименовав. Первое имя входило в силу только, когда ребенок повзрослеет [29].

Многие из описанных магических действий, применяемых вайнахами, широко освещены в этнографической литературе, ибо они были идентичны у различных народов мира, также как представления о «нечистоте» женщины во время регулы или послеродовой период. В указанные периоды к женщине старались не подходить, не прикасаться, не позволять ей готовить пищу.

Весьма интересно обратить внимание и на такой факт: у ингушей в прошлом /еще во II половине XIX в./, как и у многих других народов Кавказа, был специальный общий дом для родов [30]. В нем женщина и оставалась до конца своего «нечистого» периода /40 дней, женская «чилла»/.

О существовании подобного дома у чеченцев сведений пока нет. Здесь женщина рожала дома, а мужчины уходили из дома. В период же своей «нечистоты» она просто старалась не попадаться на глаза мужчинам.

Таким образом, в описанных магических действиях, не лишены отчасти определенного рационального смысла, действовали в основном принципы имитативной /подобное вызывает подобное/, симпатической /определенная симпатия к отдаляемому предмету/ и контагиозной /соприкосновение/ видов магии.

Лечебная магия. Одной из распространенных видов магии была лечебная. Причиной многих болезней считались сверхъестественные существа, духи — джины, с распространением ислама — шайтаны. Джины — бестелесные духи. Когда-то /и не так давно, утверждают наши информаторы/ они были телесными и видимыми существами. Обитали они в местах расселения людей /вайнам юккхехь/, кроме того они заполняли горы, леса, реки, овраги и др. Их особая активность начиналась в ночное время. По мнению народа, со временем духи посчитали более безопасным для себя поселиться в людях, т. е. в настоящее время их столько же, сколько и людей. С духами происходят те же события, что и с людьми, в которых они живут: они рождаются, живут, женятся, стареют и умирают. В прошлом, как утверждают информаторы, люди совершенно четко видели огни, разжигаемые духами, их фургоны, изготовление пищи, ссоры, драки и даже войны. Однако когда люди подходили поближе, чтобы разглядеть их, духи исчезали.

Духи совсем небезопасны для людей, а поскольку они везде, то и нужно остерегаться встречи с ними, ибо на них можно нечаянно наткнуться, наступить, испугать или ранить, т. е. наткнуться на место их трапезы /жини пхьобгуна/, коснуться их семени /жини хлх хьакхавала/, попасть в «грязное», т. е. населенное духами место /боьхачу кхета/, подвергнуться порче с их стороны /жиниш эьго/и др. В связи с этим вайнахи твердо соблюдали многочисленные запреты — нельзя гулять после захода солнца, при выходе стараться оградить себя, детей, молодую сноху. А для этого нужно было брать с собой острые железные предметы, уголек, кусочек хлеба, зерна кукурузы и пшеницы и поплевывать. После захода солнца запрещалось брать воду из источника /вода — это место сборища духов, да и пользуются водой они только ночью/; выливать грязную воду где попало, тем более швырять ее; ходить в лес, в горы и др.

Наиболее опасным для людей считалось наткнуться на духов во время их войн, разнузданного веселья или свадьбы. По народным представлениям, духи, как и люди, делились на христиан и мусульман и, естественно, между ними бывали войны. Попавший к ним в разгар сражения мог лишиться рассудка или даже умереть. Интересно, что вайнахи считают духов-мусульман своими друзьями, которые помогают им, выручают их, ничего плохого не делают. Вред наносят только духи-христиане.

Полевые материалы свидетельствуют, что люди часто являлись участниками веселья или чаще свадьбы духов. В случае, если кто-нибудь попадал в водоворот их веселья, то он уже не мог оторваться от духов, которые уводили его далеко от дома и там бросали в расщелину, овраг, пропасть, так, что он почти и не мог уже добраться домой. Попавший к ним мог спастись в том случае, если при нем оказывалось огнестрельное оружие: при первом же вы-

стреле видение исчезало и «гулявший» с духами обнаруживал себя где-нибудь в грязном месте, чаще всего на навозе. Информаторы, например, рассказывали, что один человек по имени Тамади думал, что он едет на машине «Волга», очнувшись от звука выстрела он увидел, что стоит на краю оврага и пытается столкнуть трактор. Вообще, человек, принимавший участие в их веселье, редко остается здоровым. Очнувшись от своего наваждения он, как правило, бывает либо разбит параличом, либо буйствует или впадает в депрессию. Считалось, что он может выздороветь при счастливом стечении обстоятельств и без последствий. Так, нашедший пораженного духами может избавить его от паралича лица /батт аглор яккхар/, ударив по лицу с противоположной стороны. Однако такое простое и легкое выздоровление было большой редкостью. Болезнь, вызванная соприкосновением с духами, требовала более настойчивого и длительного лечения, в том числе и магического характера. Излечением болезни мог заниматься только «специалист» в этой области — знахарь /знахарка/, пользующийся репутацией особого почтения к нему духов. В народе такого «специалиста» называли «жинишца тайна стаг» /человек, который дружит с джинами/. Не всякий человек мог стать таким «избранником» духов — шаманом [31]. Духи долго выбирали того, кто станет их «сообщником» и будет принят в их среду. Более того, не всякий «избранный» духами сразу подчинялся им. Его сопротивление сопровождалось длительным периодом /иногда год — два/ болезни, порчи, наконец, насилия со стороны духов. Одним из видов «избранничества» в народе считалось сожительство. Так, духи уводили с собой мужчину или женщину и предлагали стать им мужем или женой. Взамен духи обещали обучить искусству излечения людей дать своих духов в помощники и другие блага. Того, кого они увели, потом долго не видели в селе, а вернувшись, он начинал сторониться людей, вести отшельнический образ жизни, жить по одному ему известным законам — он становился шаманом. Теперь уже и люди начинали его бояться, опасались дружить или ссориться с ним, обходили его дом. К нему обращались только в том случае, если убеждались: других способов помочь больному нет. Способность излечивать людей — это был особый дар духов шаману, а излечивали они только те болезни, которые были насланы теми же духами.

Духи населяли не только землю, но и небо и подземный мир. Высшими избранниками духов неба были жрецы, посредничающие между верховными богами и людьми. Среди вайнахов бытовала и другая разновидность избранников духов — посредники между людьми и подземными духами. Такие шаманы, как правило, «знали», что происходит на том свете, как живут усопшие, каковы их нужды, могут ли они помочь живым и др.

«Избранничество» этого рода шаманов происходило следую-

щим образом: родственники выясняли, что какой-то из родственников, казавшийся умершим, вовсе не умер, а спит. Через некоторое время спящий просыпался и начинал рассказывать, что побывал на том свете и «видел» таких-то и таких-то покойников и что они просили у своих родственников то-то и то-то. Такие рассказы продолжались долго. Постепенно о шамане узнавали люди и начинали спрашивать о своих покойниках. Чаще всего этого рода шаманами были женщины. Так, в с. Новые Атаги жила шаманка Зайнап, которая недавно умерла. Шаманкой она стала еще в 40-х /о ней автору рассказывал еще отец, работавший в то время в Атагах/. Тогда она впервые заснула и проспала две недели. Молодая, засватанная девушка после своего «пребывания» на том свете выглядела очень больной и усталой и замуж выходить она не стала. С тех пор она время от времени засыпала, подолгу спала и, проснувшись, принимала людей, которым рассказывала о том, что «видела» на том свете. Утверждают, что она могла и искусственно вызвать сон.

В 70-е г. в с. Ца-Ведено появилась шаманка по имени Асет, но она почему-то очень быстро перестала шаманить. Информаторы свидетельствуют, что в настоящее время в с. Катыр-Юрт появилась молодая девушка лет семнадцати, которая стала шаманить после тяжелой и продолжительной болезни. Она также спит периодически по 3—5 дней*.

Но наибольшей популярностью среди вайнахов пользовались шаманы, «избранные» земными духами. Их духи систематически общались с ними, помогали им и даже перемещались вместе с ними. Например, информаторы утверждали, что духи Шамсуддина из Чириюрта переселялись вместе с ним во время высылки в Казахстан и возвратились оттуда на Кавказ, когда республику восстановили.

Вайнахский шаман, конечно, не являлся шаманом в классическом смысле слова, ибо под влиянием ислама он утратил отдельные черты. Например, вместо шаманского бубна он использовал четки, не было у него и специальной экипировки. Однако он обладал главной способностью, присущей шаману — умением общаться с духами и с их помощью исцелять людей. За лечение шаман брался только в том случае, если был уверен, что причиной болезни являются духи, подчиняющиеся ему, а, взявшись за лечение, пользовался одному ему известными средствами. Очень часто шаман излечивал людей. Это и понятно, ведь наряду с магическими способами лечения, в его арсенале был ряд рациональных методов: внушение, гипноз, лекарственные травы и др.

Начиная лечение, шаман прежде всего уединялся с больным

*К сожалению, рамки настоящей статьи не позволяют нам подробно остановиться на вопросах, связанных с «деятельностью» жрецов и шаманов, общающихся с небесными и подземными духами.

и проводил над ним различные манипуляции /разглядывал, пришепывал, поплевывал и др./. Затем он просил выделить ему отдельную комнату и подать туда много еды. Когда за ним закрывалась дверь, из комнаты раздавались странные звуки, крики, стоны, которые постепенно переходили в невообразимый шум. Это означало, что шаман вызвал духов и общается с ними, угощает их. Через некоторое время из комнаты выходил шаман, который выглядел очень усталым и опустошенным /ведь с духами совсем не просто общаться/. Он покидал дом, обещая при этом выздоровление больному. Не лишне будет заметить, что шаман не всегда получал вознаграждение за свои «труды», да он и не просил этого. После его ухода на столе от огромного количества еды /которое вряд ли посылало одному/ оставались только объедки. Это означало, что духи остались довольны хорошим угощением — это и сулило надежду на выздоровление.

Приведем рассказ одного информатора из с. Ведено о чудесном исцелении его сестры /правда, этот рассказ неоднократно повторялся и другими информаторами/. «Еще до высылки моя сестра внезапно заболела, она начала сильно худеть, слегла в постель, ноги и руки скрючились, и выглядела она, как помешанная. Тогда мы пригласили «жинишца тайна стаг», который быстро обошел весь дом, сад, а затем осмотрел сестру и сказал, что у нее «жини хьлу /семя духов/ и они против нее закопали холбач /холмач /о вредоносной магии смотрите ниже/. Затем шаман взял с собой нашего младшего братишку и пошел с ним искать место, где был закопан холбач. Они долго шли по дождю, пока не наступила ночь и, наконец, они пришли в горное село Зуьрха, где шаман после недолгих поисков в земле раскопал этот предмет и принес его нам. Холбач состоял из различных предметов, которые были сосредоточены возле тряпичной куклы, сделанной из вещей моей сестры и проткнутой иглой. Как только шаман вытащил иглу, сестра распрямилась и встала. Он сказал, что по мере сгнивания куклы должна была чахнуть и моя сестра, и, наконец, умереть. Затем мы принесли большой поднос с курицей и галушками и оставили шамана одного в комнате. Спустя совсем немного времени он ушел, сказав, что теперь сестре ничего не угрожает. Войдя в комнату, где он кушал, мы увидели на подносе только косточки: духи все съели вместе с шаманом» [32].

В результате такого лечения не всегда наступало выздоровление, однако никто не ставил это в вину шаману, ибо духи, по всеобщему мнению, не всегда подчинялись ему. Скорее, вину возлагали на самого больного, который чем-то очень прогневил духов, и те не желают его выздоровления.

В Чечено-Ингушетии вплоть до недавнего времени были известны такие шаманы, как Шамсудди из Ведено, Исмаил из Знаменского, Ибрагим и Шамсудди из Чири-Юрта, Муса и Тарамхаджи из Атагов и др. [33].

Не все болезни, естественно, насылались духами, а следовательно и не все лечил шаман. В лечении отдельных болезней, неподдающихся рациональным средствам, вайнахи прибегали к магическим действиям. Так, большим бичом в прошлом была лихорадка /хорша/. Чтобы излечиться от нее, прибегали ко всевозможным средствам: в ладонях приносили воду из-под мельничного жернова и поили ею; поили также и грязной водой с отходами; больного внезапно обливали водой или сбрасывали в речку: быстро соображали какое-нибудь неожиданное известие, подбрасывали лягушку или давали ей лизнуть под подбородком больного; «связывали» лихорадку белой и черной ниткой; измерив нитку в рост больного, перевязывали и вешали на шею; уйдя подальше в лес, там, где никого не слышно, крепко перевязывали ниткой ветку орешника, чтобы не поступала влага — когда высохнет орешник, лихорадка должна была покинуть больного; не давали есть мясо быка и др.

Наконец, прибегали к помощи «хорша кхайкхор» — выкрикивание лихорадки. Кто-нибудь из родственников или чаще даже целая процессия глубокой ночью обходила три двора в селе; хорошим знаком считалось, если в одном дворе были три печных трубы. Сын или племянник больного, одетый в шубу наизнанку, кричал в каждую из труб: «Во, бусу йоглчу гизлармина хлу дарбаду?» ночью приходящей «гизларме» /этимология неясна/ какое излечение/. Любог, услышавший в доме, должен был быстро назвать первое, что придет ему на ум. И что бы они ни называли — этим средством и надо было накормить больного /даже куриным пометом/, причем угощение приносил тот, кто и назвал его [34].

Путем магических действий старались избавиться и от радикулита и ревматизма. Например, ревматизм — знаш считался гордой болезнью. Ревматизмом болел только слишком осторожный и слабый человек. Но особенно ненавидел ревматизм нечистоплотных людей. Поэтому в народе, чтобы избавиться от ревматизма, просто шли в отхожее место и что-нибудь кушали. Болезни это страшно не нравилось, она не могла смириться с такой нечистоплотностью и быстро покидала такого человека.

В лечении многих болезней вайнахи прибегали ко всевозможным магическим действиям /об этом см. статью автора [35]/. В основном лечебная магия основывалась на принципах очистительной и имитативной магии.

Вредоносная магия. Полевые материалы свидетельствуют о повсеместном распространении веры в магическую силу глаза, способного лишить не только здоровья, но и жизни, раздробить камни, лишить молока кормящую мать и корову, разбить семью и др. «Дурным» глазом обладали живые люди и покойники, животные. Но вредоносная сила их глаза зависела не от их желания, а от сверхъестественной силы. Вайнахи применяли всевозможные

обереги, способные, по всеобщему мнению, оградить от «сглаза» — это янтарные бусинки /члиж/, камни с отверстиями, ракушки /лахьорч/, веточки боярышника или айвы, воск, соль, угольки, разноцветные ниточки, кусочки медвежьей шкуры или медвежьи когти, сорванные с еще живого медведя, и др. Однако, несмотря на такое множество оберегов, люди все же заболели. И в этом случае чеченцы и ингуши старались, прежде всего, определить, что же явилось причиной заболевания — «сглаз» или хьам /обида покойника/. Знахарки или просто старшие женщины в доме измеряли локоть с помощью головного платка /долл дустар/ [36], при этом кистины, например, говорили: «Малх-бутт, сийна стигла, Iаьржи латта, яра бакь дале хьала далийта, дацах меттах ма хьайта» Солнце — луна, синее небо, черная земля, если это правда /сглаз, например/, пусть платок станет длиннее локтя, если нет, пусть не тронется с места/.

Был и другой способ определения «сглаза»: перед очагом ставили воду и бросали туда три уголька от имени подозреваемых. Чей уголек опустится на дно, тот и сглазил. Определив, чей сглаз, воду и угольки выбрасывали у стечения трех дорог.

Самым распространенным средством от «сглаза» было окуривание и обрызгивание /огонь и вода всегда играли заметную роль во всех видах магии/. Магическую процедуру рекомендовалось провести в первые три дня с момента заболевания, в противном случае «сглаз» мог поразить сердце и убить больного.

Окуривание производила знахарка, однако их было не так много и поэтому процедура совершалась любой старшей женщиной в доме. Она собирала девять лоскутков ткани /по возможности от одежды подозреваемых в «сглазе»/ или прорезала девять дырочек на одном лоскутке зеленой ткани и бросала в сковороду. Туда же складывались и другие компоненты, в общей сложности до девяти. Компоненты, предназначенные для окуривания, не называли своими именами, а говорили о них определительными сочетаниями. Так, соль называли — то, что делает вкус пищи /чам беш тосург/, кукурузную сечку — то, что остается на сите /цецIаьхь юьссург/, листья от початка — то, что остается от початка кукурузы /хьаьжкIех юьссург/, кожуру от лука или чеснока /кьаьчантIерниг/, кусочек жира — то, что снимается с бульона /чорпе тIехь ериг/, кусочек застаревшего навоза — то, что находится в сарае /божличуьрниг/ и др. В случае отсутствия под рукой того или другого компонента, брали любой другой, который с успехом мог заменить отсутствующий. Затем в сковороду бросали угольки с жаровни, все перемешивали и, когда предметы загорались и начинали дымить, начинали процедуру. Для этого ребенка укрывали с головой одеялом и засовывали сковороду под одеяло так, чтобы он мог дышать этим дымом.

Бытовали и другие, более простые способы окуривания — де-

вятью спичками, горящим поленом, бросанием соли или уголька и соли, завернутых в зеленую тряпочку и др.

Процедура окуивания обычно сопровождалась приговариваниями. Автору удалось записать тексты заговора лувца //лувца у чеченцев и ингушей.

Так, чеченки говорили: «ХIай везиндела, воккха дела! ХIара хаза хIуманаш шайна дIахьолаш, са ирчаниг суна диталаш, ворхIа стигланна тIоьхула, ворхIа лавтта тIоьхул хьала эцалаш!» — «Всемогущий и великий дела! Эти красивые вещи себе заберите, моего некрасивого мне оставьте, по всем семи небесам и семи землям их поднимите!»

Или, например, бросая кукурузные зерна вокруг дома и в четыре угла, говорили: «ХIа, хьуна а, хьуна а, хьуна а! Сан баьр суна дита ахь, хIорш ло ахь царна!» — На, тебе, тебе и тебе! Моего ребенка мне оставь, а эти /зерна/ им отдай!» [37].

У ингушей бытовал такой текст «лувца»:

«Хьо дика дацара хIокху мезилахь, хьо дика дацара хIокху тIелхилахь,
Хьо дика дара боз бари меттахь,
Хьо дика дара элаштIахь, хьо дика дра сунаштIахь,
Хин наьнаг кхайкха со, хьуьн наьнаг кхайкха со,
Села Сатига кхайкха со!
Укх чуйра дIадахийталахь яра лазар, дарба делахь кху берана!»

«Ты не хороша среди вшей, ты нехороша среди тряпок,
Ты хороша на шелковой постели,
Ты хороша у князей, ты хороша у княгинь,
К Матери воды я взываю, к Матери леса я взываю,
К Села Сате я взываю!
Пусть уйдет отсюда эта болезнь, пусть поправится этот ребенок.

А вот как заговаривали от «сглаза» скачущую лошадь:

«Моха лена санна мей холба хьо, ургIена чIогIа хилба хьо,
Диь лан дато хилда хьан, 24 хьастам дашо хилда хьан,
БайтIе баьлла бордз санна чIогIа хилда хьо,
Урд даьнна цхьогал санна, чIугац говза хинна хьо!» [38].

«Как быстро дующий ветер будь легкой, на подъеме будь крепкой,
Четыре подковы серебряными пусть будут,
Двадцать четыре гвоздя золотыми пусть будут,
Как травую покрытый холм сильной будь,
Как кружащая /?/ лиса в танце искусной будь».

При «сглазе» прибегали также к изготовлению средства от «сглаза» — бIаьрга лувца яр. Брели зеленую тряпочку и завязы-

вали в нее уголек и соль. Затем шли к стечению трех дорог и говорили, развязывая узелок и стряхивая содержимое:

«Шадаца бегаболба, йол-лахьоца лахьаболба,
Доьдаца хица гIолба, хи соьчу сацаболба!» [39].

«С развязанным узелком пусть стряхнется,
с вилами пусть соберется,
С текущей водой пусть унесется,
Где вода останавливается, пусть остановится!»

Вред можно было нанести не только «сглазом», но и специальной порчей враждебно настроенными людьми, действующими через своих посредников: шаманов, женщин — «специалисток» в этой области, духов. Для предотвращения порчи обращались опять же к тем же «специалистам», которые, выявляя причину болезни, обнаруживали, что это злонамеренная порча, и начинали лечение. Трудно сказать насколько достоверны случаи порчи, однако в народе твердо верят в силу таких действий, особенно в силу порчи посредством изготовления холбач, как главного средства порчи. Изготовление холбач занимались не только люди, но и духи, которые, поссорившись между собой, старались нанести вред этим средством людям, в которых они жили.

Думается, что холбач изготавливали сами же исцелители для создания себе репутации исключительности.

В качестве холбач /этимология неясна/ выступал определенный набор предметов: обрезки волос, ногтей, лоскутки от одежды того, против кого направлена порча, застарелый кусок курдюка или мяса, тряпичная кукла, проткнутая иголкой, гвозди и др. Набор мог быть и таким: волосы, обмотанные вокруг камня, 14 иголок и 14 гвоздей от подков, кукла. Над этим набором совершалось колдовство /нашептывания, проклинания, поплеывание и др./. Затем холбач тайно закапывался чаще всего во дворе или в доме объекта колдовства. Находили его и зашитым в подушку или матрац, которые использовались тем, против кого была направлена порча.

Вера в такого рода колдовство была очень сильной. Считалось, что только после изъятия и уничтожения холбач можно надеяться на выздоровление. В случае, если его не удавалось обнаружить, то жертва по мере загнивания предметов, в особенности курдюка, мяса и куклы, начинала постепенно слабеть, высыхать, скрючиваться и, наконец, либо умирала, либо теряла рассудок [40].

Злонамеренная порча применялась при переделе земли, для порождения ссоры, уничтожения рода, для вызывания нежелательной любви и др.

Широко были известны средства, призванные рассорить супругов. Так, чтобы муж и жена разошлись, было достаточно схватить

ЛИТЕРАТУРА

1. Библиографию вопроса в зарубежной науке см.: Хоппал Михай. Система верований и общественное сознание. *Acta Ethnographica Academiae Scientiarum Hungaricae, Tomus 28 (1—4), pp. 177—191 (1979)*. Институт этнографии и фольклористики Венгерской Академии наук — Будапешт.
2. Токарев С. А. Ранние формы религии и их развитие. М., 1964.
3. Штернберг Л. Я. Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1939.
4. Соколова З. П. Культ животных в религиях. М., 1972.
5. Чибиров Л. А. Древнейшие пласты духовной культуры осетин. Цхинвали, 1984.
6. Шамилев А. И. Религиозные культы чеченцев и ингушей и пути их преодоления. Грозный, 1963.
7. Исламов А. А. К вопросу о первобытнорелигиозных представлениях у предков вайнахов//ИЧИННИИЯЛ. В. 1, т. 9, ч. 1. Грозный, 1972.
8. Хасиев С. А. О некоторых древних чеченских оберегах/К вопросу о пережитках первобытных культов у вайнахов//Археолого-этнографический сборник. Т. 3. Грозный, 1969.
9. Мужухоев М. Б. Из истории язычества вайнахов (пантеон божеств в позднем средневековье)//СЭ. 1985. № 2.
10. Виноградов В. Б., Межидов Д. Д., Успаев Г. И. Религиозные верования дореволюционной Чечено-Ингушетии. Уч. пособие. Грозный, 1981.
11. Бараниченко Н. Н. Доисламские верования и культы в исторических системах отечественных отношений вайнахов. Авт. дис. канд. наук М., 1985.
12. Rokeach, M. 1969. Beliefs, Attitudes and Values — A Theory of Organization and Change. — San Francisco: Jossey Bass
13. Тейлор Э. Первобытная культура. М., 1989.
14. Фрэзер Д. Золотая ветвь. М., 1983.
15. Токарев С. А. Религия в истории народов мира. М., 1986.
16. Токарев С. А. Сущность и происхождение магии. Труды института этнографии. Новая серия. Т. 51. М., 1959.
17. Снесарев Г. П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969.
18. Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М., 1980.
19. Чурсин Г. Ф. Культ охоты у кавказских народов. БКИАИ в Тифлисе. № 5. Л., 1929.
20. Далгат Б. Первобытная религия чеченцев. Терский сборник. В. 3, кн. 2. Владикавказ, 1893.
21. Д-р Дирр. Божества охоты и охотничий язык у кавказцев//СМОМПК. В. 44, отд. 4. Тифлис, 1985.
22. ПМА (здесь и далее полевые материалы автора) Информатор Евкуров Ахмед, 1896 г., ингуш, с. Ольгети Назрановского р-на ЧИАССР, 1980—1983.
23. ПМА. Информатор Лянова Мадина, 1930 г., ингушка, с. Джейрах Назрановского р-на ЧИАССР, 1983.
24. ПМА. Информаторы: Яндаев Газали, 1891 г., чеченец, с. Старые Атаги Грозненского сельского р-на ЧИАССР, 1984; Мустригова Аза, 1914 г., чеченка, с. Калаус; Абдулазиева Дога, 1897 г., чеченка, с. Калаус; Даргуева Рахмат, 1887 г., чеченка, с. Беноюрт Надтеречного р-на ЧИАССР, 1984 г.
25. ПМА. Информатор Закриев Шапта, 1911 г., чеченец, с. Побединское Грозненского сельского р-на ЧИАССР, 1984.
26. Зыбковец В. Ф. О черной и белой магии. М., 1984.
27. ПМА. Информаторы: Маргишвили Рукет, 1921 г., кистинка, с. Дуиси Тушашвили Заи, 1931 г., кистинка, с. Джоколо Ахметского р-на Грузинской ССР, 1979.
28. ПМА. Информаторы: Маргишвили Рукет, Тушашвили Заи; Цатиашви-

- ли Анисат, 1922 г., кистинка, с. Биркен Ахметского р-на Грузинской ССР, 1979.
29. ПМА. Информаторы: Ильясова Совдат, 1899 г., чеченка, с. Знаменское; Халадова Асма, 1933 г., чеченка, с. Знаменское; Генаева Зина, 1932 г., чеченка, с. Бено-юрт; Эльмурзаева Зайнап, 1899 г., чеченка, с. Али-юрт; Ахмадова Нагу, 1914 г., чеченка, с. Братское; Дадаева Кулсум, 1871 г., чеченка, с. Братское; Надтеречного р-на ЧИАССР, 1984; Абубакаров Абухаджи, 1916, чеченец, с. Автуры; Дудаева Кхоку, 1888 г., чеченка; с. Автуры; Ильясова Аруха, 1903 г., аварка, с. Курчалой; Ахмадова Рахмат, 1922 г., чеченка, с. Бачи-юрт; Алидибиров Ахаджат, 1900 г., чеченка, с. Бачи-юрт Шалинского р-на ЧИАССР, 1986, мн. др.
30. Тутаев А. Календарь ингушский «старинный». Фонд ЧИРКМ. О. 3, п. 44.
31. О шаманстве см.: Басилов В. А. Избранники духов. М., 1984.
32. ПМА. Информатор Шовхалова Жанаро, 1922 г., чеченка, г. Грозный, 1986 и др.
33. ПМА. Информаторы: Гайрабиев Хасай, 1886 г., чеченец, с. Энгеной; Ташухаджиев Шемилхаджи, 1925 г., чеченец, с. Энгеной; Умаев Найбирсолта, 1925 г., чеченец, с. Энгеной Ножай-юртовского р-на ЧИАССР, 1881; Ахмадов Муьста, 1910 г., чеченец, с. Знаменское; Закаев Гапур, 1912 г., чеченец, с. Знаменское; Дениев Воцу, 1885 г., чеченец, с. Знаменское; Асабаев Зиявди, 1903 г., чеченец, с. Верхний Наур; Яндаев Газали; Закриев Джамалд, 1905 г. чеченец, с. Старые Атаги; Паскаев Мовла, 1904 г., чеченец, с. Ярышмарды Грозненского р-на ЧИАССР, 1984; Абубакаров Тимирболат, 1900 г., чеченец, с. Автуры; Дудаева Кхокку; Тахаева Патимат, 1900 г., чеченка, с. Курчалой; Абдулмуслимов Зими, 1887 г., чеченец, с. Курчалой; Абдулмуслимова Ибант, 1900 г. чеченка, с. Курчалой Шалинского р-на ЧИАССР и др.
34. ПМА. Информаторы: Кадиева Хульбижан, 1910 г., чеченка, с. Ножай-юрт Ножай-юртовского р-на ЧИАССР; Селимова Асма, 1907 г., чеченка, с. Ца-Ведено Веденского р-на ЧИАССР, 1981.
35. Мадаева З. А. Рациональное и иррациональное в традиционных способах лечения вайнахов. Традиции в системе духовной культуры социалистического общества. Грозный, 1986.
36. ПМА. Информатор Маргишвили Абдат, 1904 г., кистинка, с. Дуиси Грузинской ССР.
37. ПМА. Информатор Мадаева Аймани, 1922 г., чеченка, с. Ведено Веденского р-на, 1981.
38. ПМА. Информатор Евкуров Ахмед.
39. ПМА. Информатор Хаматханова Салихат, 1886 г., ингушка, с. Джейрах Назрановского р-на ЧИАССР, 1983.
40. ПМА. Информаторы: Эмбаева Биби, 1884 г., чеченка, с. Дарго; Солтамикова Батай, 1903 г., чеченка, с. Дарго Веденского р-на ЧИАССР, 1980 и др.; Абдулмуслимов Зими, Абдулмуслимова Ибант.
41. ПМА. Информатор Маргишвили Абдат.

Л. Б. Заседателева

ТРАДИЦИОННОЕ И НОВОЕ В ОСЕННИХ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ ОБРЯДАХ И ПРАЗДНИКАХ РУССКОГО И УКРАИНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ

Календарные обряды и обрядовая поэзия в своей основе — древнейший вид народного творчества, давно уже привлекавший внимание историков, этнографов, фольклористов и писателей.

Устойчивые, консервативные по своей природе обряды и обрядовая поэзия долго сохраняли, а в некоторых случаях донесли до наших дней рудименты далекого прошлого. Анализ обрядов, обычаев, многочисленных ритуальных действий предоставляет нам убедительный материал для изучения народного мировоззрения и верований, помогает понять и воссоздать особенности социальных институтов и семейных отношений. Взятые же в сравнительно-историческом аспекте обряды используются для выяснения проблем этногенеза, генетических и этнокультурных связей между народами. Все это заставляет отнести к традиционным обрядам как к важному историко-этнографическому источнику. Возникшие как аграрно-магические действия, эти обряды и обычаи постепенно утрачивали свою первоначальную функцию и уже в конце XIX — начале XX в. воспринимались в значительной части как простые развлечения, забава.

В данной статье анализируется не весь год, а только «Праздники урожая» осеннего календарного цикла у русского и украинского населения Северного Кавказа.

Смысл осенних обрядов, обычаев, поверий состоял в завершении сельскохозяйственного года, а все магические действия были направлены на то, чтобы обезопасить созревающий или уже созревший урожай от губительных действий реальных (засуха, град, ветер и т. п.) и воображаемых (нечистая сила, колдовство) сил, вовремя убрать и сберечь урожай, обеспечить благополучие семьи и крестьянской общины в целом на весь год [1, с. 282].

Известный советский этнограф С. А. Токарев отмечал, что две главные идеи выражены в осенних календарных обычаях: во-первых, оформить и узаконить начало потребления собранного урожая хлеба, овощей, плодов, винограда: во-вторых, заручиться надеждой на такой же или лучший урожай в будущем году [1].

Обряды, связанные с жатвой и посевом озимых, нашли освещение в русской и советской литературе. Ими занимались И. М. Снегирев, И. П. Сахаров, А. В. Терешенко, А. Н. Афанасьев, Д. К. Зеленин, В. Я. Пропп, С. А. Токарев и др. [2—13]. «Жатвенные и посевные обряды календарного приурочения не имеют, а зависят от погоды и климата», — писал В. Я. Пропп [7, с. 64].

Следует уточнить, что определенных дат действительно не существовало, но были сроки, в которые предпочтительнее выполнять посев или жатву, чтобы собрать наибольший урожай. Жатва чаще всего начиналась на большей территории у русских 16 июля или 20 июля (по старому стилю), с 6 августа поспевало яровое, так что крестьянин одновременно убирал рожь, пшеницу и ячмень. Предпочтение отдавали пшенице, т. к. она недолго могла стоять в поле. Жатву рекомендовали заканчивать к 15 августа (по старому стилю), после чего производилась возка и уборка хлеба. В это время освящали гумно, хлев и поля. Эти действия происхо-

дили без особых обрядов. А. В. Терешенко считает, что успенский пост называется «госпожинским» от слов «жниво» или «жнитво» [4, кн. 6, ч. III, с. 801].

И. М. Снегирев перечислил и подробно рассмотрел основные обряды, связанные с жатвой и посевом озимых: «Отправляли при начале и конце земледельческих работ праздники: дожинки, обжинки, засевки, досевки, толоки» [Т. 4, с. 45—50, 193]. В. Я. Пропп убедительно доказал, что жатва — это не радость за хороший урожай, благодарность за него, а на самом деле эти обряды имеют целью обеспечить средствами собранного урожая будущий урожай [7]. В. Я. Пропп совершенно справедливо указал на коллективный характер жатвы, бытовавший у многих народов мира [7, с. 64]. Чтобы вовремя убрать урожай, нужны были совместные усилия целого коллектива людей, поэтому в работах участвовали все трудоспособные члены семьи, а нередко и соседи, оказывая друг другу помощь. В больших хозяйствах использовали и наемную рабочую силу. Коллективная помощь называлась «помочи» или «толока» [10, с. 180]. Помощь осуществлялась только за угощение, а «толочане» были одновременно гостями и работниками, которые особо чтили и поздравляли хозяев поля.

Для подтверждения этого факта будет уместно вспомнить об обычае, бытовавшем у русских. Человек, проходивший вблизи жнецов, должен был остановиться. В его честь пели песню и поднимали сноп. Проходящий же должен был дотронуться до него рукой. Таким образом он как бы приобщался к жатве [4]. А. Н. Афанасьев подробно описал обычай «дожинок» и «обжинок» [5, т. 3, гл. 28, с. 762].

Осенняя календарная обрядность русского и украинского населения Северного Кавказа, отразив особенности формирования и специфику этой группы населения данного историко-культурного региона синтезировала различные формы календарной обрядности. Основные символические действия осенних календарных обрядов и праздников этой группы населения края восходят к общеславянским, а шире — индоевропейским традициям. Это очень четко прослеживается на обычаях, обрядах, поверьях «праздников урожая», связанных с жатвой, уборкой винограда, овощей, фруктов и т. д. Однако длительные и многообразные хозяйственно-культурные контакты с коренным населением Северного Кавказа, участие в совместных работах и торжествах представителей соседних народов оказали значительное влияние на некоторые обрядовые стороны и внешнюю атрибутику празднеств. Это нашло свое отражение в ритуальных костюмах и украшениях участников жатвы, музыкальных инструментах, фольклоре, танцах, песнях, спортивно-развлекательных играх, сопровождающих праздник.

Вместе с тем полевыми исследованиями обнаружено множество локальных вариантов осенних ритуалов и обрядов, бытующих у

русского и украинского населения Чечено-Ингушетии. Эти варианты обусловлены культурно-историческими и естественно-географическими условиями их жизни на протяжении нескольких столетий.

Одним из самых важных моментов осеннего календарного цикла у русского и украинского населения Северного Кавказа было празднование конца уборочных работ. Обычай этот — явно отражение древнего аграрного культа. Он представляет собой сложную систему, восходящую еще ко временам язычества, а также позднейших элементов, привнесенных христианством. В них преобладают магические элементы, в основе которых лежит апотропейная и предохранительная магия с примесью очистительной. В ряде же обрядов присутствуют элементы продуцирующей магии, связанной с заботой о плодородии полей, изобилии урожая и т. д., от чего и зависело благополучие каждой крестьянской семьи.

Праздник не мог быть приурочен к какой-то календарной дате, он отмечался в разных районах в различное время, это зависело от местных условий.

Нам представляется удачной классификация жатвенных обрядов, предложенная О. А. Ганской [10, с. 179]. Начало жатвы (затяжки), действия, выполняемые во время жатвы, празднование окончания жатвы (дожинки). Жатва считалась не будничной работой, а скорее праздником. На эти работы шли нарядно одетыми, пели (существовал целый цикл жатвенных песен), играли на музыкальных инструментах. В народе считалось, что лучшими днями для начала жатвы были среда, четверг, суббота. Жатву, особенно ее начало и конец, сопровождали различные обряды и ритуалы, в основе которых лежала магия плодородия. Начинали жать обыкновенно с середины поля, двигаясь против солнца. Жатву начинал в одних станицах самый быстрый жнец или жница, в других — старший из работников. Жнецы, выходя на первую жатву, брали с собой освященные кусок хлеба и воду. Целый ряд поверий был связан с тем, чтобы у жнеца или жницы не болела спина и работа спорилась. Так, в станицах Наурской, Калининской для этой цели первые колосья затыкали за пояс. В станице Ишерской перед началом работы жнецы обязательно потягивались. В станице Ассиновской поясницу, кисть руки и серп обвязывали веревкой с вплетенными в нее несколькими цветками и колосьями [14].

Анализ полевых материалов позволил выделить несколько локальных вариантов обрядов, связанных с первым снопом. Так, в станице Старогладовской первый сноп, состоящий из 3—4 пучков колосьев, несли в дом наиболее уважаемые в станице люди. Его ставили под божницу в красный угол, молотили его первым, семена освящали в церкви и далее соединяли их вместе с семенами следующего сева [14]. А. Н. Афанасьев отмечает, что первый сноп освящали в церкви, как всякие первинки. Здесь же мы встретим

и с другим вариантом обычая, когда первый сноп ставили посреди поля, где он и оставался до конца жатвы. Считалось, что это принесет еще больший урожай в будущем году или даст хороший прирост хлеба. Этот сноп последним увозили с поля. Часто сноп сверху покрывали платком или казачьей шапкой, в которые прохаживая мимо жнецы кидали монеты. Часто на сноп клали головку лука или чеснока. Видимо, это была предохранительная магия от «злого глаза». Есть сведения и о том, что первые горсти хлеба жница складывала крест-накрест. Часто под них клали монеты или хлеб. У всех русских и украинцев, живущих в Чечено-Ингушетии, из колосьев первого снопа плели жатвенный венок, имеющий большое ритуальное значение.

Интересен был обычай «приобщения» прохожих к жатве. Так, жницы пучками первого снятого зерна обвязывали руки или ноги тем, кто подходил к ним в поле. Прохожие обязаны были откупиться деньгами или провизией [14]. Возможно, что этот обычай можно считать пережитком древнего языческого жертвоприношения.

Большую роль в жатвенной обрядности играли колосья, с которыми, как и с самой жатвой, было связано много поверий. Так, удачу, счастье, богатство предвещала находка двойного колоска. Замужней женщине это сулило рождение близнецов, а юноше или девушке вступление в брак [14].

В конце жатвы справляли дожинки, сопровождаемые множеством обычаев, обрядов и ритуалов. Русские и украинцы повсеместно оставляли уголок несжатого поля, т. е. «бороду». Эту «бороду» посвящали то Илье, то Спасу, то Волосу, то самому хозяину данного поля. Этот обычай существует почти у всех индоевропейских народов. Последние колосья, «борода», оставляемая чаще всего в середине поля, согласно поверьям была средоточием силы, обеспечивавшей нынешний урожай и способной дать его в будущем году. «Бороду завивали», т. е. придавали ей круглую форму, при этом рукой не касались колосьев, т. к. она была специально обмотана рукавом. Часто колосья перевязывали красной лентой, и, надламывая, зарывали в землю, придавив при этом камнем. Этот обычай как бы символизировал возвращение силы самой земле. Известны случаи, когда «бороду» не прикапывали, а отрезали серпом или выдергивали из земли руками, после чего ее вешали в доме под иконами у двери или в амбаре. Возможно, что в этих обычаях можно проследить элементы дохристианских культов. В «бороду» вплетали цветы, серебряные монеты. Вокруг нее под обрядовые песни водили хороводы. Это стремление окружить «бороду», создать символический круг, вероятно, было связано с солярным культом. Последний сноп называли дожиночным или «имянинником». Его то наряжали в «бабий наряд», то называли «дитя земли». Как уже отмечалось, существовал обычай — из колосьев последнего снопа плели венок, вплетая в него полевые и бумажные

цветы и ленты; его торжественно надевали на голову кому-либо из участников жатвы. Венок имел одно из главных обрядовых значений при праздновании дожинок. Существовало поверье, что зерна последнего снопа переносят свойства плодородия на будущий урожай, и поэтому добавляли их в семена, начиная сев в будущем году.

Пережитки магии плодородия сохранялись также в обычаях с водой. Это видно из таких примеров, как обливание жнецов водой, обрызгивание последнего снопа, обливание рук жнецов через «бороду». Венец и последний сноп с поля несли жнецы во двор наиболее богатого казака. Процессия часто проходила в сумерки. Косы и серпы были украшены цветами. Шли парами. На самой красивой женщине, которая несла сноп, было накинуто белое покрывало на голове и жатвенный венок [5, с. 771; 14]. Женщину часто обливали водой, полагая, что это будет способствовать дождям в следующем сезоне. Девушка подносила казаку, во двор которого заносили сноп, венец с пожеланиями здоровья и будущего хорошего урожая.

Хозяин венка благодарил жнецов, давал им деньги и устраивал большое угощение. Традиция празднования дожинок сохранялась довольно долго. Но в XIX в. она носила ярко выраженный социальный характер. Праздничная трапеза сопровождалась танцами, песнями, игрой на музыкальных инструментах (при этом исполнялись как русские, так и чеченские и ингушские мелодии и песни). Обязательными были джигитовка, стрельба из ружей, демонстрирующие удал и ловкость молодых людей. На участниках торжеств были горские и казачьи костюмы. Девушки водили хороводы. В этих дожинках древние по своей сути обряды были сильно театрализованы. Часто в станицах вязали сноп-«бабу», которую возили по станице, а по окончании веселья ставили рядом со снопами. На головах многих девушек были венки из колосьев и цветов, которые затем вешали над дверью, ведущей из сеней в комнату, где они и находились до следующих дожинок.

Среди танцующих можно было встретить девушек, обвязанных колосьями. Дожинки чаще всего носили общественный характер [14].

По нашим полевым материалам известны случаи, когда снопи́мнинник скармливали скоту на Покров (1 октября по старому стилю). Из семян пекли особые круглые хлебцы, расставляемые при будущем севе по полю. Этим актом как бы возвращали силу земле, а в хозяйство казака или крестьянина «переносили» благополучие и здоровье.

В конце августа происходило кошение овса. Приблизительно на 15—20 числа (по старому стилю) падали приметы на его созревание. День 26 августа назван в народе днем Наталии овсяницы. В этот день происходило коллективное кошение овса, обставлен-

ное многообразными обрядами и ритуалами. Как правило, в поле в полдень устраивалась коллективная трапеза, на которую каждая хозяйка дома приносила гречневую кашу. Эта трапеза называлась «паужином». В. Даль объяснял слово «паужин» как последнюю еду крестьян в сутках, идущую перед ужином.

Колосья последнего овсяного снопа приносили домой и ставили под божницу. Поскольку все работы в поле были коллективными, в станицах после окончания работы устраивались общестаничные застоля. Реже это проходило в отдельных домах, при меньшем количестве собравшихся. Главными угощениями были брага, чихирь, овсяные блины и дежень (толокно, разведенное на воде или кислом молоке, в которое добавляли немного меда). Этот обычай был широко известен у многих славянских народов [2, с. 82; 14].

Описанные нами осенние обряды, происходящие при жатве, позволяют согласиться с В. Я. Проппом, что «осенние обряды довольно точно соответствуют весенне-летним внесениям в дом различных растений для использования скрытой в них силы. Весною — вербы, на Семик и Троицу — березки, в жатву — снопа (первый или последний). Они ставятся за икону и находят различное хозяйственное применение... Все отличия объясняются отличиями самого объекта и временем года» [7, с. 66].

Кроме сбора урожая зерновых в поле и в июле и августе у русского и украинского населения Чечено-Ингушетии шел интенсивный сбор урожая плодов, ягод и овощей, винограда. Так, в соответствии со сбором определенных ягод, начинающегося в эти дни (на рубеже летне-осеннего сезона), народ звал святых «своими» именами: 26 июля — Давид-Земляничник, 3 августа — Исакий-Малинник, 4 августа — Авдотья-Малиновка, далее Авдотья-Огуречница, Авдотья-Капустница, 23 августа — Лука-Брусничник. В конце июля капуста завивалась в кочаны. Этот день называли Николой-Кочанным.

Центральными праздниками по сбору плодов были три «Спаса»: Спас на воде, Спас на горе, Спас на полотне. Или «первый Спас на воде стоит», «во второй Спас яблоки едят», «в третий на зеленых горах холсты едут продавать».

Первый Спас в народе называли «медовым», т. е. происходило освящение первых «выломанных» сот. К этому дню заканчивался накопительный цикл у пчел. Второй Спас звали «яблочным», т. к. в этот день в терских станицах, как и у всех русских, было принято освящать яблоки в церкви. «Пришел Спас, — говорили, — всему час». С этим праздником был связан обычай посылать бедным и больным корзину с яблоками или их приносили и дарили в церкви. К этому времени можно было уже собирать горох. Его в корзинах также несли в церковь. Небольшую его освященную часть клали под божницу, где он и находился длительное время. В эти

дни в станицах женщины и девушки устраивали коллективную трапезу, называемую «столованье». Столы ставились, как правило, около церкви. Все остатки пищи раздавались бедным. Мужчины сначала устраивали отдельное застолье, так называемую «чихирную варню», ее можно сравнить с «пивной варней» северорусских районов). Первый общий ковш с вином пускали по кругу, а перед тем, как отпить из него, гость величал хозяина вина. Совершив этот ритуал, мужчины шли за стол, куда их приглашали женщины. Они должны были оценить кулинарное искусство хозяек стола. Часто на эти праздники приходили гости из соседних станиц. Интересно отметить, что в начале пиршеств соблюдалось строгое разделение по полам. В празднике большую роль играли женщины [3, с. 46—7; 14].

В это же время шел сбор дикого мака («видохи» или «маковий»). Его тоже освящали в церкви. У русского и украинского населения с этим периодом был связан обычай печь «шуляки», т. е. коржи из пшеничного теста, густо залитые медовой сытостью с примесью растертого мака. В этот день полагалось святить хлебные венки и собранные в лесу и в поле целебные травы.

К этому времени можно было уже собирать поспевшие груши. Сбор их сопровождался пирами и массовыми гуляньями. В народе говорили: «Спасовки или разговение на мед, садовину и кауны» [14].

Третий Спас приходился на время окончания жатвы и досевок (конец посева озимых). В народе его звали «хлебным», добавляя к этому, что «третий Спас имянинный сноп встречает» или «третий Спас хлеб припас» [14]. В это же время в лесу начинался сбор орехов, поэтому в народе третий Спас иногда называли «ореховым». Так как основной сбор плодов, овощей, меда заканчивался ко второму Спасу, к третьему Спасу казаки и иногородние устраивали в относительно свободные дни ярмарки, на которых происходил торг полотном. «Третий Спас на Зеленых горах — пора холсты продавать» — так говорили.

Эти праздники повсеместно бытовали у славянского населения. Пожалуй, они имеют сходство с троекратными летними празднествами: первый праздник — Семик честной, второй праздник — Троицын день, третий праздник — Купальница [2, вып. 3, с. 102—103].

Спасский праздник в народе называли «мокрым». В этот день полагалось мыться: купали лошадей, окропляли водой поля (перед наступающим севом озимых). Среди русского и украинского населения рассматриваемого региона, впрочем, как и у всех славянских народов, особо почиталась вода.

Интересны обычаи, связанные со сбором винограда. На дороге,

по которой сборщики винограда шли домой, разжигали костер. Через него надо было перепрыгнуть со словами: «Слава сладкому винограду!» Принесенным виноградом (после освящения нескольких гроздей в церкви) угощали всех окружающих. Сами же сборщики в этот день не употребляли его в пищу.

Сбор плодов и овощей производился в русских селениях Чечено-Ингушетии в строго установленные сроки. Община за этим следила и немедленно наказывала нарушителей. Не случайно в станицах говорили: «Грех есть орехи до третьего Спаса». Они вызревали именно к этому времени, поэтому наложенный запрет (табу) имел под собой реальную причину. Все сроки назначались на основании многовекового опыта.

Собрав урожай хлеба, овощей, фруктов или ягод, люди начинали их потреблять, и этот момент был озаглавлен определенными ритуальными традиционными действиями и соответствующими поверьями. Здесь и момент снятия «табу», ибо в народе существовал неписаный закон, по которому до определенного срока нельзя потреблять тот или иной дар природы (например, у русских до Спасов). Обязательной являлась «жертва первинков», состоящая в принесении богам и духам первых плодов. В христианском культе — это «благословение» этих первых плодов, освящение их в церкви.

Ритуальное, коллективное вкушение снятых плодов с очень архаичными языческими обрядами встречалось в прошлом почти у всех народов, в том числе и у русских и украинцев Северного Кавказа. Церковь лишь «повернула» обряды, чтобы направить их в свое русло и извлечь из них как можно больше выгоды для себя. Первые плоды обычно приносили в дар богиням-матерям земли. Ими обносили всех присутствующих на коллективных трапезах «во здравие живых и в память усопших». Вероятно, что это были остатки культа предков, которые у славян неразрывно связаны с землей и урожаем.

Итак, как показывают литературные источники и наши полевые материалы, обрядно-ритуальные действия русского и украинского населения Чечено-Ингушетии были неотъемлемым компонентом при уборке урожая.

С течением времени все описанные обычаи, связанные с последним снопом, жатвенным венком и другими, потеряли свое ритуальное значение и превратились в веселое развлечение, столь необходимое после тяжелого сельского труда.

Из значительного количества старых праздников в настоящее время свое обрядовое значение в быту сельского русского и украинского населения Чечено-Ингушетии сохранили лишь немногие: рождество, пасха, троика, Спас и праздники Урожая. При этом существенно изменилась их мотивировка и функциональное назначение. Полностью изжили себя многочисленные в прошлом при-

емы сельскохозяйственной магии. Следует отметить, что наиболее жизнестойкими и способными к дальнейшему развитию оказались эстетически и эмоционально окрашенные формы календарной обрядности. Она утратила связь с религией и трансформировалась в явления народного искусства, театрализованные представления, массовое развлекательное действо.

В настоящее время цикл календарно-трудовых праздников и обрядов колхозников создается путем творческого переосмысления традиционной календарно-хозяйственной обрядности. При этом четко прослеживается отклонение старых обычаев и обрядов, не соответствующих новым условиям труда и эстетическим запросам населения. Создаются новые обряды, ритуалы, праздники, представляющие собой сочетание местных традиций и обычаев с новообразованными формами.

Остановимся на описании современного праздника Урожая, или «праздника последнего снопа», проводимого среди русского и украинского населения Чечено-Ингушетии. Такие праздники отмечаются не только в колхозах, но и в районах, областных центрах, где они перерастают в большие массовые торжества. Этот праздник переключается со старыми обжинками или дожинками. В нем сохраняются некоторые традиционные обряды (ритуалы с колосьями, последним снопом, обжиночными венками, праздничным караваем, торжественной обжиночной процессией, обжиночными песнями и хороводами). Проводится этот праздник после завершения всех уборочных работ в один из дней октября. На празднование приглашаются почетные гости — представители соревнующихся колхозов, шефы, передовики. На этих праздниках устраиваются сельскохозяйственные выставки. Наиболее распространенной формой праздника является смотр-отчет производственных и культурных достижений всех хозяйственных подразделений колхоза или совхоза. В торжественной обстановке подводятся итоги года, отмечают наиболее отличившихся героев труда. Так, после окончания уборки урожая лучшей колхозной бригаде предоставлялось право снять на ниве последний сноп «именинник», который хранится в правлении колхоза до начала праздника.

Праздник урожая открывался митингом. Перед его началом поднимали флаг в честь нового урожая. Играла музыка. К президиуму подъезжал театрализованный кортеж всадников в казачьей форме. Они вручали президиуму митинга традиционный «последний сноп» в «вазе изобилия», украшенные цветами и лентами, концы которых несли празднично одетые девушки с венками из цветов и колосьев на голове. Неподалеку стояли группы девушек, в руках у каждой — красивый венок или шлем из колосьев и цветов. После вручения президиуму «последнего снопа» девушки вручали шлемы и венки отличившимся во время уборки передовикам. В это время около правления колхоза выстраивались украшенные

транспарантами и лозунгами машины для перевозки зерна на ток.

После торжественной части начиналась коллективная трапеза. Праздник заканчивался народным гуляньем, карнавальными шествиями, театрализованными представлениями.

На Северном Кавказе среди русского и украинского населения проводятся также праздники урожая, приуроченные к сбору винограда, кукурузы, плодов и др. Содержание этих праздников почти ничем не отличается от праздников, устраиваемых по поводу окончания сбора колосовых. Разница состоит в том, что на этих торжествах обжиночные венки плетутся не из колосовых, а из ведающей культуры: винограда, кочанов кукурузы, овощей и др. [14].

Существуют и местные отличия при проведении подобных праздников. Они заключаются в обычаях на право плетения обжиночных венков, в порядке их вручения, в выпечке праздничного караваев, в самом названии праздника. Анализ полевого материала свидетельствует о том, что наиболее жизнестойкими в традиционных праздниках и обрядах оказываются те их элементы, которые наименее связаны с официальной религией. Среди русского и украинского населения Чечено-Ингушетии и сейчас продолжают жить исконные формы праздничного времяпрепровождения, приняты увеселения и игры.

Тесная связь народных праздников с природой, с земледельческим и скотоводческим календарем, с историей и культурой народов в целом повлияла на жизнестойкость этих праздников. Трудовые праздники и обряды восточнославянской группы населения Северного Кавказа продолжают развиваться и совершенствоваться, сочетая в себе как новые, так и прежние традиционные элементы, а также национальные и интернациональные черты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Календарные обычаи и обряды в странах Зарубежной Европы, Летне-осенние праздники. М., 1978.
2. Снегирев И. М. Русские простонародные праздники и суеверные обряды. Вып. 1—4. М., 1837—1839.
3. Сахаров И. П. Сказания русского народа. 3-е издан. Т. 1—2. М., 1849.
4. Терещенко А. В. Быт русского народа. М., 1847—1849, Т. 6.
5. Афанасьев А. Н. Поэтическое воззрение славян на природу. М., 1866—1869.
6. Зеленин Д. К. Очерки русской мифологии М., 1912.
7. Пропп В. Я. Русские аграрные праздники. Л., 1963.
8. Зеленин Д. К. «Спасова борода» с х днославянский хл бородный обряд жнивварский. Етнографичний ч сник. Кн. 8. Киев, 1929.
9. Токарев С. А. Религиозные верования восточнославянских народов XIX — начала XX в. М—Л., 1957.

10. Календарные обычаи и обряды в странах Зарубежной Европы. Летне-осенние праздники. М., 1978.

11. Чибиров Л. А. Народный земледельческий календарь осетин. Цхинвали, 1976.

12. Мадаева З. А. Календарь и календарные обряды народов Чечено-Ингушетии. // Календарь и календарные обряды народов Дагестана. Махачкала, 1987.

13. Новое и традиционное в трудовых праздниках вайнахов. // Новое и традиционное в культуре и быту народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1985.

14. Полевые материалы Северо-Кавказской этнографической экспедиции МГУ /далее — СКЭЭ МГУ/. М., 1985—1989.

З. И. Хасбулатова

СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ И ФОРМЫ ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ У ЧЕЧЕНЦЕВ И ИНГУШЕЙ

Советская этнографическая наука уделяет большое внимание изучению вопроса использования свободного времени, организации досуга населения. Актуальность этой проблемы особенно возрастает сегодня в условиях происходящей в нашей стране перестройки, направленной на дальнейшее совершенствование социалистического образа жизни.

У каждого отдельного народа и отдельных социальных групп, даже «у каждого общественного слоя, — как писал В. И. Ленин, — свои «манеры жизни», «свои привычки», «свои склонности» [1, с. 342], которые особенно заметно проявляются в непосредственной сфере жизнедеятельности в формах использования свободного времени. Конечно, в силу различных причин, в первую очередь социально-экономического и психологического характера, сельское население в большей степени сохраняет традиции старины.

Этнографическое изучение свободного времени, традиционных форм его использования различными половозрастными и социально-профессиональными группами имеет большое научно-практическое значение. В настоящей статье рассматриваются формы использования свободного времени сельским населением республики во взаимосвязи с определенным образом жизни, имеющим свои социально-экономические и культурно-бытовые особенности.

Основной источниковедческой базой для написания статьи послужили полевые материалы /анкеты, статистические и другие материалы/, а также литературные источники [2].

Свободное время и формы его использования в Чечено-Ингушетии в этнографической литературе еще не нашли освещения, хотя оно /свободное время/ и является традиционным элементом культуры и быта любого народа, в том числе чеченцев и ингушей. Рассмотрим, какие же формы организации досуга, использования сво-

бодного времени были у вайнахов в дореволюционном прошлом.

В какой-то степени одной из форм проведения свободного времени можно назвать белхи /коллективная взаимопомощь/. Как правило, «белхи» собирало большое количество людей, которые после выполнения хозяйственной работы /например, строительства дома/, могли отдохнуть весело с песнями, исполняемыми народными певцами-сказителями, танцами, играми молодежи, угощением.

Нередко в селах проводились и различные семейные и общесельские праздники, которые также сопровождались развлечениями певцами-сказителями, танцами, играми молодежи, угощением и др.

Взрослые мужчины в свободное от работы время собирались в определенном месте — пхьобгланаш или юрта пхьобгла /общесельское место сбора/ или кюпа пхьобгла /квартильное место сбора/, где обсуждали свои дела.

У женщин и девушек существовала своя форма проведения свободного времени. Несмотря на занятость в домашнем хозяйстве, они находили время для небольшого отдыха и развлечений. Это происходило у родника, где молодые люди могли встретиться друг с другом, перебраться словом со своими избранниками и избранницами. Подобную же роль играли и женские «белхи», которые организовывались по лушению кукурузы, обработке шерсти, выделыванию бурок, шерстяных изделий. И хотя это была в основном коллективная работа, она имела и элементы отдыха, отвлечения от тяжелых повседневных дел. «Белхи» сопровождались, как правило, беседами, шутками, пением, танцами. Безусловно, у девушек было больше времени, чем у женщин, и они могли в более разнообразной форме использовать свое свободное время. Встречи женщин у мельниц /в основном речных/ также форма проведения «свободного времени». Здесь они могли поговорить, поделиться новостями, обсудить вопросы выбора невесты и др. У вайнахов есть выражение: хьера вахначоа новкъара нацъара йоккху — /даже на мельнице прибирают/. Это время, вызванное хозяйственной необходимостью и включавшее в себя выполнение тяжелого физического труда, превращалось в своеобразную форму отдыха и развлечений.

Бытовали и такие формы использования свободного времени, как например, участие в первом выходе невесты по воду, первом укладывании ребенка в люльку и др.

Таким образом, реализация свободного времени крестьянами — чеченцами и ингушами в дореволюционном прошлом определялась условиями их общественного и семейного быта, зависевшего от уровня социально-экономического и культурного развития. Естественно, этот уровень обуславливал и коллективный, совместный характер использования вайнахами свободного времени.

Как известно, социально-экономические и культурные преобра-

зования, происшедшие в нашей стране, и в частности в республике, отразились на всех сторонах жизни сельского населения, в том числе и на структуре, содержании и величине свободного времени.

В структуре свободного времени сельского населения республики в условиях социалистического общества появились новые, свойственные социалистическому образу жизни формы использования свободного времени или виды занятий, которые в зависимости от их содержания могут быть подразделены в соответствии с принятой в советской обществоведческой литературе классификацией на четыре основные группы: 1. общественно полезная творческая деятельность вне сферы общественного производства /общественная работа, разные формы учебы и виды любительского творчества, воспитание детей и др./; 2. потребление культурных ценностей /чтение художественной литературы и периодической печати, слушание радио и просмотр телепередач, кинофильмов, концертов, спектаклей и др./; 3. активный отдых /занятия физкультурой и спортом, настольные игры, охота, рыболовство и др./; 4. пассивный /бездеятельный/ отдых.

Такая классификация свободного времени в целом соответствует обоснованному и принятому определению свободного времени, данному классиками марксизма-ленинизма, как «время досуга и время более возвышенной деятельности», а также как время «для отдыха, для своего развития, для использования своими правами как человека, как семьянина, как гражданина» [1, с. 221].

Охарактеризуем каждую группу в отдельности. Одной из существенных и характерных черт социалистического образа жизни сельского населения республики, как и других регионов страны, следует считать, на наш взгляд, растущую в связи с перестройкой и демократизацией общественной жизни, активность участия в общественно полезной творческой деятельности вне сферы общественного производства. Подтверждается высказывание К. Маркса о том, что «вместе с основательностью исторического действия будет расти и объем масс, делом которой оно является» [2, т. 2, с. 90]. Доказательством этого можно считать общественно-политическую активность сельского населения, свыше 50 процентов которого занимается различными видами общественной деятельности.

В связи с тем, что виды общественной работы разнообразны, то и формы выполнения также различны и в силу этого уровень общественно-политической активности отдельных групп сельского населения также различен. Говоря о росте общественно-политической активности сельского населения, следует учитывать и то, что оно связано со стремлением к повышению своего образовательного, профессионального и культурного уровня. Проведенное нами исследование показало, что различными формами повышения образовательного, культурного и профессионального уровня, заочной учебой в высших и средних учебных заведениях, занятиями в сис-

теме партийной и комсомольской учебы, в школах экономических и правовых знаний, в различных народных университетах, на курсах повышения квалификации, в вечерних и заочных школах сельской молодежи, и наконец, самообразованием занимается около половины опрошенного сельского населения /47—48 процентов/. Этот процент значительно повысится, если мы включим тех, кто занимается художественной самодеятельностью и другими видами творческой деятельности. В целом, по нашим материалам, около 5—7 процентов сельского населения определенную часть своего свободного времени отдают занятиям в различных кружках художественной самодеятельности и 3—4 процента — в других любительских кружках.

Следует отметить, что все группы сельского населения принимают участие в той или иной общественно полезной творческой деятельности вне сферы производства. Наибольшей активностью отличаются представители сельской интеллигенции и работники квалифицированного физического труда неиндустриального профиля — рабочие совхозов и колхозники. Если взять возрастные группы населения, наибольшую активность в сфере общественно полезной творческой деятельности проявляет молодежь. Таким образом, система свободного времени отличается сложностью, многофакторностью и многоплановостью [4, с. 51, вып. 6]. Общественно полезная деятельность вне производства постоянно расширяется и развивается. Появляется множество видов, родов и типов ее. Однако изменения в быту, к сожалению, отстают от изменения в политической и экономической жизни общества. Поэтому перед советскими органами стоят большие задачи по улучшению социальной сферы и быта сельчан [5, с. 64—71].

Во вторую группу форм использования свободного времени входит, как мы указывали выше, потребление культурных ценностей, что выражается в первую очередь в просмотре кинофильмов, в посещении концертов, спектаклей и др. По нашим данным, в 1988 г. с целью просмотра кинофильмов, концертов и других мероприятий посетили клубы более 70 процентов опрошенного сельского населения, для прослушивания различных лекций и вечеров и других мероприятий — 25—28 процентов. Как же распределяются показатели посещения сельских клубов и Домов культуры по различным социально-профессиональным группам сельского населения. Определенный процент сельчан — чеченцев и ингушей посещают сельский клуб относительно редко, что объясняется прежде всего бедностью обстановки в этих клубах, невзрачным внешним видом, плохой постановкой работы в них, ее однообразием, несоответствием форм и уровня работы многих сельских клубов и Домов культуры возросшему образовательному и культурному уровню сельского населения. Следует учитывать и то, что за последние годы улучшилась индивидуально-семейная материальная база ин-

точников удовлетворения культурных потребностей, и в структуре свободного времени сельского населения значительное место стали занимать внутрисемейные домашние формы его использования.

Важным резервом роста свободного времени и улучшения его структуры продолжает оставаться сокращение затрат времени в домашнем хозяйстве. П. Н. Федосеев отмечает, что «на ведение домашнего хозяйства и решение бытовых вопросов уходит довольно много времени. Из состава трудовых ресурсов страны примерно 20 млн. человек занято в личном хозяйстве. А если считать всех работающих в народном хозяйстве, то это равнозначно объему труда еще 40 млн. человек. Следовательно, общая сумма домашнего труда по стране эквивалентна труду 60 млн. человек. Отсюда можно судить о том, какая это большая проблема — сокращение затрат на домашний труд, какой громадный эффект могут дать всякого рода даже небольшие улучшения в области механизации и электрификации нашего быта» [6, с. 13—14]. Конечно, за последние годы делается многое по улучшению бытового обслуживания, но тем не менее, как известно, еще очень много времени уходит, особенно у сельского населения на малопроизводительный и тяжелый домашний труд, на поиски нужной вещи, ожидания в очередях и многое другое.

Однако следует сказать, что вместе с переносом тяжести на внутрисемейные формы потребления культурных ценностей происходит переориентация сельского населения на пассивные виды культурного потребления, главным образом, на просмотр телепередач, слушание радио, в то время как основному источнику знаний — чтению, в первую очередь, художественной литературы, с каждым годом уделяется гораздо меньше времени. По нашим материалам, ежедневно телевизор смотрят свыше 70 процентов сельского населения, в то время как художественную литературу читают около 15 процентов.

Свободное время часть сельского населения, особенно районных центров, проводит разнообразно, мало чем отличаясь от городского. По нашим материалам, 10—11 процентов опрошенного сельского населения часть своего свободного времени отводят охоте и рыболовству, 3—4 процента — физкультуре и спорту; свыше 10 процентов — посещению спортивных зрелищ, 30—40 процентов — разным настольным играм и др.

Эти виды отдыха являются преимущественно формой использования свободного времени мужской частью населения, которая имеет относительно больший его объем /величину/.

Известно, что часть свободного времени в нашей стране приходится на выходные дни, которые в общей сложности с праздничными днями и отпусками составляют примерно одну треть дней в году, т. е. в среднем 120—130 дней. Следует сразу же ого-

вориться, что в силу известных социально-экономических причин, значительного различия в образе жизни между разными социальными группами и другими факторами, у разных групп населения количество свободных дней в году и проведение свободного времени не одинаково. Для значительной части населения характерны неустроенность быта, отсутствие нормальных условий жизни и отдыха, продолжительность рабочего времени, относительно низкая оплата труда и многое другое.

В выходные дни население обычно занято теми же видами работы, что и в будни, хотя здесь существенное место занимают прием и поездка в гости (на свадьбы, дни рождения, поминки и др.). По свидетельству опрошенных, этими формами использования свободного времени в выходные дни занято примерно 40—45 процентов населения, самообразованием и учебой — свыше 10 процентов, художественной самодеятельностью и другими видами любительских занятий (посещение кружков, клубов, ДК, чтение художественной литературы и периодической печати) — 15—20 процентов. Наиболее регулярным массовым занятием является просмотр телепередач. Между разными социально-демографическими группами имеются некоторые различия в использовании свободного времени в выходные и будничные дни.

Значительное место в структуре времяпрепровождения вне производства сельского населения занимают общественно-политические праздники, являющиеся неотделимой чертой социалистического образа жизни, а также традиционные праздники, которые утратили свое религиозное значение, но сохранились как коллективная форма использования свободного времени. Некоторые из традиционных праздников, связанных с разными этапами сельскохозяйственных работ (праздники первой борозды, начала сенокоса, урожая и др.), приобрели со временем новый смысл, воспроизвели свою прошлую популярность и стали в своей основе современными праздниками. Согласно нашим опросам, традиционные праздники отмечают свыше 70 процентов сельского населения.

Таблица 1

Отношение опрошенного населения к праздникам

Отмечаемые праздники	Все опрошенное население, человек
Всего	85
Только советские	20
Традиционные	25
Советские и традиционные	40

Во многих семьях сохраняются общесельские, общесемейные и другие праздники, обычаи и обряды.

Как видим из таблицы 1, большинство опрошенного вайнахского сельского населения отмечают советские и традиционные праздники, а из тех, кто отмечает только традиционные, в основном люди старшего поколения.

Эти праздники используются каждым по своему усмотрению и возможностям как для активного или пассивного отдыха, так и различных форм потребления культурных ценностей, или для домашнего хозяйства.

Значительная часть свободного от работы времени сельским населением Чечено-Ингушетии затрачивается на личные подсобные хозяйства. Как показывают исследования, проведенные нами в 1988 г., более половины опрошенного населения затрачивают на работу в приусадебном участке, в домашнем хозяйстве ежедневно до 2—3-х и более часов, а в выходные дни еще больше.

Много свободного времени затрачивается на уход за жилищем. Традиционно вайнахские женщины чистоплотны как в личном плане, так и в целом по уходу за детьми, кухней, что также значительно уменьшает количество свободного времени у них.

Участие родителей в процессе воспитания детей является важной формой использования свободного времени. Значительную часть этого времени занимают совместные экскурсии, помощь в общественных школьных делах, в учебе (в подготовке домашних заданий, впрочем, в последнее время продолжительность этих занятий с детьми значительно возросла).

Отпускное время большинство сельского населения проводит, не выезжая из своего селения, использует его для разных работ в домашнем хозяйстве. Некоторая часть населения выезжает за пределы своего местожительства в гости к своим родственникам, в дома отдыха и санатории (примерно 10 процентов). Довольно значительная (до 70—80 процентов) часть населения в течение многих лет вообще не использовала свое отпускное время для отдыха. Невольно встает вопрос, какова же причина такого положения с охраной своего здоровья сельским населением. Думается, это можно объяснить не только и не столько их занятостью в личном хозяйстве, сколько отсутствием общей заботы об охране здоровья в нашей республике, социальной несправедливостью в распределении социально-экономических благ между селом и городом, между трудящимися и командно-бюрократическим аппаратом, а также неумением рационально с пользой для своего здоровья использовать предоставленное им свободное время.

Итак, объем /величина/ свободного времени у вайнахского сельского населения зависит от длительности рабочего дня и зависимости от него личного подсобного хозяйства. Свободного времени у вайнахского сельского населения относительно меньше, чем

у городского. Из-за его отсутствия значительная часть из опрошенных не читает газет, журналов или читает нерегулярно, не принимает участия в общественной работе, не бывает в театрах и др.

Безусловно, свободное время не всеми используется рационально, однако «неумение» использовать его с большей пользой, хотя это и является немаловажным фактором, нельзя считать единственной или даже главной причиной его нехватки. Материальная база использования свободного времени для досуга еще не в полной мере соответствует растущим духовным и культурным потребностям населения. На формы и характер использования свободного времени и распространение разных видов деятельности существенное влияние оказывают, как отмечено нами выше, объективные и субъективные факторы: наличие материальной базы культуры, уровень организации работы, преобладание тех или иных традиций.

Таблица 2

Форма и характер использования свободного времени

Вид деятельности	Использование свободного времени, %
Общественная работа	13,0
Учеба, самообразование	14,3
Чтение книг, газет, журналов	16,0
Просмотр телепередач, слушание радио	48,0
Посещение кино	20,0
Занятия физкультурой, спортом, охотой	6,5
Участие в худ. самодеятельности	5,8
Посещение и прием гостей	29,5
Пассивный /бездеятельный/ отдых	31,6

Анализ наличных материалов показывает /см. табл. 2/, что общественной деятельностью занимается примерно 13 процентов опрошенного населения и в основном люди, имеющие среднее или высшее образование, служащие и учащиеся. По мере же понижения образовательного профессионально-квалификационного уровня активность падает. Как правило, в сельской местности активность женщин значительно ниже активности мужчин, что объясняется как сохранением традиционного отношения к участию женщин в общественной жизни, так и ее большей занятостью и отсутствием свободного времени. Следует отметить и двойственное отношение к общественной работе сельского населения: с одной стороны, некоторая часть населения не хочет обременять себя и практичес-

ки сторонится ее, не желая тратить свое личное свободное время; с другой, понимая ее значение и необходимость, стараются оправдать себя занятостью производственной деятельностью и домашним хозяйством, неподготовленностью, и др. В современных условиях Чечено-Ингушетии общественной деятельностью начинают заниматься пенсионеры, у которых больше свободного времени. К тому же эта категория не боится «мести» со стороны административных лиц, особенно сегодня, в условиях гласности и демократии.

По данным Госкомтруда СССР, работающая женщина в нашей стране в среднем в своем распоряжении в сутки имеет 2 часа 24 минуты свободного времени; колхозница — 1 час 57 минут. Как же распределяется это время по тем же данным у женщин? На просмотр телепередач и прослушивание радио у городских жительниц и колхозниц в рабочий день уходит 1 час 11 минут /в выходные — в два раза больше/, на чтение газет, журналов и художественной литературы соответственно 18 и 11 минут в день. Загруженные домашними делами, советские женщины редко посещают театры, кино, концерты /7 минут в городе и 4 минуты в селе/. Почти не занимаются спортом /11 минут у городских и 3 минуты у сельских/, каким-либо любимым увлечением /3 минуты у служащих и 2 минуты в день у колхозниц/. На воспитание детей — одной из важных функций семьи — уходит в день у жительниц города и села 16 минут, в выходные дни полчаса [7, с. 8]. Во Франции же работающая женщина имеет, например, возможность заниматься ребенком 2 часа 15 минут в день, в США — 1 час 23 минуты. Больше времени остается у них и на культурный досуг [7, с. 8]. По нашим материалам вайнахская женщина в среднем имеет в своем распоряжении в сутки свободного времени 2 часа 10 минут, из которых воспитанию детей уделяется 1 час 20 минут. Остальное — это учеба, повышение квалификации, чтение книг, просмотр телепередач, слушание радио, посещение и прием гостей и др. В выходные дни это время несколько увеличивается.

Существенным фактором, влияющим на сокращение объема свободного времени вайнахских женщин, является отсутствие или недостаточность предприятий бытовой службы /химчистки, прачечные и др./, а также нехватка или отсутствие детских учреждений. Число мастерских по разным видам услуг в службе быта сельского населения в 1975 г. составляло 459, а в 1985 — 633 [8, с. 97]. В 1988 г. в обследованных нами селениях [9] Чечено-Ингушетии дошкольными и школьными воспитательными учреждениями /детские ясли, детские сады, группы продленного дня/ было охвачено менее 30 процентов детей вайнахской национальности в возрасте от 1 до 11 лет. В городе этот показатель относительно выше. За остальными детьми названного возраста смотрят либо родственники и соседи, либо они предоставлены самим себе /за младшими детьми смотрят более старшие/. В силу названных причин

многие женщины не могут работать, что, естественно отрывает их от общественной и культурной жизни, наносит семье материальный ущерб. Только по этим причинам свыше 20 процентов трудоспособных женщин не заняты общественно полезным трудом.

Под влиянием больших социальных, культурно-бытовых преобразований, происшедших и происходящих в вайнахской семье, меняется соотношение ориентаций на семью, на собственную и общественную жизнь, коллектив.

Переход к малодетной семье, неблагоприятной для общества, совпал с массовым вовлечением женщин в общественное производство. Безусловно, принимались усилия для того, чтобы дать женщине возможность совместить труд и материнство. Но, как известно, сам принцип совмещения виделся чересчур упрощенно, прямолинейно. Система общественного воспитания безоговорочно признавалась более здоровой, эффективной и правильной, чем семейная.

С 1981 по 1983 г. женщины получили право на частично оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком и неоплачиваемый до полутора лет. Возможность подольше «посидеть» с ребенком повлияла на образ жизни женщины. Более половины из опрошенного количества женщин находились в отпуске до полутора лет. Видимо, не случайно, что именно после введения льгот произошли изменения в рождаемости. Так, в 1983 г. число родившихся детей впервые за послевоенные годы достигло 5,4 миллиона /в 1986 г. оно увеличилось до 5,5 миллиона /в целом по Союзу. В республике также произошло увеличение рождаемости.

Исследователи доказали, что полноценная личность не может формироваться вне семьи, только в семье закладывается фундамент физического и психического здоровья. Именно поэтому новые льготы матерям и дали быстрые результаты. Как известно, с 1989 г. сроки частично оплачиваемого отпуска увеличились еще на полгода /до полутора лет/ и неоплачиваемого до 3-х лет. При этом поставлена задача удовлетворить потребность в дошкольных учреждениях, чтобы дети могли развиваться полноценно. Одновременно строятся две новые социальные модели: оптимального образа жизни работающей женщины-матери и оптимального сочетания семейного и общественного воспитания. При этом женщина впервые получает свободу выбора, решая, как ей лучше распределить время и силы. Формируется более мудрое и зрелое отношение к материнству. Скорее всего именно с этим связана и наметившаяся стабилизация семьи.

Однако на практике работницы встречают много различных препятствий. Так, например, не всем матерям с двумя и более детьми до 12 лет удастся использовать двухнедельный неоплачиваемый отпуск или свое преимущественное право отдохнуть летом. Неритмичные работы, сверхурочные рабочие часы, дни — все это

сказывается на здоровье женщин. Администрация колхозов, совхозов, предприятий зачастую не желает утверждать себя поисками таких производственных решений, которые отвечали бы интересам семьи. Женщинам редко удается добиться уменьшения трудовых нагрузок — перейти на полставки, работать по гибкому графику. Вяло, на кустарной технической основе развивается надомный труд. Много жалоб и на детские дошкольные учреждения, главным образом в связи со здоровьем детей. Подсчитано, что в РСФСР временная нетрудоспособность матерей в связи с болезнью ребенка составила 150 миллионов человеко-дней в год.

Во многих сельских районах есть попытки активизировать вовлечение вайнахских женщин в общественную жизнь через организационные формы. Создаются постоянные депутатские комиссии по народному образованию, культуре, быту, которые нередко возглавляют женщины. Кроме этого, создаются и другие общественные комиссии, например, по внедрению новых обычаев и обрядов; здравоохранению и социальному обеспечению; по делам культуры; по торговле и общественному питанию. Организованы комитеты: родительский, уличный; советы старейшин, женсовет содействия семье и школе и др. Приведенные формы общественной деятельности по-разному оказывают влияние на формы и виды общественной деятельности вайнахских женщин.

Говоря о свободном времени сельского населения, следует отметить, что на его величину оказывают влияние и некоторые субъективные факторы, которые во многом зависят конкретно от отдельного человека, его образовательного и культурного уровня, социальной принадлежности, национальных и семейных традиций, а также умения с пользой для себя и общества тратить свое нерабочее время, рациональное и умелое использование которого вместе с уменьшением работы в общественном производстве и домашнем хозяйстве является одним из важных критериев увеличения свободного времени занятого населения.

В целом по всей стране, в том числе и в Чечено-Ингушетии, за годы социалистического строительства произошло не только количественное увеличение свободного времени, но и его качественный рост. Это привело к существенным изменениям содержания и структуры свободного времени у всех народов, классов и социальных групп нашего общества. Общеобразовательный и культурный уровень, создание и развитие материально-культурной базы в республике в целом и в различных населенных пунктах, в частности, а также складывание материально-культурной базы отдельно взятой личности или семьи являются элементами, которые определяют содержание и структуру свободного времени вайнахского сельского населения. В приводимой ниже таблице даны сведения по количеству культурно-просветительных учреждений республики.

Таблица 3

Культурно-просветительные учреждения [8, с. 83]

Количество учреждений	Годы				
	1940	1970	1975	1980	1985
Массовые библиотеки	198	384	459	485	484
В них книг, тыс. экз.	432	4520	5817	7660	8749
Клубные учреждения	285	359	398	425	441
Киноустановки с платным показом	83	341	364	383	393
Театры	4	3	3	3	3
Филармонии	1	1	1	1	1
Музеи	3	2	2	5	7

Примечание. Небольшие селения, в которых нет специальных клубных помещений, обслуживаются передвижными установками, аппаратурой и др.

Как было отмечено, важное место в структуре свободного времени вайнахского сельского населения занимает периодическая печать. Как известно, периодическая печать в идейно-политической и культурно-воспитательной работе среди населения имеет большое значение в смысле удовлетворения культурных потребностей и получения информации. Почти все сельчане выписывают газеты и журналы, некоторые /сельская интеллигенция, служащие, рабочие и др./ по 4—5 и более названий. Увеличение числа личных домашних библиотек и книг в них можно также считать показателем роста индивидуально-семейной основы удовлетворения культурных запросов, как части роста экономической состоятельности сельского населения. По нашим данным, свыше 40 процентов вайнахского сельского населения имеют домашние библиотеки. В основном в них художественная литература, во многих же личных библиотеках имеются и книги по специальности. Кроме того, в каждом селении и районе работают сельские и районные библиотеки, которые посещают почти все социальные и национальные группы сельского населения. Так, например, по данным центральной районной библиотеки ст. Наурской ее посетили в первом полугодии 1989 г. 2196 человек.

Таблица 4

Состав читателей и посещаемость библиотеки ст. Наурской

Год	Всего читателей	Из них		В том числе								по национальности		
		служащие	рабочие	учащиеся	средней школы	выш. уч. завед.	прочие	до 20 лет	от 20 лет и выше	муж.	жен.	русс.	чеч.	проч.
1986	2991	820	912	736	167	335		896	2091	1486	1507	1444	1350	185
1987	3109	618	1114	605	425	307		1131	1969	1464	1639	1583	1433	84
1989	3100	501	1168	817	438	176		988	2112	1468	1632	1544	1399	157
1 полугодие	2196	307	709	947	96	137		1071	1125	1165	1031	1073	1019	51

Книговыдача

Год	Общая книговыдача	Из них						прочая
		естественно-политическая	естественно-научная	техническая, с/х	искусство и спорт	художественная		
1986	48340	10836	4396	8774	4966	13476		6637
1987	42216	6829	4080	5311	5549	11954		975
1988	48160	7549	4403	5780	6099	16983		7346
1989	25468	3318	1603	2164	2418	11874		4091
1 полугодие								

Свыше 40 процентов опрошенного населения села читают. Но здесь следует оговориться, читают люди не всех социальных и возрастных групп /см. табл. 5, 6/.

Таблица 5

Число читающих ежедневно по возрастным группам /процент/

Возрастная группа	Среди опрошенных указанных групп	Из них читающих
18—29 лет	72	55
30—49	63	63
50 и старше	40	12

Как видим из таблицы, среди читающих больше молодежи. Наблюдаются определенные различия в отношении к чтению художественной литературы и периодической печати, между разными социально-профессиональными группами вайнахского сельского населения. Так, наиболее читающей категорией является сельская интеллигенция.

Таблица 6

Число ежедневно читающих в социально-профессиональных группах /процент/

Социально-профессиональная группа	Среди опрошенных указанных групп	Из них читают
Интеллигенция	60	56
Служащие	45	36
Работники квалифицирован. физического труда	39	26
Работники неквалифицирован. физического труда	60	16
Пенсионеры, домохозяйки	48	13

Дома культуры, музеи, библиотеки и другие формы коллективного использования свободного времени играют большую роль в жизни сельского населения республики. В их числе особо следует отметить различные формы работы культурно-просветительных учреждений в распределении свободного времени как всего населения, так и различных его поселенческих, половозрастных и социально-профессиональных групп.

Посещение кино занимает одно из главных мест среди форм использования свободного времени. Осуществляется оно посредством культурно-просветительных учреждений. Так, в обследованных в 1988 г. нами 12 селениях Дома культуры и клубы с целью просмотра кинофильмов посетили более 50 процентов вайнахов. Посетители кино в основном подростки и молодые люди мужского пола. Однако посещаемость кинотеатров с каждым годом уменьшается. Так, по нашим материалам, систематически бывают в кино только 5 процентов опрошенного вайнахского населения. Если выразить в процентах, то частота посещаемости кинотеатров выглядит следующим образом:

Таблица 7

Частота посещаемости	Процент
Почти ежедневно	3—6
1—2 раза в неделю	15
1—2 раза в месяц	14
Еще реже	20
Время от времени	25
Совсем не ходит	20

Представители среднего и старшего возраста почти не посещают кинотеатры. Это, главным образом, можно объяснить распространением телевизоров, вместе с тем и занятостью в домашнем и личном подсобном хозяйствах.

Как показывают наши исследования, определенное место в структуре свободного времени вайнахского населения республики занимают домашние, т. е. внутрисемейные формы использования свободного времени. Главным фактором, который определяет выбор тех или иных форм индивидуального или внутрисемейного использования свободного времени вайнахского населения (без учета общеобразовательного и культурного уровня), является наличие у населения индивидуально-семейной материальной и культурной базы, т. е. личных источников и средств удовлетворения культурных потребностей.

Радио, телевизоры, периодическую печать, художественную литературу мы относим к средствам массовой информации, а музыкальные инструменты, настольные игры, магнитофоны, проигрыватели и другое к средствам удовлетворения культурных потребностей. Телевизор является важным источником потребления культуры и получения информации в сфере внутрисемейной формы использования свободного времени у вайнахского сельского населения республики. В 1988 г. на 100 семей опрошенного вайнахского населения республики приходилось 75 телевизоров, все семьи имеют радио, больше половины радиоприемники, многие магнитофоны. Телевидение открыло дорогу (или, можно сказать, доступ) в музеи и концертные залы, сделало общественно-политическую информацию небывало наглядной, выразительной, доходчивой. Советские люди, в том числе и вайнахское сельское население, отдают домашнему экрану в среднем 1—2 часа в будни и 2—4 часа в выходные дни. К сожалению, во многих селениях радио не работает, в то время как по радио бывают интересные передачи о воспитании, традициях прошлых и настоящих и многое другое.

Показателем роста культурного уровня сельского населения можно считать и наличие в личном пользовании музыкальных ин-

струментов (пианино, гармонь, гитара и др.), а также других средств удовлетворения культурных потребностей. Эти средства имеют свыше 40 процентов опрошенного сельского населения.

В целом следует отметить, что в структуре свободного времени вайнахского сельского населения, т. е. в сфере потребления культурных ценностей в силу объективных и некоторой степени субъективных факторов происходит перенос основной нагрузки на домашние, внутрисемейные и индивидуальные формы потребления духовных ценностей. С другой стороны, происходит переориентация вайнахского населения на пассивные формы потребления (телевидение), уменьшение за этот счет отводимого чтения времени. Таким образом, распространенность тех или иных видов потребления культурных ценностей и получения определенной информации в структуре свободного времени объясняется степенью развитости и массовости самих видов информации и культуры, существованием материальной и культурной базы, качеством работы культурно-просветительных учреждений в населенных пунктах республики, а также ориентацией сельского населения на те или иные виды и формы потребления культурных ценностей.

Подводя итог сказанному, можно сделать выводы: структура свободного времени опрошенного сельского населения при учете уровня распространенности среди него разных форм использования свободного времени распределяется на группы:

- общественно полезная творческая деятельность;
- потребление культурных ценностей;
- активный отдых;
- пассивный отдых;

Домашние или внутрисемейные формы использования свободного времени являются главными. При этом в использовании свободного времени, т. е. в формах и методах, бытуют различия в отношении социально-профессиональных половозрастных групп.

Для сельского населения республики проблема увеличения свободного времени остается одной из главных, требует существенно внимания партийных и советских органов и работа культурно-просветительных учреждений республики, особенно сельских. Безусловно, совершенствование структуры свободного времени сельского населения будет определяться дальнейшим повышением образовательного и культурного уровня, развитием и совершенствованием системы и средств массовой информации и удовлетворением культурных потребностей, поднятием уровня работы культурных учреждений.

Таким образом, свободное время является неотъемлемой частью образа жизни. Общий уровень культуры населения оказывает существенное влияние на характер проведения свободного времени. В свободное время человек выполняет разные виды деятельности, используя его не только для отдыха и развлечений. Вместе

с тем, в проведении досугового времени имеются значительные недостатки, связанные с работой культурных, спортивных, зрелищных и других подобного рода учреждений. Как известно, их материальная база также не соответствует запросам современного сельского населения.

Изучение свободного времени сельского населения Чечено-Ингушетии показывает возрастающую роль в образе жизни духовной культуры. Анкетные данные выявили взаимосвязь и взаимобусловленность нравственно-эстетического, образовательного и идейно-политического уровня развития человека и степени его социальной и общественной активности. Половозрастные, социально-профессиональные различия и образовательный уровень также оказывают существенное влияние на характер общественной деятельности и, как было отмечено, в общественной жизни мужчина более активен нежели женщина. Видимо, такое явление следует объяснить традиционной психологической установкой, хотя имеет влияние и большая занятость женщин.

Изучение свободного времени показало расширение форм и способов его проведения в наши дни. Оно /свободное время/ показывает действительное взаимоотношение в коллективе, социальное и национальное равенство людей, умение удовлетворять духовные потребности. Оно является необходимой частью при восстановлении сил, подъема уровня духовного и физического развития личности. Изучение свободного времени выявило и некоторые особенности. В его использовании преобладают индивидуальные формы удовлетворения культурных потребностей над общественными. Среди индивидуальных форм выделяются просмотр телепередач, прослушивание радио, магнитофонных записей, чтение книг, что объясняется отсутствием широкого выбора видов общественного досуга на селе. Из активных форм общественного досуга практическое распространение имеют художественная самодеятельность, и то от случая к случаю в большинстве Домов культуры. Посещение кино является среди форм общественного досуга относительно распространенной формой. На втором месте можно считать прием гостей и посещение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25.
2. Нами использованы и анализируются полевые и статистические материалы сельских Советов, Домов культуры, библиотек, райисполкомов, а также материалы, собранные в результате заполнения этносоциологической анкеты, составленной автором в разных районах республики в 1985—1989 гг.
3. Хасбулатова З. И. Формы хозяйственной взаимопомощи у чеченцев и ингушей в дореволюционном прошлом // Хозяйство и хозяйственный быт народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1983.
4. Болов В. И. Категория времени в социальном измерении и проблемы экономики времени // Социальные исследования. Вып. 6, М., 1970.
5. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему улучшению жилищных и коммунально-бытовых и социально-культурных условий жизни сельского населения» // Забота партии и правительства о благе народа. Сборник документов, ч. 2. М., 1985.
6. Федосеев П. Н. Социологические исследования в СССР // Социальные исследования. Вып. 2. М., 1986.
7. «Аргументы и факты», 1989, № 35.
8. Чечено-Ингушская АССР за годы одиннадцатой пятилетки. Грозный, 1986.
9. Селения: Кошкельды, Герзель, Комсомольское, Исти-Су, Толстой-Юрт, Старая Сунжа, Шали, Герменчук.
10. Социалистический образ жизни. М., 1980.
11. Статистические материалы Центральной районной библиотеки.

С. А. Хасиев

СКОВОДСТВО У ВАЙНАХОВ ПО ЭТНОГРАФИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ

Выдающийся советский генетик и селекционер академик Н. И. Вавилов высоко ценил Кавказ за чрезвычайные богатства генофонда, за знания, навыки и приемы хозяйствования, накопленные здесь сотнями поколений [1, с. 7].

Кавказ он относил к переднеазиатскому очагу происхождения культурных растений [2, с. 184]. В последние годы эти выводы академика Н. И. Вавилова подтверждены рядом археологических и этнографических исследований, где Северный Кавказ и его древнее население оказались не провинцией Эйкумены, а участником неолитической революции [3, с. 120—153; 4, с. 7—14; 5, с. 154—181; 6, с. 7—19]. В своем дальнейшем развитии наш регион приобретает некоторые своеобразные черты хозяйствования, обусловленные наличием вертикальной зональности [7, с. 46—60].

До III тыс. до н. э. явно оседло-земледельческое население сосредотачивается в предгорной зоне, где в хозяйстве преобладают

свиноводство, крупный и мелкий рогатый скот [8, с. 307—308]. К этому времени в данной зоне мало-мальски пригодные для пахенной обработки площади уже были освоены, интенсивно используются для летнего выпаса горные луга, а для осенне-весенних выпасов — прилегающие к региону степные просторы. Однако наличные природные ресурсы оказались не в состоянии обеспечить возросшее количество населения и, по-видимому, это явилось одной из причин, по которой, как считают специалисты, часть населения Кавказа ушла в евроазиатские степи [9, с. 23—26]. Все это со всей очевидностью показывает некоторую искусственность попыток сведения традиционных форм скотоводства народов, проживающих в различных природно-климатических условиях, в единые теоретические рамки. Время, исторические события, природно-климатические условия обуславливали свои особенности, определяли для каждого народа, исходя из конкретно сложившейся обстановки, свои специфические черты содержания животных.

Данная статья не претендует на полноту рассмотрения проблемы, так как не выявлены должным образом и не обработаны все этнографические материалы, характеризующие особенности приемов и методов ухода, содержания и выпаса животных, не определена типологическая классификация зарождавшихся и утвердившихся в определенной исторической, политической, культурной и хозяйственно-географической средах форм и типов скотоводства. Не рассматривается экономическая выгода животноводческой отрасли, ее влияние на социальную организацию общества. В статье даются общие представления о развитии скотоводства у вайнахов в прошлом.

Автор приводит историографию вопроса, описывает систему ведения животноводства, в какой-то мере затрагивает и экологический аспект проблемы. Актуальность поставленной проблемы не подлежит сомнению. Интерес ученых к общетеоретическим и практическим вопросам ведения животноводства все более возрастает, ибо не весь багаж знаний, умений и навыков, накопленный предшествующими поколениями, стал реальным достоянием каждого специалиста, руководителя и рядового животновода.

Прежде чем приступить непосредственно к историографии, необходимо сказать несколько слов, имеющих прямое отношение к историческим трудам по животноводству. Многие исследователи, в прошлом занимавшиеся этой проблемой, не рассматривали ее глубоко, пренебрегая опытом, недооценивая знания прошлых поколений [10, с. 123]. Отсюда сложилось убеждение, что прогрессом в животноводстве является содержание скота под одной крышей наподобие станков, а все остальные формы ведения животноводческого хозяйства устарели и не достойны серьезного изучения. Поэтому почти все историки, в той или иной мере затрагивавшие вопрос о животноводстве вайнахов в прошлом, называли его эк-

стенсивным, забывая о том, что скот по своей природе все же относится к отряду жвачных и его выпас есть наиболее целесообразное использование как естества самих животных, так и природных ресурсов [11, с. 61].

Традиционное скотоводство привлекает к себе внимание издавна. Занимались этим вопросом географы, специализирующиеся в областях исторической географии и антропогенного ландшафтоведения [12], изучающие вопрос влияния географической среды на то или иное хозяйство и хозяйственного воздействия на природу, но лишь недавно стали задумываться над аспектом: каково влияние уже измененной в значительной степени человеком природной среды на дальнейшее развитие хозяйства [13].

Историография вопроса не знает работ, специально посвященных вайнахскому животноводству. В дореволюционной этнографической науке этому вопросу не придавали должного внимания из-за методологических просчетов, исследователи послеоктябрьского периода унаследовали от буржуазно-дворянской историографии воззрение, что у горских народов, находившихся якобы в своем развитии на уровне патриархально-родового строя, а то и первобытнообщинного состояния, не может быть интересного опыта ведения хозяйства.

Тем не менее большинство работ как дореволюционного, так и советского периода, не обходится без упоминания проблемы развития скотоводства у вайнахов. Все это, вместе взятое, не оставляет сомнений, что животноводство — явление традиционное, имеющее древние корни и одно из ведущих направлений в хозяйстве чеченцев и ингушей.

Нет, по-видимому, необходимости называть здесь всех авторов, по тому или иному поводу упоминавших о занятии скотоводством вайнахов. Остановимся лишь на тех, которые, на наш взгляд, внесли в разрабатываемую проблему свою лепту.

Первое упоминание в русских письменных источниках о животноводстве вайнахов относится к самому концу XVI в. [14, с. 62—65]. Аналогичные косвенные данные встречаются и в начале XVII столетия. Не случайно, в перечне имущества бежавшего из Терков окочанина Батая упоминается «быков, коров и овец множества» [15, с. 524—527]. А князь Сунчалей Черкасский за жеребца взыскивает с трех окочан 50 коров и быков [15, с. 95]. Все это лишнее раз доказывает, что преобладание в стаде плоскостных чеченцев и ингушей крупного рогатого скота в дореволюционный период — явление далеко не случайное.

Интересующие нас сведения имеются в трудах И. Гюльденштедта [16, с. 80], Я. Штелина [17], Голенищев-Кутузова [18], А. И. Аквердова [19], Фалька [20], И. Норденстамма [21, с. 304], А. Берже [22, с. 34], Д. А. Милютина [23, с. 169].

Ценность в этом отношении представляют и сведения С. Броневского [24, с. 176], А. И. Буцковского [26, с. 24], Р. Ф. Розена [26, с. 282—285], Н. Ф. Дубровина [27, с. 381].

Особенно плодотворной по количеству работ, посвященных вопросам вайнахского хозяйства, в том числе и животноводству, правда, не специального характера, оказалась последняя треть прошлого столетия. Это работы У. Лаудаева [28], И. М. Попова [29, 30], А. П. Ипполитова [31], Н. Ф. Грабовского [32], Головинского [33], Г. А. Вертепова [34], Е. Максимова [35] и других, которые помогают более полно представить себе картину вайнахского скотоводческого хозяйственного быта того времени.

Большой интерес вызывает труд Н. С. Иваненкова [36, с. 57 и сл.], в котором рассматриваются сложные в горных условиях вопросы пастбищ и сенокосов. Заслуживает внимания работа И. Пантюхова [37; 38; 39]. Качественно на новом уровне встают вопросы хозяйства вайнахов перед исследователями уже в советский период. Хотелось бы отметить работы Г. Мартиросяна [40], В. П. Христиановича [41], А. Бальшина [42].

В 60-х гг. XIX в. появляются работы известных историков, которые хотя и не ставили перед собой задачу рассмотрения обозначенной нами проблемы, тем не менее в их трудах имеются упоминания о состоянии вайнахского животноводческого хозяйства. Это труды А. Фадеева [43], Н. П. Гриценко [44], Волковой Н. Г. [45], Е. Н. Кушевой [46], Б. А. Калоева [47]. Из наших современников и земляков в той или иной мере этот вопрос затронут в работах Т. А. Исаевой [48], Ш. Б. Ахмадова [49], Г. А. Гантемировой [50]. Ценные материалы содержатся в книге А. С. Сулейманова [51].

Из этнографических работ в первую очередь следует остановиться на работе Б. В. Гамкрелидзе [52], посвященной вопросам теории скотоводства горной Ингушетии. Интересный материал, касающийся различных аспектов нашей темы, имеется в Кавказском этнографическом сборнике, выпущенном грузинскими этнографами, работавшими ряд лет в горной Ингушетии. Экспедиции возглавляли И. А. Робакидзе и Р. Я. Харадзе [53]. Огромную методическую помощь оказали автору этих строк фундаментальный труд В. М. Шамиладзе [54], работы Ю. И. Мкртунян [55], М. О. Османова [56], А. Н. Ямокова [57], который заострил внимание на экологическом аспекте животноводства тюркоязычных народов Северного Кавказа.

Много материала по поднятой нами проблеме в последнее время публикуется в журнале «Советская этнография».

В лексиконе чеченцев и ингушей издавна в употреблении были такие слова, как: овца — устагI, ягненок — Iахар (до 6 мес.), до 1 года барашек — цленто, баран — ка, отара — жа, овчарня —

жела, чабан — женIу, овчарка — жIаьла, шкура — кхакха, руно весенней стрижки — кан, осенней — тха и т. п. Теленок — эса, корова — йет, телка — шинара, бычок — старгIа, вол — сту, стадо — бажа, пастух, — бежан Iу, коровник — божал, шкура — наьI, кобыла — кхел, лошадь — говр, жеребец — айгIар, жеребенок — бекъа, косяк — рема, конюшня — беда, шкура — совра, коза — газа, осел — вира, верблюд — эмкал, буйволица — гомаш и др.¹

Как видно из этой краткой терминологической справки, у вайнахов разводились почти все виды домашних животных. Крупный рогатый скот на Кавказе имел единые генетические корни [54, с. 73, 121, 171] и представлял, во всем своем многообразии, единую деривационную разновидность горного скота. В Чечено-Ингушетии в предгорно-равнинной части разводили скот тигровой масти — торгIала, черной или светло-серой с белыми мордочками — тайша, которая в свою очередь подразделяется вайнахами по строению рогов на красную породу с короткими загнутыми вперед рожками и темной окраски с загнутыми внутрь и вперед рогами. Кстати, если судить по фотографиям, картинкам и рисункам, представленных нашими информаторами [60], по строению рогов, тигровая порода ближе к испанской, а светло-серой масти — к южно-русской или украинской породам.

Основной особенностью вышеперечисленных пород крупного рогатого скота, за исключением светло-серой крупной, являлось то, что они были приспособлены к перегонам по вертикальной зональности, что достигалось, естественно, за долгие века [55, с. 124 сл.].

Широкое распространение у вайнахов получило буйволоводство. Молоко буйволиц отличалось жирностью. Буйволы высоко ценились в качестве тягловой силы. Они, к тому же, неприхотливы к качеству корма. В прошлом буйволы были нескольких разновидностей, в наши дни встречаются изредка буйволы со звездочкой и белым концом хвоста.

Еще большую дифференциацию в породности получило на Кавказе овцеводство. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что почти каждый из аборигенных этносов Кавказа издревле разводил свою породу овец — карачаевская, кумыкская, дагестанская, грузинская, чеченская, осетинская и многие другие [61, с. 8—14].

¹ По мнению кандидата филологических наук, языковеда Я. С. Вагапова в терминах «жа» — «бажа», что означает лишь «крупные, рослые овцы», нашел отражение порядок одомашнивания [59].

У вайнахов также имелось несколько своих пород овец — чеченская черная, полукурдючная [62], хилдехаройская [63, с. 93], а также тушинская порода — даца — баца [64].

Черная полукурдючная разводилась в основном из-за шкурки — смушки — чола холхаз, которая в отличие от бухарского коричневого каракуля, имела угольно-черный цвет и большую ворсистость [65]. Правда, начиная где-то с 80-х гг. прошлого столетия широко вошел в употребление, особенно для изготовления национальных головных уборов, бухарский каракуль, значительно потеснивший на местном рынке черную смушку [66]. Мясо полукурдючной овцы по своим вкусовым качествам ценилось очень высоко в народной медицине. Оно, как и бульон, рекомендовалось людям, перенесшим тяжелую и длительную болезнь, а также слабым детям [67].

По своим размерам эта овца отличалась миниатюрностью, правильными пропорциями и исключительной чистоплотностью. Недаром ее сравнивали с кошкой (цициго а ца лоха нохчайн устало санна цѐна меттиг) [68].

Хилдехароевская порода, названная по имени исторического чеченского общества Хилдехарой, где в основном и разводилась данная порода, отличалась крупными размерами и большими приподнятыми курдюками, по своей конфигурации напоминала тушинскую, с характерными коричневыми щечками. Шерсть ее ценилась выше признанной на Кавказе тушинской. Она была эластичной [63, с. 93]. Эту породу овец можно назвать мясо-молочно-шерстной, так как и молоко отличалось особым вкусом и жирностью. Как сообщают наши информаторы, не было на земном шаре другой такой овцы, чье молоко было бы столь привлекательного бледно-алого цвета. Особым деликатесом считалась и брынза, приготовленная из этого молока по особому рецепту [69].

Овцы этой породы по цвету руна бывали самых разных оттенков: темно-серые, коричневые, рыжие и другие, но как пишет А. С. Сулейманов, «... никогда не белые» [63, с. 93] и добавим — не черные.

Третья порода, широко известная в литературе под наименованием тушинская, была у вайнахов синонимом овцы вообще даца — баца [70, с. 51] и распространена здесь с незапамятных времен. «Ее высокие хозяйственные и биологические свойства во многом способствовали попеременному использованию низинных и горных пастбищ в определенных географических условиях, что являлось одним из характерных признаков перегонного овцеводства», — пишет грузинский исследователь В. М. Шамиладзе [55, с. 712].

Тушинская овца, средняя по величине, отличается вкусным мясом, молочностью и высоким качеством шерсти. Характерной чертой ее является также выносливость и приспособленность к верти-

кальной зональности. Овцы тушинской породы всегда белой масти. В литературе высказано мнение, что чистую породу тушинской овцы вывел в XIX в. Джабо Цицкаришвили из села Земо Алвани [55, с. 173].

В. М. Шамиладзе справедливо отмечает, что селекционно-племенная работа овцеводов «...существенно отличается от процессов подбора и выведения... крупного рогатого скота и целиком ложится на пастуха...» [55, с. 172—173]. «Племенные валухи тушинской овцы, — пишет далее исследователь, — подбирались по признакам конституции, темперамента, продуктивности, жизнеспособности и приспособленности к окружающим условиям. Внимание обращалось даже на такие детали, как длина и густота шерсти, цвет глаз и другое» (а по нашим материалам на конфигурацию рогов, курдюка и др.). В вайнахском эпосе особо подчеркивается ее белый цвет [70, с. 57].

Кавказская овца, происходившая от переднеазиатской дикой овцы, известной еще в эпоху энеолита, в дальнейшем разделилась на две ветви. Одна ветвь — длиннохвостая, бескурдючная овца с полугрубой и грубой шерстью в процессе domestikации сформировалась в древнеколхидскую породу с полумяжкой и мягкой шерстью, в которую объединены и другие кавказские подвиды: имеретинская, дагестанская, карачаевская, осетинская, древнеурартская. Вторая ветвь — кавказские овцы с грубой шерстью и курдюком: валахская, кемшинская, тушинская, карабахская. Генетики их связывают с известной породой Юго-Восточной Европы — цакаллей [55, с. 283, 304].

В. М. Шамиладзе склоняется к мнению, высказанному И. А. Джавахишвили о том, что появилась она во времена Шота Руставели, и утверждает, со ссылкой на него, что тушинская порода произошла от древнеколхидской тонкорунной, с чем вряд ли можно согласиться. Последний процесс будто бы длился от раннего средневековья до позднефеодальной эпохи [55].

Если в формировании тушинской породы и участвовали длиннохвостые овцы, то скорее всего — подвиги древнеурартского.

Нам представляется, что тушинская порода овец сложилась в более южных районах, нежели район нынешнего проживания тушин, о чем свидетельствует и вайнахский эпос [70, с. 61—62], в специфических условиях так называемого храмового содержания [71, с. 43] и, естественно, в единой этнической среде. Это будет очевидным, если признать, что тушины относятся в этом плане к хурито-урартской этнической среде. Кроме того, сама эта среда знала, по-видимому, подразделение категории животноводов, содержащих скот в пределах населенных пунктов — туьша-боцой, и тех, кто большую часть жизни проводил за пределами населенных пунктов с так называемым отгонным скотоводством — цлу-бацой [70, с. 62]. В связи с этим возникает мысль, что именно с этим факто-

ром связано большое отдаление от первоначального дикого переднеазиатского предка длиннохвостой породы, на которой больше сказалось влияние человека, потому что эта порода содержалась при населенных пунктах. Вторая же курдючно-грубошерстная отгонная, находилась за пределами села и потому не потеряла своих первоначальных качеств.

Помимо коров и овец, чеченцы и ингуши разводили коз и лошадей. При каждой отаре имелось небольшое количество коз. В Ножай-Юртовском районе, где овцы в силу специфических условий не выживали, разводили в основном коз. Их принадлежность к какой-либо породе сейчас, в силу их исчезновения, трудно установить. Известно только, что были они среднего размера, красноватого оттенка с небольшими рожами. Разводили их больше из-за вкусного мяса, нежели из-за пуха и молока.

В XIX в. на пастбищах чеченцев и ингушей содержались стада лошадей разной породы, например чеченской горной породы. Лошадь этой породы высоко ценил Имам Шамиль. Лошадь была на вид неказиста, но выносливость, резвость и умение «скалолазания» делали ее незаменимой в горах. В предгорно-равнинной зоне использовались в своем большинстве лошади равнинных пород. Среди них популярны были разводимые у кабардинских и адыгейских конезаводчиков Лоова и Шолоха [72].

В Притеречно-плоскостной зоне, вплоть до отрогов Черных гор, изредка встречались ослы и верблюды. Последние использовались в качестве тягловой силы, особенно при вспашке земли.

Остановимся теперь на приемах и методах ведения скотоводческого хозяйства, включающих в себя систему кормления и содержания скота зимой и летом.

Еще на рубеже веков, когда комплексная связь горы — равнина оставалась расчлененной, Н. С. Иваненков, человек чрезвычайно наблюдательный, хотя и не специалист, заметил: «...Домашний скот чеченцев... разделяется по степени нужды его для текущего хозяйства и жизни семьи... на 2 разряда: во-первых, рабочий скот..., нужный для пахоты и возки хлеба и сена к жилищам с полей и покупного хлеба с плоскости, и дойные коровы, овцы и козы для продовольствия семьи и, во-вторых, гулевой скот, к которому причисляются все остальные животные, составляющие так сказать постоянный запас.

Первые животные держатся при селениях и постоянно пригоняются на ночевку домой.

Второй, то есть гулевой скот находится, по возможности, всегда в отгоне на стороне, на запольных землях своего или даже чужого селения» [36, с. 84].

Следует заметить, что этот принцип деления наличного поголовья скота и основанного на нем содержания животных дожил до наших дней, зародившись в глубокой древности, и имеет тен-

денцию к самовозрождению при самом мало-мальском восстановлении связи горной зоны с равниной.

Это разделение скота на два разряда — рабочий и гулевой — основывалось на глубоком знании природных ресурсов высокогорий и равнин, на базе которых длительное время развивалось животноводство вайнахов. Об этом подробно сказано О. В. Маргграфом [73, с. 24]. В теплое время года на альпийских и субальпийских лугах, обладавших большими кормовыми ресурсами, находилось значительное количество рабочего и гулевого скота. С приходом холодного периода население вынуждено было избавляться от большей части поголовья скота: продавать, забивать на мясо из-за невозможности прокормить его в стойлово-зимний период содержания.

В степных же районах из-за природно-климатических условий — сильной жары, отсутствия осадков, когда выгорали травы, — животноводство не могло развиваться в полной степени.

Зона предгорий с ее мягким благодатным климатом, сравнительно небольшими, по сравнению со степными просторами, равнинами, с плодородной почвой, достаточным количеством систематически выпадающих осадков, дополняемых орошением из многочисленных ручьев, родников и рек, всегда была житницей и местом притяжения излишков населения из смежных с ней зон. Здесь на пашне выращивалась пшеница, а солома шла на корм скоту. Летом выкашивалось в необходимых количествах сено для зимнего запаса. Все это делало зону местом сосредоточения на зиму огромного количества скота. Овцам и козам здесь вообще было благодатно на густом лесном подлеске. Зимой в случае гололеда вайнахи загоняли скот в лес, чабан сбивал длинной палкой лед с наклонившихся под его тяжестью крон лещины, затем подрубал их, молодые побеги с сочными сережками съедались животными с удовольствием.

Крупный рогатый скот также подкармливался в лесу, но для него сбивали паразитировавшие в основном на больших грушевых деревьях вечнозеленые растения — омелу-корсам.

Независимо от зональности животные первого разряда летом выпасались на присельских пастбищах — бежан аре и каждый вечер пригонялись к своим хозяевам. Время пригона стада в населенный пункт строго регламентировалось — суьренний-маьркъижний юккъехъ.

Сельские выпасы в зависимости от наличных возможностей подразделялись на отдельные участки, на которые выпускался скот в строго определенной очередности — рагI. Сначала пасется крупный рогатый скот, который не берет траву после копытных, пока не исчезнет их специфический запах — хьожу, затем лошади, после них овцы и козы.

Каждый вид скота в свою очередь формировался в гурты по

функциональному, половозрастному признакам, устанавливался порядок выпуска скота на участок. Сначала, например, выпасались дойные коровы, за ними рабочий скот, нетели, затем бычки. Самый ближний к населенному пункту участок, как правило, отводился для телят-сосунков и назывался он «дышни».

Идентичной была очередность выпаса мелкого рогатого скота. Каждый хозяин, по мере своих возможностей держал постоянно в подворье одну или нескольких овец, на случай приезда гостей, и верхового коня.

Возвращавшийся вечером скот, особенно дойный и рабочий, подкармливался свежей травой — мохь биллара. Крупный и мелкий скот имел каждый свой загон — соответственно дахкерт и женакерт. Лошадей на ночь привязывали.

Случалось, что хозяин приобретал на рынке корову или вола, которые в первые дни отказывались отправляться со стадом на пастбище. В этом случае, скотину некоторое время держали дома на привязи, с каждым днем уменьшая дозу выдаваемого корма. Такую скотину могли вывести и за околицу села, и привязать к забитому колу на длинной веревке. Если же кто-нибудь из детей был свободен, то ему поручали пасти скотину на поводке.

По терминологии Н. С. Иваненкова, в хозяйствах вайнахов преобладал в основном скот второго разряда (гулевой), который почти круглогодично находился за пределами пастбищ населенного пункта — баца бууш. Поэтому требовались опыт и навыки чабана. Он должен был прекрасно быть осведомленным о состоянии вверенного ему поголовья скота, ориентироваться на местности, хорошо разбираться в кормовых травах, знать сроки их роста и созревания, влияния на все это сложившихся конкретных погодных условий. К тому же, обладать завидными, как называли бы это сейчас, экологическими навыками.

Предъявляла к чабану высокие требования и общественность. Он обязан был каждый вечер менять место ночевки, что исключало возможность постройки даже подобия шалаша, не имел права подниматься вверх на выпасах по одному и тому же следу. Каждый следующий гурт, выпасаясь, поднимался по склону вверх или спускался вниз обязательно перпендикулярно движению предшествующего. В целом при выпасании животных, разбитых по гуртам, образовывалась сложнейшая орнаментальная сетка, круг, спираль и др.

Перемещение скота на Северном Кавказе, если сопоставлять с общепринятыми географическими природными зонами, было зеркальным: в теплое время скот второго разряда двигался на юг, поднимаясь в горы, занимал там строго отводимые для каждого из расчлененного подразделения ярус. Маршруты определялись меридионально вытекающим из гор рекам и каждому из таких

ущелий соответствовал на р. Терек свой брод. Так, например, перегоняемый на равнину скот по Дарьяльскому ущелью в районе г. Орджоникидзе направлялся в две стороны: один уходил в Кабардино-Балкарию и далее в степи, а другой переправлялся через р. Терек в районе нынешнего г. Моздока и далее на север, чтобы с наступлением жары или холода повернуть на юг в сторону гор. Точно такое же перемещение скота происходило по всем ущельям: скот, двигавшийся по р. Ассе, переходил р. Терек в районе с. Знаменское, по р. Аргун у станицы Червленной, по р. Гумс и Хулло по броду у нынешнего с. Брагуны, из ущелья Ясси у г. Кизляра.

Перемена мест ночевки, сложная система выпаса животных способствовали реальному сбережению пастбищ, противоэрозийности, «противотропинчатости». Каждый чабан обязан был ежедневно уничтожать по 63 кочки — иблисан мирза бен, что противодействовало реальному заочкариванию пастбищ. Из ежегодно разбиваемых 11 выпасных участков — два обязательно объявлялись запретными — йихкина, за нарушение с виновного взимались огромные штрафы [74, с. 57].

Природосберегающая система ведения животноводства на Кавказе, в том числе и у вайнахов, предполагала превосходное знание природы самих животных, а также естественных кормовых ресурсов. На многолетнем собственном опыте вайнахи знали, на каком из участков, когда и сколько голов различного рода скота можно выпасать, причем, без ущерба для участка. Они не допускали также долговременный заброс участка без должного его использования, так как это вело к снижению его кормовой продуктивности, засорению сорными или ядовитыми растениями.

Забота о природной среде проявлялась и в том, что на Кавказе при отарах не использовались овчарки так, как, например, в Средней Азии — для загона, поворотов и др. Не случайно об этом не упоминается в трудах В. М. Шамиладзе, Ю. И. Мкртумян и М. О. Османова. Собаку здесь держали лишь для охраны животных. На первый взгляд этот незначительный факт также свидетельствует об отношении к природной среде. Ведь бегущая отара своими копытами способна, по мнению наших информаторов, значительно нарушить поверхностный слой почвы, особенно, если отара в панике. Поэтому-то за р. Терек на степных выпасах вайнахи не выпускали даже подкованных лошадей.

К сожалению, во второй половине и особенно в последней четверти XIX столетия антропогенное воздействие за Затеречные степи усилилось в связи с интенсивным использованием пастбищ богатыми овцеводами — тавричанами. И уже ими был оговорен новый срок аренды — до 6 лет [57, с. 29], что способствовало значительному эрозированию угодий. Следует сказать, что и в наши дни продолжается непомерная эксплуатация земель, поэтому необходимы срочные и действенные меры.

Создались неблагоприятные условия и на альпийских и субальпийских лугах. Эти угодья также теряют свои качества не только от увеличения выпасаемого на них количества скота, но и от его недостатка. Царская администрация в своих корыстных целях проводила укрупнение населенных пунктов в предгорьях, для удобства надзора [44, с. 76] и всячески способствовала переселению горцев на плоскость, нередко и насильственным путем. Опустошались горы, народ спускали на плоскость.

О бережном отношении вайнахов к природе говорит и другой факт. На каждом выпасе строго регламентировалось определенное количество поголовья. Для дойных коров, например, оптимальным считалось 50—70 голов при 2-х доярках. В отаре содержалось 200—250 овцематок при 3-х чабанах в период сыроварения. Увеличение поголовья, как сообщали информаторы, приводило к менее интенсивному усвоению травостоя, падению продуктивности и др.

Вайнахи бережно относились к самим животным. При дойке, что делали только мужчины, несмотря на трудоемкость этого процесса, вымя, доили одной рукой. Такого приема за пределами Чечни и Ингушетии не зафиксировано.

Таким образом, в заключение можно сделать вывод, что у вайнахов в прошлом существовала определенная система содержания крупного и мелкого рогатого скота. Применялось два метода — стойловый и отгонный. Отары подбирались по половозрастному, функциональному признакам. Рационально использовались кормовые ресурсы. Из-за ограниченности пастбищных угодий строго регламентировалось чередование выпаса. Все это позволяло увеличивать число животных, не нанося ущерба природе, не засоряя леса и пастбища.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вавилов Н. И. Проблема происхождения мирового земледелия в свете современных исследований. М.-Л., 1932.
2. Вавилов Н. И. Избранные сочинения. Генетика и селекция. М., 1966.
3. Котович В. Г. Проблемы культурно-исторического и хозяйственного развития населения древнего Дагестана. М., 1982.
4. Гаджиев М. Г. Древнее земледелие и скотоводство в горном Дагестане//Северный Кавказ в древности и в средние века М., 1980.
5. Амирханов Х. А. Чохское поселение. М., 1987.
6. Агларов М. А. Террасная система земледелия в зоне доместикации растений (Хозяйство народов Дагестана в XIX—XX вв). Махачкала, 1979.
7. Рыжиков В. В. География Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1967.
8. Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.
9. Гаджиев М. Г. Горы и степи в эпоху раннего металла (по данным археологии Северо-Восточного Кавказа)//Душетская научная конференция, посвященная проблеме взаимоотношений между горными и равнинными регионами (Аннотация). Тбилиси, 1984.

10. Измайлов Р. Восхождение//Дон. — Ростов-на-Дону, 1984, № 10.
11. Овчинникова М. И. К истории уравнительного распределения земли в Чечено-Ингушетии в 1918—1922 гг.//Известия ЧИНИИЯЛ. Статьи и материалы по истории Чечено-Ингушетии Т. VI. Грозный, 1965.
12. Жекулин В. С. Историческая география Л., 1982; Куракова Л. И. Антропогенные ландшафты. М., 1976.
13. Герасимов И. П. Человек и среда. Современные аспекты проблемы//Изв. АН СССР. Серия геогр. № 1, М., 1971.
14. Белокуров С. А. Сношение России с Кавказом. Вып. 1 М., 1889.
15. Кабардино-русские сношения в XVII—XVIII вв. Т. I, М., 1957. № 60.
16. Гюльденштедт И. А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа. СПб., 1809.
17. Цит. по кн.: Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII — нач. XIX в. М., 1974.
18. Географический месяцеслов на 1772 г.
19. Ахвердов А. И. Описание Дагестана XVIII — XIX вв. М., 1958.
20. Записки путешествий акад. Фалька (Полное собрание путешествий по России). Т. VI. СПб., 1824.
21. Нордестам И. И. Описание Чечни со сведениями этнографического и экономического характера//Материалы по истории Дагестана и Чечни. Т. 3, ч. I. Махачкала, 1940.
22. Берже А. П. Чечня и чеченцы. Тифлис, 1859.
23. Милютин Д. А. Чеченцы (Рукописный отдел Государственной библиотеки им. В. И. Ленина, парт. 8, ед. хр. 7.).
24. Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, Ч. I. М., 1823.
25. Буцковский А. А. Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних горских областей//История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв. М., 1958.
26. Розен Р. Ф. Описание Чечни и Дагестана. История. М., 1958.
27. Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. т. I, кн. I. СПб., 1878.
28. Лаудаев У. Чеченское племя//ССКГ, вып. IV, 1872.
29. Попов И. Ичкеринцы//ССТО, вып. I, Владикавказ, 1878.
30. Попов И. М. Ичкерия (Историко-топографический очерк)//ССКГ. Вып. IV. Владикавказ, 1870.
31. Ипполитов А. П. Этнографические очерки Аргунского округа//ССКГ. Вып. I. Владикавказ, 1868.
32. Грабовский Н. Ф. Экономический и домашний быт жителей горского участка Ингушского округа//ССКГ. Вып., III Владикавказ. 1870.
33. Головинский Заметки о О чечне и чеченцах//ССТО. Вып. I, Владикавказ, 1878.
34. Вертепов Г. А. Ингуши (историко-статистический очерк)//Терский сборник. Вып. II. Владикавказ, 1982.
35. Максимов Е. Чеченцы (Историко-географический и статистико-экономический очерк)//ТС. Вып. III, Владикавказ, 1893.
36. Иваненков Н. С. Горные чеченцы (Культурно-экономические исследования чеченского района Нагорной полосы Терской области)//Терский сборник. Вып. 7, Владикавказ, 1910.
37. Пантюхов И. И. Ингуши... т. XIII, Тифлис, 1900.
38. Белобородов. Скотоводство в Терской области//ТВ, 1895, № 113.
39. Червинский Н. П., Елагин В. Б. Разводимые в России породы грубошерстных овец. Киев, 1916.
40. Мартиросиан Г. К. История Ингуши. Орджоникидзе, 1933.
41. Христианович В. П. Горная Ингушетия (К материалам по экономике альпийского ландшафта)//Труды Северо-Кавказской ассоциации НИИ. № 36. Ростов-на-Дону, 1928.

42. Бальшин А. Социально-экономическое состояние Чечни. Ростов-на-Дону, 1927.

43. Фадеев А. В. О некоторых социально-экономических последствиях присоединения Чечено-Ингушетии к России//Известия ЧИНИИЯЛ, Т. II. Вып. I, История. Грозный, 1960; Он же. Россия и Кавказ в первой трети XIX в. М., 1960.

44. Гриценко Н. П. Социально-экономическое развитие Притеречных районов в XVIII — первой половине XIX в.//Труды ЧИНИИЯЛ. Т. IV. Грозный, 1961; Он же. Экономические связи России с Северным Кавказом в 40-х годах XIX века (по материалам ЦГА ЧИАССР)// Известия ЧИНИИЯЛ. Т. II, Вып. I, история, Грозный, 1960; Он же. Посемейные списки селений — важнейший источник истории Чечено-Ингушетии последней четверти XIX века//Известия ЧИНИИЯЛ. Т. III. Вып. I, история. Статьи и материалы по истории народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1963 Он же. К вопросу о социально-экономических отношениях в Чечено-Ингушетии в пореформенный период//Известия ЧИНИИЯЛ. Т. V. Вып. I, история. Грозный, 1961.

45. Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в VIII—XX вв., 1974.

46. Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI—XVII вв. М., 1963.

47. Калоев Б. А. Из истории русско-чеченских экономических и культурных связей//СЭ, 1961, № 1.

48. Исаева Т. А. К вопросу о занятиях населения Чечено-Ингушетии в XVII в.//Известия... Т. IX, ч. III, вып. I. Грозный, 1974.

49. Ахмадов Ш. Б. Из истории развития земледелия и животноводства у чеченцев и ингушей в XVIII — начале XIX в.//Общественные отношения у чеченцев и ингушей в дореволюционном прошлом (XIII—нач. XX в.). Грозный, 1982.

50. Гантемирова Г. А. Хозяйственное развитие народов Чечено-Ингушетии в первой половине XIX в. и вопросы общественных отношений//Общественные отношения... Грозный, 1982.

51. Сулейманов А. С. Топонимия Чечено-Ингушетии, ч. IV. Грозный, 1985.

52. Гамкрелидзе Б. В. Скотоводство в горной Ингушетии. Автореф. канд. дисс. Тбилиси, 1969.

53. Кавказский этнографический сборник. Очерки этнографии Горной Ингушетии. Отв. ред. А. И. Робакидзе. Тбилиси, 1968.

54. Шамиладзе В. М. Хозяйственно-культурные и социально-экономические проблемы скотоводства Грузии. Тбилиси, 1971.

55. Мкртумян Ю. И. К изучению форм скотоводства у народов Закавказья//Хозяйство и материальная культура Кавказа в XIX—XX вв. М., 1971.

56. Османов М. О. О формах и типах скотоводства/по материалам Дагестана, XIX в.//СЭ, 1984, № 6.

57. Ямсков А. Н. Экологические факторы эволюции форм скотоводства у тюркоязычных народов Северного Кавказа.//СЭ, 1986, № 5.

58. От редакции «Советской этнографии».//СЭ, 1982, № 4.

59. Признателен Я. С. Вагипову за эти сведения.

60. Информаторы Горчханова Зайба, 92 года (1971 г.) с. Плиево; в с. Харачой (1977 г.): Вашаева Минай, 1886 г., Вашаева Джеми, 1889 г. и Габаева Заи, 1889 г.; Бараханова Селихат с. Яндырка (1978); Акиева Раблат, 98 лет, с/з им. Х. Нурадилова Хасав-Юртовского района (1981); Карасамов Бахиг, 120 лет (1980), с. Бамут, малхистинец по происхождению; Исмаилов Туру, 78 лет, с. Шали (1980) и др.

61. Калантар А. А. Состояние скотоводства на Кавказе//МУКЛЗПИСК. Вып. I. Тифлис, 1887.

62. Умаров Иса, 93 года, с. Урус-Мартан; Аблаев Басха, 140 лет, с. Зондак.

63. Сулейманов А. С. Топонимия..., ч. I. Грозный, 1970.

64. Кошаев Абу, 83 года, с. Памятой; Аблаков Сарали, 89 лет, г. Назрань.

65. Хасанов Юнус, 87 лет, с. Хакмадой; Гандалов Махьма, 90 лет, с. Карабулак.

66. Еуркаев Висита, 118 лет, с. Базоркино; Катаев Ахмад, 72 года с. Даттых.

67. Дадаев Закри, 82 года, с. Итум-Кале; Бултаев Махмуд, 85 лет, с. Центарой.

68. Аблаков Элмарза, 87 лет, с. Аршты; Дидиева Манаш, 81 год, с. Майртуп.

69. Ахматханов Юсуп, 1924 г., с. Вашандарой; Шавхалов Джана, 90 лет, с. Бейни Советского района; Ибрагимов Махдан, 103 года, с. Ушкалой.

70. Хасиев С. А. Этнографические реалии в героических илли//Поэтика чеченских героических илли. Грозный, 1983.

71. Сулейманов А. С. Топонимия..., ч. II Грозный, 1978.

72. Информаторы — вышеперечисленные и Калоев Магомет, 101 год, с. Плиево; Ковриная Берса, 87 лет, с. Хатуни; Завлиев Ибрагим, 68 лет, с. Николаевская, Маржоев Исраил, 74 года, г. Орджоникидзе.

73. Маркграф С. В. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа. М., 1882.

74. Хасиев С. А. К традиционному отсчету времени у вайнахов//Этнография и вопросы религиозных воззрений чеченцев и ингушей в дореволюционном прошлом. Грозный, 1981.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Багаев Муса Харонович — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории ЧИГУ им. Л. Н. Толстого.

Даутова Резеда Абдулмуслимовна — старший научный сотрудник сектора археологии и этнографии ЧИНИИЭСФ.

Заседателева Лидия Борисовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры этнографии МГУ им. М. В. Ломоносова.

Мадаева Зухра Абдурашидовна — кандидат исторических наук, заведующая сектором археологии и этнографии ЧИНИИЭСФ.

Мамаев Хамид Магомедович — кандидат исторических наук, ученый секретарь ЧИНИИЭСФ.

Нарожный Евгений Иванович — научный сотрудник археологической лаборатории ЧИГУ им. Л. Н. Толстого.

Хасбулатова Зулай Имрановна — кандидат исторических наук, и. о. заведующей сектором археологии и этнографии ЧИНИИЭСФ.

Хасиев Саид-Магомед Адамович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора археологии и этнографии ЧИНИИЭСФ.

Чакхиев Джабраил Юрьевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора археологии и этнографии ЧИНИИЭСФ.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ СОКРАЩЕНИЙ

АВЭИСК	Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа.
АВА	Археология и вопросы атеизма
АО	Археологические открытия
АЭС	Археолого-этнографический сборник
БКИАН	Бюллетень Кавказского историко-археологического института
ВИ	Вопросы истории
ГАИМК	Государственная Академия истории материальной культуры
ДЧИ	Древности Чечено-Ингушетии
ИАК	Известия археологической комиссии
КБНИИ	Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт
КЧНИИ	Карачаево-Черкесский научно-исследовательский институт
КЭС	Кавказский этнографический сборник
ЛО ИА АН СССР	Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР
МАД	Материалы по археологии Дагестана
МАК	Материалы по археологии Кавказа
МУКЛЗПИСК	Материалы для устройства казенных летних и зимних пастбищ и для изучения скотоводства на Кавказе
ОАК	Отчет Археологической комиссии
СА	Советская археология
САИ	Свод археологических источников
СНИИ	Северо-Осетинский научно-исследовательский институт
СМАЭ	Сборник материалов по археологии и этнографии
СМОМПК	Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа
ССКГ	Сборник сведений о кавказских горцах
ССТО	Сборник сведений о Терской области
СЭ	Советская этнография
ТВ	Терские ведомости
ТГИМ	Труды Государственного исторического музея
ТГЭ	Труды Государственного Эрмитажа
ТС	Терский сборник
ЦГА ЧИАССР	Центральный государственный архив ЧИАССР
ЧИГОМ	Чечено-Ингушский государственный объединенный музей
ЧИННИИЭСФ	Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт истории, экономики, социологии и филологии
ЧИННИИЯЛ	Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы
ЧИИИСФ	Чечено-Ингушский институт истории, социологии и филологии
ЧИРКМ	Чечено-Ингушский республиканский краеведческий музей

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
М. Х. Багаев, Х. М. Мамаев. Раскопки Элистанжинского могильника /Юго-Восточная Чечня/ в 1979 году	5
Д. Ю. Чахкиев, Е. И. Нарожный. Новые археологические материалы золотоордынского времени из горной Ингушетии	23
Д. Ю. Чахкиев. Боевые ножи и кинжалы у позднесредневековых вайнахов	36
Р. А. Даутова. Об одном типе позднесредневековых памятников Чечено-Ингушетии	55
З. А. Мадаева. Магия в системе религиозных верований вайнахов /по этнографическим материалам/	86
Л. Б. Заседателева. Традиционное и новое в осенних земледельческих обрядах и праздниках русского и украинского населения Чечено-Ингушетии	107
З. И. Хасбулатова. Свободное время и формы его использования у чеченцев и ингушей	118
С. А. Хасиев. Скотоводство у вайнахов по этнографическим материалам	135
Краткие сведения об авторах	149
Список используемых сокращений	150

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ
И ЭТНОГРАФИИ НАРОДОВ ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ**

Редактор Е. А. Куприянова

Художник В. Н. Калинин

Технический редактор Г. Г. Якушова

Корректоры Н. П. Арустамова, В. И. Чебоксарова

Сдано в набор и подписано к печати 19.07 1990 г. Формат 68 x 84 1/16.
Бумага тип. № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 8,73
Уч.-изд. л. 9,3 Тираж 700. Заказ 6722. Цена 1 р. 30 к.

Чечено-Ингушское издательско-полиграфическое объединение «Книга».
Государственного комитета Чечено-Ингушской АССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли. 364907. Грозный, ул. Субботников, 35.

1 р. 30 к.